

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Т. 2 · № 5 · СЕНТЯБРЬ – ОКТЯБРЬ · 2004

Содержание

- Все для победы? *Фёдор Лукьянов* 5
- ### Невидимый фронт
- Уроки войны *Анатолий Адамишин* 8
Еще далеко не все оценили масштабы бедствия, которое несет человечеству международный терроризм. Сообщество цивилизованных наций обязано, отложив в сторону второстепенные разногласия, сплотиться в борьбе против «чумы XXI века». Пока, правда, мир не смог добиться главного – осознать опасность и преодолеть нехватку политической воли.
- Компромиссы бессмысленны *Евгений Сатановский* 18
Исламисты не ждут уступок от Российской Федерации, как и от всех прочих государств, против которых воюют. Они просто хотят уничтожить страну и ее жителей, будь то атеисты или верующие, мусульмане или немусульмане.
- Непревзойденная сила фанатика *Эрик Хоффер* 27
Истинноверующий не закрывает глаза и не затыкает уши, если факты, по его мнению, не заслуживают того, чтобы их видели или слышали. Он не боится опасности и не падает духом перед препятствиями, его не сбить с толку противоречиями...
- Помощь бедным и «рентабельность» террора 32
Из доклада ИЭПП
В эпоху политкорректности на Западе распространилось представление о том, что борьба с терроризмом – это прежде всего преодоление экономического неблагополучия определенных стран и социальных групп. Авторы доклада Института экономики переходного периода доказывают, что это не так.
- Шакал и феникс *Кэрен Ларсон* 37
Подпиткой для терроризма служат радикальный индивидуализм и ослабление гражданского сообщества в Соединенных Штатах. Индивидуализм развился до стадии, на которой американцы утратили ощущение собственной ответственности перед обществом. И возрождение такого чувства – это еще более сложная задача, нежели борьба с терроризмом, как таковым.

Забытый внутренний фронт *Стивен Флинн* 50

Ведя решительную войну с террористами за рубежом, администрация Буша упустила из виду необходимость обеспечения безопасности в собственной стране. Правительство должно наращивать усилия по защите ключевой инфраструктуры Америки и по привлечению помощи граждан. Для начала следует создать федеральное агентство, обладающее широкими полномочиями, которое, используя ресурсы частного сектора, будет разрабатывать стандарты безопасности и обеспечивать их соблюдение.

Мировое управление

ООН: вызовы времени *Евгений Примаков* 68

В Уставе ООН заложены все возможности для коллективного противодействия угрозам безопасности и стабильности. И вопрос не в том, как изменить Устав, а в том, как максимальным образом использовать потенциал этого документа, Совета Безопасности и всей Организации Объединенных Наций.

История и гипердержава *Элиот Козн* 77

Споры о том, можно ли называть сегодняшнюю Америку империей, — не более чем семантические игры. Важно то, что США в достаточной степени напоминают империи прошлого, чтобы стоило обратиться к истории и попытаться извлечь из нее уроки. Всеобъемлющее доминирование всегда вызывает враждебность. Поэтому американским лидерам следует овладеть искусством дипломатии и управления всей мощью империи без чванливых поз и сохраняя вежливую улыбку на лице.

Что такое империя? *Алексей Любжин* 94

Рим — это единственное зеркало, в котором современность может увидеть свое будущее, одно-единственное общество, которое ушло по пути модернизации дальше, чем сегодняшний Запад, и являло собой пример бережного отношения к культуре покоренных народов.

Сдержанный подход к строительству наций 101

Амитаи Этциони

Чем больше самостоятельности внешние силы предоставляют местному населению в решении их собственных проблем, тем больше вероятность того, что новый режим разовьется и пустит корни. Лучшее, что могут сделать иностранные державы, — это ограничиться общими рекомендациями и советами, а также создать условия для естественного развития обстановки.

Политика умиротворения и вооруженные силы 115

Эрнест Пастернак

Опыт многих стран, столкнувшихся с локальными «конфликтами низкой интенсивности», свидетельствует: победа в таком конфликте означает не физическое уничтожение противника (как в обычной войне), а создание условий, в которых повстанцы уже не смогут достигнуть своих политических целей.

Шестая часть Земли

От глобальных противоречий — к региональным конфликтам 128

Михаил Делягин

Задача Российской Федерации на современном этапе — довести до логического конца распад Советского Союза и добиться признания независимости тех самопровозглашенных образований, которые не желают оставаться в составе бывших советских республик.

Ближнее зарубежье: всё дальше от России <i>Екатерина Кузнецова</i>	136
---	-----

Если российские власти не скорректируют свой курс, в скором времени усилия Москвы по удержанию бывших братских республик в зоне своего влияния могут увенчаться окончательным разворотом этих стран в сторону тех, кто предложит им более внятный сценарий будущего развития.

Кавказские горизонты Большой Европы <i>Владимир Дегоев</i>	150
---	-----

Любой проект, разработанный для Кавказа без учета интересов России, обречен на неудачу. Право защищать южные рубежи своей страны от разнообразных угроз из Закавказья — последнее, с чем будет готов расстаться Кремль.

Новый разговор с Россией <i>Майкл Макфол</i>	160
---	-----

Россияне не могут быть единственными миротворцами во взрывоопасных регионах постсоветского пространства. В идеале ООН могла бы поддерживать размещение новых многонациональных контингентов в очагах конфликтов. Переговорные процессы также должны быть интернационализированы.

ОТВЕТЫ ПО-КИЕВСКИ

Украина: путь на Запад <i>Роналд Асмус</i>	174
---	-----

Запад лучше справится со стратегическими вызовами грядущих десятилетий, если на его стороне будет дружественная демократическая Украина. В число первоочередных приоритетов следует включить вопрос об интеграции Киева в евроатлантическое сообщество.

Украина после Кучмы <i>Аркадий Мошес</i>	188
---	-----

В ближайшие пять, максимум десять лет решится, будет ли общая граница условной линией, соединяющей народы России и Украины, или она станет новым рубежом раздела Европы. Украине предстоит здесь сделать свой выбор, а России — свой и жить с его последствиями.

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

Система в мировой политике <i>Виктор Кременюк</i>	200
--	-----

Мемуары жизнелюба <i>Дмитрий Тренин</i>	206
--	-----

Оптимизм и реальность <i>Марк Шкундин</i>	211
--	-----

«Россия и Европа: вместе или рядом?» <i>Обзор семинара</i>	215
---	-----

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ
СОВЕТ

*Председатель
попечительского совета*
ПОТАНИН В.О.

«Интеррос»

ВАЙНШТОК С.М.
ОАО «АК «Транснефть»»

ВАРДАНЯН Р.К.
«Тройка-Диалог»

ВЕКСЕЛЬБЕРГ В.Ф.
ОАО «СУАЛ-Холдинг»

ГЕНЕРАЛОВ С.В.
*председатель совета директоров
Ассоциации по защите прав
инвесторов*

ЕВТУШЕНКОВ В.П.
АФК «Система»

КУЗЫК Б.Н.
«Новые программы и концепции»

КУЗЯЕВ А.Р.
«ЛУКОЙЛ Оверсиз Холдинг Лтд.»

ОКУЛОВ В.М.
ОАО «Азрофлот»

ЦВЕТКОВ Н.А.
ФК «Уралсиб»

УЧРЕДИТЕЛИ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ
ПО ВНЕШНЕЙ
И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

РОССИЙСКИЙ СОЮЗ
ПРОМЫШЛЕННИКОВ
И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ
(РАБОТОДАТЕЛЕЙ)

ОАО «РЕДАКЦИЯ ГАЗЕТЫ
«ИЗВЕСТИЯ»»

Издается АНО РИД «Глобус»

ЗАРЕГИСТРИРОВАН
в МИНИСТЕРСТВЕ РФ ПО ДЕЛАМ
ПЕЧАТИ, ТЕЛЕРАДИОВЕЩАНИЯ
И СРЕДСТВ МАССОВЫХ
КОММУНИКАЦИЙ
ПИ № 77-12900
от 3 июня 2002 г.

Адрес редакции:
Россия, 103873, Москва
ул. Моховая, 11, стр. 3 «В»
Тел.: (095) 980-7353
Факс: (095) 937-7611
E-mail: info@globalaffairs.ru
http://www.globalaffairs.ru

Отпечатано в ОАО «Калужская
типография стандартов»
Заказ № 2586.
Общий тираж 10 000 экз.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

КАРАГАНОВ С.А. – *председатель*

АРБАТОВ А.Г.
АХТИСААРИ Маргги
(Финляндия)
БЕЛОУСОВ Л.С.
заместитель председателя

БЕРГСТЕН Фред (США)

БИЛЬДТ Карл (Швеция)

ГРИГОРЬЕВ В.В.
(в личном качестве)

ЖУКОВ А.Д.
(в личном качестве)

ЗВЕРЕВ С.А.

ИВАНОВ И.С.
(в личном качестве)
ИНОЗЕМЦЕВ В.Л.
*председатель
научно-консультативного
совета*

КАЙЗЕР Карл
(Германия)

КОЖОКИН М.М.

КОКОШИН А.А.

КОЛЬ Гельмут
(Германия)

КОМИССАР М.В.

КОПЬЕВ В.В.

КУЗЬМИНОВ Я.И.

ЛАВРОВ С.В.
(в личном качестве)

ЛИВШИЦ А.Я.

ЛУКИН В.П.

ЛУКЬЯНОВ Ф.А.
главный редактор

МАУ В.А.

МОНБРИАЛЬ Тьерри де
(Франция)

НИКОНОВ В.А.
заместитель председателя

ОВЧИНСКИЙ В.С.

ПОЗNER В.В.

ПРИМАКОВ Е.М.

ПРИХОДЬКО С.Э.
(в личном качестве)

РЫЖКОВ В.А.

ТЕЛЬЧИК Хорст
(Германия)

ТОРКУНОВ А.В.

УОЛЛЕС Уильям, лорд
(Великобритания)

ХАКАМАДА И.М.

ХОУГ Джеймс (США)

ШМЕЛЁВ Н.П.

ЭЛЛИСОН Грэм (США)
(Франция)

ЮРГЕНС И.Ю.
ЯСТРЖЕМБСКИЙ С.В.
(в личном качестве)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

ИНОЗЕМЦЕВ В.Л.

председатель
АДАМИШИН А.Л.

БУТОРИНА О.В.

ГРИГОРЬЕВ Л.М.

ЛОМАНОВ А.В.

МИРСКИЙ Г.И.

ШКУНДИН М.З.

ЭНТИН В.Л.

ЮРЬЕВ А.И.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА

- Газеты «Время новостей», «Известия», «Московские новости», «Российская газета», «Совершенно секретно», «Труд»
- Информационные агентства «Интерфакс», РИА «Новости», «Росбалт»
- Радиостанция «Эхо Москвы»

ЮРИДИЧЕСКАЯ
ПОДДЕРЖКА

Коллегия адвокатов
«КЛИШИН И ПАРТНЕРЫ»

PR-ПОДДЕРЖКА

ЗАО «КРОС»

Главный редактор Фёдор Лукьянов

Заместители главного редактора:

Тимофей Бордачёв, Наталья Костромская (англоязычное издание)

Генеральный директор
Ирина Палехова

Ответственный редактор
Александр Кузьяков

*Заведомо
переводной литературы*
Любовь Рыклина

*Референт председателя
редакционного совета*
Елена Блинникова

Ответственный секретарь
Ксения Михайлова

Автор макета
Константин Радченко

Верстка
Наталья Заблочките

Проверка и корректура
Арнольд Кун

Интернет-редактор
Павел Житнюк
portal@rosbalt.ru

Распространение
Владимир Астафьев
тел.: (095) 937-7611
subscribe@globalaffairs.ru

Англоязычное издание
Russia in Global Affairs

Редактор
Ринат Якубов

Стилист
Роберт Бридж

Корректор
Людмила Купченко

Иллюстрации
Александр Бобосов

Все для победы?

Фёдор Лукьянов, главный редактор

Самый первый номер журнала «Россия в глобальной политике», увидевший свет в январе 2003 года, открывался статьей знаменитого британского военного историка **Майкла Ховарда** «Что значит бороться с терроризмом». Автор критически оценивал действия администрации США, провозгласившей «войну» против международного терроризма. «Объявление состояния войны, — писал Ховард, — немедленно вызовет военный психоз, а он, в свою очередь, может помешать достижению поставленных целей. После такого объявления общество начинает ожидать и требовать немедленных впечатляющих и победоносных военных действий против некоего легко узнаваемого противника — желательно враждебного государства».

Спустя неполных два года вопрос, вынесенный в заголовок тогдашней статьи, со всей остротой встал перед руководством Российской Федерации. Смерть сотен детей в Беслане стала для России аналогом американских событий 11 сентября. Трагедия в Осетии продемонстрировала, какой степени ожесточения достигают сегодня конфликты, вне зависимости от своих корней становящиеся

частью общего противостояния двух миров: Первого, относительно благополучного, вестернизированного, и Третьего, ущемленного собственным неуспехом, жаждущего взять реванш и перекроить не только географическую карту, но и всю систему идейных координат. Россия, хочет она того или нет, относится к Первому миру, и поэтому становится мишенью для атак его ненавистников.

На брошенный вызов Кремль отреагировал так же, как тремя годами ранее Белый дом ответил на нападение «Аль-Каиды»: терроризму объявлена война. Но четкого понимания того, как и против кого ее вести, похоже, нет. В российском обществе и его политическом классе отсутствует согласие относительно того, кто наш враг, как с ним бороться, и есть ли у России союзники.

Пожалуй, самый важный вывод сформулирован в статьях двух экспертов, изучавших опыт Израиля и США, которые являются главными объектами террористических нападений.

Евгений Сатановский и **Кэрен Ларсон** утверждают: противостояние терроризму требует прежде всего глубокой перестройки общественно-

го сознания, и только во вторую очередь — действий спецслужб и государственных органов. Израильтяне давно научились жить в условиях постоянной угрозы, американцы пытаются (пока не слишком успешно) освоить подобный образ жизни, россиянам же это только предстоит. О том, какие ошибки во внутренней политике допустила администрация Буша, взявшись за искоренение терроризма «на дальних подступах», пишет **Стивен Флинн**. Психология фанатика, готового на все ради воплощения одной-единственной идеи, блестяще отражена в знаменитой книге **Эрика Хоффера** «Истинноверующий», отрывок из которой мы публикуем. Наконец, необоснованность надежд на то, что от террористов можно откупиться оказанием массовой помощи, доказывают специалисты **Института экономики переходного периода**. С призывом к бывшим противникам по холодной войне отложить в сторону второстепенные разногласия и сосредоточиться на устранении общей угрозы выступает ветеран российской дипломатии **Анатолий Адамишин**.

Всплеск международного терроризма вновь и вновь возвращает к теме кризиса мирового управления. ООН нельзя списывать со счетов, напротив, необходимо в полной мере использовать ее богатый потенци-

ал, убежден патриарх отечественной политической мысли **Евгений Примаков**. Способность США, единственной гипердержавы, эффективно руководить мировой системой, анализируют историк **Элиот Коэн** и выдающийся американский социолог **Амитаи Этциони**.

Выступая с обращением к нации после бесланских событий, президент Путин напрямую связал нынешние катаклизмы, прежде всего на Кавказе, с распадом Советского Союза и конкуренцией различных сил за влияние на «шестой части суши». О столкновении интересов на постсоветском пространстве пишут **Михаил Делягин**, **Екатерина Кузнецова**, **Владимир Дегоев** и **Аркадий Мошес**. Данный блок статей имеет непосредственное отношение к главной теме номера.

Западный взгляд на то, как должны развиваться бывшие союзные республики и какова в этом процессе роль России, излагают видные американские политологи **Майкл Макфол** и **Роналд Асмус**.

В следующем номере мы предполагаем подвести итоги президентских выборов в США, оценить перспективы Европейского союза после принятия Конституции, а также затронуть такой животрепещущий для России и всего развитого мира вопрос, как миграция.

Невидимый фронт

Беслан. 12 октября 2004 года

“ Противостояние терроризму не может быть делом только государства или специализированных ведомств и организаций. Без участия самых широких слоев населения оно обречено если не на поражение, то на бесконечное повторение терактов ”

Уроки войны *Анатолий Адамишин*

8

Компромиссы бессмысленны *Евгений Сатановский*

18

Непревзойденная сила фанатика *Эрик Хоффер*

27

Помощь бедным и «рентабельность» террора *Из доклада ИЭПП*

32

Шакал и феникс *Кэрен Ларсон*

37

Забытый внутренний фронт *Стивен Флинн*

50

Уроки войны

Анатолий Адамишин

Беспощадная война, объявленная мировому терроризму три года назад, вовлекает в свою орбиту все большее число стран. Россия раньше других оказалась на передовой ее невидимого фронта. Какие уроки можно извлечь из опыта, накопленного за истекшее время?

Первое. Подавляющее, казалось бы, превосходство над силами противника не обеспечивает цивилизованному миру победу в войне с терроризмом. Число жертв террора лавинообразно растет, а сам он приобрел новое, зловещее измерение после чудовищной трагедии в Беслане, приведшей к гибели сотен детей. Но международное сообщество так и не сплотилось перед лицом нового вызова. Далеко не все оценили масштабы бедствия, многие не считают борьбу с ним приоритетом номер один, более того — успокаивают себя тем, что террористические акты, как и любое зло, неизбежны, ибо представляют собой извечное оружие слабого в противоборстве с более сильным. Однако то, что принято (скорее для краткости, чем для точности) называть международным терроризмом, уже давно вышло за рамки разрозненных акций. Мы столкнулись с качественно новым явлением, компонентом современного этапа развития земной цивилизации, именуемого, опять-таки для краткости, глобализацией. Именно поэтому к нему невозможно подходить с прежними мерками.

Второе. До сих пор нет отчетливого понимания того, с кем ведется война. Враг не материализован в привычные формы: у него нет собственной территории, регулярной армии, национальной эко-

А.Л. Адамишин — Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ (в отставке), первый заместитель министра иностранных дел РФ в 1992–1994 годах, министр РФ по делам СНГ в 1997–1998 годах, член научно-консультативного совета журнала «Россия в глобальной политике».

номики. Зачастую он даже не имеет лица. Из этого иногда делают вывод, что глобального терроризма вовсе не существует. Приверженцы данной концепции утверждают, что локальные террористические проявления во всем мире не составляют единой системы, поскольку в различных регионах планеты за ними стоят разные силы, преследующие несхожие цели — политические, религиозные или просто криминальные. Соответственно объявлять войну международному терроризму, как это сделали США, — ошибка. Ведь именно политическая мотивация противника определяет способы, пригодные для его нейтрализации. Война же — это универсальное средство, взятое из арсенала колониального или неоколониального прошлого. Вторжение в чужую страну всегда вызывает жесткое противостояние оккупантам и коллаборационистам. Ирак — наглядное тому доказательство.

Конечно, нельзя всех нанизать на одну «ось зла». Но очевидно, что явления и силы, питающие терроризм, переплетаются, образуя различные комбинации, поддерживая друг друга и зачастую распространяясь за границы своих регионов. Для россиян самый яркий пример такого рода — конфликт в Чечне. Более десяти лет назад он начинался как сугубо внутрirosсийский, но затем в нем появился и стал стремительно усиливаться международный фактор. Уже в 1997 году Усама бен Ладен назвал Чечню инкубатором религиозной войны. К бандитам рекой потекли деньги из таких вроде не связанных между собой регионов, как зона Персидского залива, Европа, Юго-Восточная Азия и даже Северная Америка. Можно спорить, какой компонент чеченского конфликта является доминирующим, но мощное финансирование и идеологическая поддержка из-за рубежа, участие иностранных наемников делают Чечню частью глобального джихада.

Сепаратистские, региональные и уголовные элементы тесно переплелись в Косово. Эта провинция, де-юре принадлежащая Сербии и Черногории, становится прибежищем для террористов различных мастей. Победа там сепаратизма не только создает негативный прецедент для других проблемных регионов. Он дестабилизирует обстановку в традиционно неспокойной части Европы.

Афганистан — это еще один пример того, насколько пагубно отсутствие системного подхода. Операция против талибов, которые поддерживали международный терроризм, казалось бы, была успешной, однако она не сопровождалась решительным ударом по

наркобаронам. Расцвет наркобизнеса (а значительная часть тех трехсот тонн героина, что ежегодно производится в Афганистане, проходит через Россию) способствует оживлению движения «Талибан». Террор, финансируемый доходами от наркобизнеса да еще и не брезгающий применять наркотики для воздействия на человеческое сознание, получает дополнительные возможности для расплождения по всему земному шару.

А так ли уж безобидна с точки зрения подпитки и распространения терроризма ситуация в Ираке? За тем ли врагом погнались, нанеся по Саддаму Хусейну превентивный удар без достаточных, как выяснилось, оснований. Во всяком случае, ни обладание оружием массового уничтожения, ни связи Багдада с «Аль-Каидой» подтверждения не нашли. Справедливости ради стоит, правда, заметить, что решимость американцев произвела впечатление, например, на Ливию и Сирию, политика которых претерпела серьезные изменения.

Есть ли гарантия того, что отдельные террористические отряды, начав со сговора и взаимодействия по оперативным вопросам, не сольются впоследствии в единую армию? Много ли пройдет времени до того, как управление этой армией будет осуществляться если не из одного штаба, то из нескольких центров, координирующих между собой основные шаги? Там, где есть общая идея, рано или поздно появится и общая стратегия. Уже сейчас говорят о террористическом интернационале, который вступает, в схватку если не за власть над миром, то за разрушение оного. Общий враг объявлен: западная цивилизация, демократия, гражданское общество. На авансцену стремительно выходит радикальный исламизм. Последние удары по России, по единству ее многонационального населения рассчитаны со стратегической точностью.

Отрицание наличия глобального терроризма ведет на практике к отходу от идеи единого фронта борьбы с невидимым, но крайне опасным врагом. Многие европейцы считают, что противостояние террору — это «чужая» война. За подобной позицией угадывается стремление отсидеться в «тылу», отвести от себя угрозу, направить ее в другую сторону. Можно понять «чувствительность» правительств стран Западной Европы к проблеме все более многочисленного мусульманского населения. Как выразился недавно один эксперт, «Европа может стать частью Арабского Запада или Магриба». Но заигрывание с «полутеррористами», терпимое отношение к различным фондам и ассоциациям, предоставляющим деньги и убежище пре-

ступникам, не может быть способом решения проблемы. Старый как мир двойной стандарт оборачивается пособничеством террористам. Если верх возьмет политика умиротворения, своеобразный «Мюнхен XXI века», то шансов победить в войне с террором не будет.

Один из способов преодоления различия в оценках — совместная аналитическая работа с целью выработать четкое и приемлемое для всех определение понятия «международный терроризм». Основой для консенсуса мог бы стать проект Всеобъемлющей конвенции по международному терроризму, внесенный Индией в ООН. Понятно, что проблема сложна, поскольку весьма политизирована. Как отличить террориста от «борца за свободу», как быть с так называемым государственным терроризмом? Но хотя до окончательного решения еще далеко, уже наработан обширный комплекс практических мер по взаимодействию в борьбе с терроризмом. Их необходимо принимать без промедления.

Третье. Два года назад я писал на страницах этого журнала: «Бывшие противники в холодной войне должны всерьез проникнуться осознанием того факта, что само их выживание зависит от способности переключить внимание на новые опасности». Сегодня это, к сожалению, еще более актуально. Прекращение распрей внутри одной цивилизационной семьи (а Россия, безусловно, относится к западной цивилизации) становится настоящим императивом.

Бывшим противникам в холодной войне пора прекратить выяснение отношений друг с другом, сосредоточившись на главном. Каждая крупная террористическая акция вызывает шаги навстречу друг другу как в двустороннем, так и в многостороннем (ООН, «восьмерка», НАТО, ЕС) плане. Так, Россия и НАТО вместе определили три направления отражения террористических угроз:

- нейтрализация сетей «Аль-Каиды»;
- повышение безопасности полетов гражданских самолетов;
- противодействие исламским экстремистским группам.

На этой базе проведен ряд совместных антитеррористических маневров, например «Калининград-2004». Но проходит время — и возвращается прежнее недоверие. Сколько же можно повторять одни и те же ошибки в выборе приоритетов?

Именно неразборчивость в средствах во времена холодной войны способствовала разрастанию исламского радикализма. В тот период Соединенные Штаты, по выражению одного французского публициста, заключили союз с дьяволом — мусульманским экстре-

мизмом. Они пошли на этот шаг даже в ущерб отношениям с более умеренными исламскими кругами, лишь бы насолить Советскому Союзу. А ведь многие из тех, кто давал подобные советы Рональду Рейгану, не ушли из активной политики, а пополнили ряды сегодняшних американских неоконсерваторов. Не отсюда ли примиренческое, мягко говоря, отношение к той роли, которую играют в разжигании терроризма влиятельные круги в Саудовской Аравии? СССР, следует признать, тоже не брезговал неджентельменскими приемами в конфронтации с США.

К застарелым противоречиям между Россией и тем, что у нас именуют Западом, добавились разногласия внутри евроатлантического сообщества. Если главное для США – война против исламских террористических групп, а также стран, укрывающих и поддерживающих их, то европейцы считают, что терроризм можно сдерживать так называемой «мягкой силой», то есть сочетанием политических, полицейских и лишь в крайнем случае военных методов. Россия сама воюет в Чечне, но в международном плане тяготеет к европейскому подходу, что проявилось в оценке американских действий в Ираке. Правда, сейчас российская позиция ужесточается. И в Западной Европе зазвучали голоса, призывающие повысить способность Европейского союза «устранять угрозу в зародыше», т. е. за пределами Европы и жесткими мерами.

Лучшее, что может сблизить подходы, – это практическая работа по координации антитеррористических усилий. Россия, США, Европейский союз в целом и его отдельные страны-члены, а также Япония, Индия, Китай, Израиль должны проявить политическую волю для перехода к качественно новому сотрудничеству.

Вот лишь некоторые из необходимых шагов:

- установление более доверительных и тесных отношений между спецслужбами;
- сотрудничество в области современного антитеррористического оборудования и вооружений. Россия с ее огромной территорией, протяженными транспортными, в том числе трубопроводными, системами находится с этой точки зрения в уязвимом положении. Необходимо содействие в техническом переоснащении средств защиты, ибо имеющиеся устарели и неадекватны;
- выявление и перекрытие каналов финансирования террористических организаций;
- совместные операции по поиску и задержанию террористов;

- партнерство в военной сфере, в том числе проведение совместных учений, а впоследствии создание совместных баз и спецформирований.

Первые шаги в этом направлении уже делаются. Пример налаживания такого союзнического, по сути, сотрудничества должны показать США и Россия. Специальная рабочая Группа высокого уровня по вопросам терроризма провела более десятка продуктивных встреч. В российско-американском активе есть несколько удачных «полевых» операций. Однако дальнейшему прогрессу мешают стереотипы прошлого.

Спецслужбы, сформировавшиеся в эпоху холодной войны, идут на обмен информацией с явной неохотой. Правильные решения, принимаемые на высшем уровне, вязнут на уровне непосредственных исполнителей,

Пора прекратить стенания по поводу того, как труден один партнер для другого. Пора перестать публично учить друг друга жизни — и не потому, что Россия или США в таких уроках не нуждаются, а потому, что поучения дают обратный эффект. Ведь нам угрожает общий враг — самый опасный со времен Второй мировой войны.

Ведь между участниками антигитлеровской коалиции вспыхивали острые разногласия вплоть до взаимных подозрений в сепаратных попытках договориться с нацистами. В отличие от сегодняшнего дня союзники по коалиции исповедовали диаметрально противоположные идеологические ценности. Но все это отошло на второй план ради самого важного — разгрома гитлеровской Германии.

Всплеск в России антизападных настроений, рассуждения о неких геополитических соперниках нашей страны, которые добиваются ее расчленения, используя терроризм как инструмент, уводят в сторону от реальных опасностей. Конечно, в странах, считающихся нашими партнерами, хватает тех, кто относится к России отнюдь не дружески. Но это еще не повод для того, чтобы возрождать рефлексы холодной войны, культивировать «синдром осажденной крепости». Это мы проходили, горький итог известен.

Терроризм — страшный монстр. Против такого чудовищного изобретения, как «живые бомбы», нет защиты. Изошренность методов, жесточайшая дисциплина внутри террористических организаций, их сетевой характер, шантаж населения только усиливают разрушительное воздействие терроризма. Что же будет, если террористам удастся воплотить в жизнь давнее желание и добраться до ору-

жия массового уничтожения, чего они давно и целенаправленно добиваются? Одна лишь эта мысль должна побудить ответственных государственных деятелей отбросить второстепенные проблемы, обеспечить надежные заслоны на пути ядерного, химического, биологического оружия, с тем чтобы оно не попало в преступные руки. В этой области Россия также нуждается в поддержке со стороны западных партнеров, прежде всего США. Пока предоставляемая помощь (порядка 780 млн дол. в год) не соответствует масштабу задач по ликвидации оружия массового уничтожения, предотвращению его захвата.

Четвертое. Необходимо внести коррективы в международно-правовое обеспечение антитеррористической деятельности, создать однородное правовое поле. Для этого надо максимально сблизить национальные законодательства, которые по-прежнему сильно отличаются друг от друга, особенно в том, что касается принципов экстрадиции. В противном случае любой террорист будет рассчитывать на то, что ему удастся уйти от наказания.

Не выработаны критерии, правовая основа и механизмы осуществления принудительных мер, применяемых извне с целью покончить с геноцидом и массовыми нарушениями прав человека в том или ином государстве. В переосмыслении нуждается принцип суверенитета, ибо его абсолютизация не отвечает современной обстановке. На повестку дня следует поставить и вопрос о возможности международной опеки в отношении стран, власти которых не могут осуществлять свои функции.

Пятое. Борьба с террором — сражение за умы людей, особенно молодого поколения, поэтому необходимо создать атмосферу тотального неприятия терроризма. Как абсолютное зло, оно не может быть оправдано никакими политическими, религиозными или иными мотивами. Не бывает «хорошего» и «плохого» терроризма, в борьбе с ним нет места нейтралитету или благодушию. Решающая роль в создании широкого антитеррористического фронта принадлежит гражданскому обществу.

Шестое. Жизненно важно отделить религиозный фанатизм, проявляющийся в бесчеловечных формах, от религии, как таковой. Радикализм пагубен в любой религии: и фундаменталисты-евреи, и фундаменталисты-христиане нередко ведут себя так, будто знают истину в последней инстанции и готовы, если потребуются, утвердить ее мечом. Своя «Хезболла», к сожалению, есть и в Израиле.

Пока экстремисты — это лишь небольшая часть мусульманского общества. И уж тем более недопустимо превращать «Аль-Каиду» в полномочного представителя всех угнетенных мусульман.

Многие и на Западе, и в исламском мире верят, что подоплекой происходящего является столкновение цивилизаций, разделение мира на «нас» и «их». Якобы ислам занял идеологическую нишу, освобожденную коммунизмом. Если такое мироощущение одержит верх, мрачные времена ожидают всех: и «их», и «нас». Как донести до сознания людей тот факт, что речь идет не о войне цивилизаций, а войне с цивилизацией?

Составная часть победы в этой войне — модернизация необъятного мусульманского мира. Он стоит перед серьезнейшими вызовами, связанными с неравенством, отсталостью, нестабильностью, наркоторговлей, деградацией целого ряда государств на фоне баснословного богатства узких групп. Все это составляет питательную среду терроризма, и усилия следует направить на ее оздоровление. Несправедливо утверждение о том, что исламский мир не приемлет современного экономического развития и чужд демократии. Примеры таких стран, как Индонезия, Турция, Малайзия, свидетельствуют об обратном.

Седьмое. Хотя в определенных ситуациях военные действия неизбежны, решить проблему только силой невозможно. Опыт Ирака и Чечни — лучшее тому доказательство. Политика не может безраздельно доверить свою миссию войне. Подходы и Вашингтона, и Москвы нуждаются в существенном пересмотре. Ограниченность методов силового воздействия отчетливо проявляется и в палестинско-израильском противостоянии, — конфликте, выходящем за рамки локального. Игнорирование Израилем и США интересов палестинцев воспринимается мусульманами во всем мире как своеобразный крестовый поход против ислама. Трудно надеяться на избавление от террористической чумы, пока нет мира на Ближнем Востоке.

Восьмое. Для координации усилий по сдерживанию и искоренению международных террористических сетей необходимы специальные организационные рамки.

С завершением холодной войны закончился и период так называемой негативной стабильности. Мир вошел в зону турбулентности, он неустойчив и плохо управляем, что подталкивает к борьбе за контроль над ним. В этой связи на первый план выступает

ООН, как единственный универсальный форум, хранительница норм международного права, организация, наделенная в лице своего Совета Безопасности полномочиями решать вопросы войны и мира. Именно в рамках этой структуры можно наладить сотрудничество развитых и развивающихся стран, основой которого стал бы своеобразный «обмен»: первые выделяют большие средства на экономические нужды, а вторые в свою очередь принимают меры по противодействию международному терроризму и нераспространению оружия массового уничтожения.

С миссией «главной» организации мира ООН пока не справляется. При решении принципиального вопроса о нападении на Ирак американцы просто-напросто обошли Совет Безопасности в ущерб и себе, и международной организации. Но часть вины лежит и на Объединенных Нациях, ибо нельзя жить по Уставу, написанному 60 лет назад. Вакуум в своде международных правил, заполняемый односторонними действиями, должен быть устранен правовым путем – совместной разработкой новых норм поведения.

Отрадно, что ведущие страны – члены ООН пришли к пониманию необходимости реформировать эту организацию. Но деятельность в данном направлении буксует. Необходимо не только придать импульс усилиям по перестройке ООН, но и подумать о создании специализированной мировой структуры, призванной помочь справиться с новыми вызовами и угрозами. Контртеррористический комитет Совета Безопасности пока занят мониторингом выполнения резолюций ООН по борьбе с терроризмом, которых накопилось немало. Новая структура должна оказать содействие в деле оперативного реагирования на широкую гамму проблем – от предотвращения терактов до ликвидации их последствий.

Проблемы, стоящие перед государствами в их борьбе с неуловимым и безжалостным противником, крайне сложны, но все же решаемы. Беда в том, что на сегодняшний день мы пока не смогли добиться главного – осознать опасность, преодолеть нехватку, а то и паралич политической воли. Не пора ли, наконец, начать учиться на собственных трагических ошибках?

Средства революціонной борьбы.

Дѣятельность террористическая и массовая революціонная борьба.

Выходя изъ того положенія, что русскія политическія условія настоящаго не есть ничто случайное, что они исчезнутъ лишь вмѣстѣ съ *насмѣшвенно* низверженнымъ абсолютизмомъ и что эти условія ставятъ неодолимыя преграды созданію всероссійской революціонной партіи, могущей съ помощью лишь своего *физическаго* превосходства, путемъ открытой революціи вступить, съ увѣренностью на побѣду, въ открытую борьбу съ русскимъ самодержавіемъ, окруженнымъ миллионной арміей и всѣми орудіями защиты,—мы полагаемъ, что дѣло разрушенія существующаго политическаго строя будетъ вестись, слѣдовательно, лишь отъ имени соціально-революціонной партіи, покоящейся на принципѣ заговора и связанной съ окружающимъ населеніемъ органическими нитями массоваго сочувствія, а также дѣятельной поддержки въ формѣ *открытаго* протеста и непрерывнаго появленія отрядовъ новыхъ борцовъ на смѣну уходящимъ.

Однимъ изъ сильныхъ средствъ борьбы для такой партіи, диктуемымъ нашимъ революціоннымъ прошлымъ и настоящимъ, явится политическій терроръ, заключающійся въ уничтоженіи наиболѣ вредныхъ и вліятельныхъ при данныхъ условіяхъ лицъ русскаго самодержавія.

Систематическій терроръ, *созмѣстно съ другими, получающими только при террорѣ огромное рѣшающее значеніе, формами открытой массовой борьбы (фабричныя и аграрныя бунты, демонстраціи и проч.)*, приведетъ къ дезорганизаціи врага. Террористическая дѣятельность прекратится лишь съ побѣдой надъ самодержавіемъ, лишь съ полнымъ достиженіемъ политической свободы.

Кромѣ своего главнаго значенія, какъ средства дезорганизующаго, террористическая дѣятельность послужитъ вмѣстѣ съ тѣмъ средствомъ пропаганды и агитаціи, какъ форма открытой, совершающейся на глазахъ всего народа, борьбы, подрывающей обаяніе правительственной власти, доказывающей возможность этой борьбы и вызывающей къ жизни новыя революціонныя силы, рядомъ съ непрерывающейся устной и печатной пропагандой.

Наконецъ, террористическая дѣятельность является для всей тайной революціонной партіи средствомъ самозащиты и охраненія организациі отъ вредныхъ элементовъ—шпіонства и предательства.

Компромиссы бессмысленны

Евгений Сатановский

Готово ли российское общество противостоять терроризму? Этот вопрос возникает сам собой, когда эмоционально или сдержанно, в досуговых беседах или перед объективом телекамер, в парламентских выражениях или с применением непечатной лексики политики, эксперты, журналисты и обыватели обсуждают события в Беслане, Будённовске, Москве и прочих «местах встреч» страны и террористов. Растерянность, ксенофобия, готовность обвинять во всех грехах кого попало, в том числе профессионалов, благодаря которым число спасенных отличается от нуля, взаимное недоверие власти и населения, мусульман и немусульман, русских и «иностранцев» производят удручающее впечатление и служат питательной почвой для эсхатологических прогнозов политологов и политтехнологов.

Осознание происходящего, готовность к действиям и умение реагировать «по ситуации» — вот три компонента, сочетание которых позволит дать положительный ответ на поставленный вопрос. И главное здесь — *понимание* того, с чем, собственно, столкнулась Россия: кто ее противники и союзники, какие именно шаги должны быть предприняты, чтобы страна и общество выдержали испытание терроризмом, и чего делать нельзя ни при каких обстоятельствах.

НАСТУПЛЕНИЕ «ЗЕЛЕННОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА»
Первое, что необходимо констатировать: современный терроризм — это *надолго*. Скорее на десятилетия, чем на годы. С таким злом нужно уметь жить, воспринимая его так же, как, скажем, эпидемии или проблемы на дорогах. Для того чтобы не погибнуть в автокатастрофо-

Е.Я. Сатановский — президент Института изучения Израиля и Ближнего Востока, президент Российского еврейского конгресса.

фе, не заболеть, а заболев, вылечиться и прожить как можно дольше, существуют не только специализированные системы, составляющие изрядную часть современной цивилизации, но и набор правил, известных всем и каждому с детства. Их не все и не всегда соблюдают, но пенять в этом случае не на кого, кроме себя самого. Выживание страны в столкновении с терроризмом во многом зависит от того, как скоро эти правила будут выработаны и станут частью национальной культуры.

Показателен опыт Израиля. «Интифада Аль-Акса» с беспрецедентным по масштабам использованием смертников планировалась палестинским руководством как акция, в ходе которой «сломаются» либо израильское общество, либо израильская армия. Предполагалось, что в первом случае при «расчетных потерях» один к трем Израиль просто перестанет существовать, так как число покинувших страну израильтян превысит число иммигрантов и естественный прирост населения. Во втором случае ожидался удар со стороны Армии обороны Израиля с ориентировочными потерями палестинцев в несколько десятков тысяч человек, что позволило бы говорить об избыточном применении силы и рассчитывать на вмешательство миротворческого контингента ЕС по югославскому образцу. Однако ни один из этих сценариев не реализовался. Хотя потери израильтян составили один к двум, израильское общество консолидировалось, израильские левые, бывшие последовательными союзниками Арафата, потерпели сокрушительное поражение на парламентских выборах, израильская армия избрала тактику точечного уничтожения лидеров террористов, а страна продолжила жить и развиваться, несмотря на террор. Пример, достойный подражания.

Политически корректные слова о том, что терроризм не имеет национальности и вероисповедания, хороши как призыв остановить национально-религиозную паранойю, но неверны по сути. На территории России действуют отнюдь не баскская ЭТА, не ирландская ИРА, не «маоистско-троцкистские» партизаны из стран Юго-Восточной Азии или Латинской Америки, не итальянские «Красные бригады», не японская секта «Аум Синрикё». Боевики и смертники-«шахиды», уничтожающие гражданское население нашей страны, имеют прямое отношение к «зеленому Интернационалу». Это неформальное военно-политическое объединение осуществляет передел власти в исламском мире, стремится оказывать воздействие на мусульман вне его границ и максимально расширить свое влияние,

проводя агрессивную религиозно-идеологическую, политическую и территориальную экспансию.

Непосредственными исполнителями и участниками терактов могут быть люди *любой национальности*, хотя война, идущая на российском Кавказе на протяжении последних 10 лет, привела к тому, что население страны и международные наблюдатели связывают терроризм в России почти исключительно с событиями в Чечне. Сегодняшний уровень вовлеченности «зеленого Интернационала» в войну против России мог бы быть значительно выше, если бы не распыление его сил и средств на многочисленные «фронты» нового джихада, в частности, в Ираке. Последнее тем более вероятно, что костяк исламистских террористических организаций составляют афганские арабы, находящиеся в состоянии войны с Москвой с 1980 года. На Кавказе исламисты возродили — с учетом местной специфики и своего четвертьвекового партизанско-террористического опыта — систему, которая в 1980-е действовала в Афганистане. При осуществлении терактов с привлечением самоубийц применяются палестинские «технологии». На зарубежном опыте основана и практика массового захвата заложников.

ПЕРЕДНИЙ КРАЙ РОССИЙСКОЙ ОБОРОНЫ

Согласно логике руководителей и участников террористической войны против России, во имя победы неосалафитского учения, известного как ваххабизм, российские мусульмане, включая местных лидеров, духовных авторитетов и гражданское население, должны либо подчиниться его догматам, либо быть уничтожены. Как следствие, они являются объектом первоочередной атаки исламистов. Именно *российские мусульмане*, в первую очередь представители национальных элит, в т. ч. вайнахи — чеченцы и ингуши, могут составить «передний край» действенной обороны России против террористической опасности, включая систему предупреждения терактов. Ксенофобия, действия антикавказских и антимусульманских группировок, включая скинхэдов, работают только на террористов и помогают им укрепить свои позиции. Проблема в том, что, несмотря на всю риторику в духе «пролетарского интернационализма», в России на протяжении десятилетий сохранялся серьезный конфликтный потенциал в сфере межнациональных отношений, при этом роль верховного арбитра отводилась Центральному комитету КПСС. Никто не мог предположить

возможность исчезновения этого арбитра, и когда его не стало, система пошла «в разнос».

Россия исторически обречена на сосуществование в ней сотен народов, исповедующих разные религии, говорящих на разных языках, сохраняющих уклады, которые устанавливались в течение столетий. Вопрос о «национальной гордости великороссов» стоит столь же остро, как и во времена Ленина. Советская национальная политика была несовершенна, во многом плоха, иногда чудовищна, но, по крайней мере, она была. Появление в 1990-е годы, в период повального разочарования в прошлом, множества местных национализмов вместо единой политики отнюдь не укрепило страну. *Понимание* соседей по общему дому могло бы стать одной из основ прочного гражданского общества. Но для этого необходимо непосредственное личное общение граждан либо постоянно действующий информационный поток, обеспечивающий получение людьми правдивой, позитивной и увлекательной информации о народах и религиях страны.

Вопрос вопросов — как предотвратить замещение традиционных исламских институтов России ваххабитскими структурами, не превратив ограничения по отношению к ним и их деятельности в борьбу с исламом. В минувшем десятилетии Россия стала открытым обществом с высокой степенью религиозной свободы, в котором была снята значительная часть противоречий между населением и государством. Обратной стороной этого стало появление в религиозной сфере зарубежных политико-религиозных групп и усиление их влияния. Дискуссии о том, в какой мере полезна, вредна или опасна деятельность данных организаций, ведутся уже давно. Следует признать, однако, что единственным направлением, на котором общество и государство столкнулись с непосредственной военно-террористической угрозой, стало исламское направление. Лояльность к любому государству, не живущему по законам шариата, *противоречит* членству в исламской умме, как его понимают ваххабиты, в отличие от тех, кто придерживается догм христианства или постулата иудаизма: «закон страны — закон».

Это относится и к любому национальному государству, даже если оно населено мусульманами. Чеченское государство, не живущее по законам шариата в салафитской интерпретации, нелегитимно для исламистского сообщества. Политический диалог с лидерами

чеченских сепаратистов может быть инструментом решения тактических задач, но не решает *проблему терроризма*, поскольку чеченские политики для «зеленого Интернационала» — это лишь временные союзники, Чечня — часть будущего исламистского Халифата, а терроризм — главное средство его построения. «Ваххабизация» мусульман в ходе получения ими образования в исламских университетах арабского мира и участия в хадже, являющегося неотъемлемым долгом каждого правоверного, представляет собой серьезный вызов для России. Справедливости ради надо отметить, что решить эту проблему пока не смогли ни страны Запада, ни арабские монархии, ни светские авторитарные режимы исламского мира.

БЛАГОРОДНЫЕ ПОВСТАНЦЫ ИЛИ БРОДЯЧИЕ БАНДИТЫ?

Двойные стандарты в отношении террористов, которыми оперирует сегодняшний политический истеблишмент, — правило, а не исключение. Политики поддерживают национально-освободительные движения, если последние имеют место не на территории их собственной страны. Международные организации превратились в инструмент борьбы Третьего мира, в значительной мере контролируемого исламистами, против «золотого миллиарда». Либеральная интеллигенция защищает права угнетенных, не замечая, что борьба «благородных повстанцев» переросла в уничтожение мирного населения вооруженными бандами, а под знаменами «мультикультурализма» выступают религиозные фанатики. Исключений нет. МИД России и Госдепартамент США с упорством, достойным лучшего применения, развивают «мирный процесс» на Ближнем Востоке, который на деле представляет собой еще одну войну в регионе. Европа исламизируется, а ее лидеры проводят антироссийскую и антиизраильскую политику, стремясь умиротворить лидеров террористических групп, базирующихся в европейских столицах. Организация Объединенных Наций, о возрождении роли которой говорят тем громче, чем бессмысленней и беспомощней она становится, на протяжении многих лет не может решить ни одного вопроса, за который берется. Жесткие заявления российского руководства после трагедии в Беслане полностью соответствуют реалиям мировой политики: «спасение утопающих — дело рук самих утопающих».

Значительную роль в успехе борьбы с терроризмом играют поддержка союзников и консолидация общества. Сравнение опасности,

Полиция, юридически находясь под надзором своего непосредственного начальства и через него под надзором сената, на деле остается вне надзора, вследствие бумажного его характера, отсутствия в деятельности контролирующих его учреждений чувства законности и недоступности высшей надзирающей инстанции, сената, для мелких повседневных нарушений полицией обязанностей службы и превышений пределов власти. Безнаказанность таких нарушений, известная и населению, и полиции, привела ее к осознанию их дозволенности и полнейшей безграничности ее власти.

Чем шире задача, поставленная перед полицией, чем беспредельнее ее полномочия и чем слабее ее поднадзорность, тем менее совершенна должна была стать ее деятельность. Вращаясь в кругу логических противоречий между охраной властью обывателей и охраной от них же самой власти, она не могла не пойти по одному, крайне одностороннему направлению, Она стала игнорировать первую обязанность и сосредоточилась на второй. К этому ее побуждала также и сравнительная легкость успеха на избранном ею пути. Тогда как для защиты интересов населения со стороны полиции как представительницы правительственной власти требуются самоограничение и кропотливая положительная работа над каждым отдельным явлением, затрагивающим эти интересы, для охраны интересов власти необходимо только пассивное наблюдение за господствующей в обществе политической тенденцией и чисто отрицательная деятельность запрета в самом широком его применении.

*А.А. Лопухин (Директор Департамента полиции в 1902–1905 годах).
Из итогов служебного опыта. Москва. 1907 год.*

стоящей перед Россией, с событиями Великой Отечественной войны, отнюдь не преувеличение. В 1980-е СССР не смог победить афганских исламистов, поддержанных Западом. Сегодня Запад больше не является союзником исламистов, но не стал еще и союзником России. Наша страна, находящаяся на полпути из прошлого в будущее, борется за наведение порядка на собственной территории, притом что формирование системы власти и начальный этап строительства гражданского общества не завершены. Россия, ослабленная за полтора десятилетия реформ, чрезвычайно уязвима. Эту уязвимость усугубляют *иллюзии политической элиты*.

Консерваторы возражают против союза с Западом, в первую очередь с Соединенными Штатами, справедливо указывая на конъюнктурность западной политики и возлагая надежды на многополярный мир. Непонятно, однако, почему отношения, например, с Индией и тем более с Китаем должны иметь под собой более прочную основу, чем отношения со странами, входящими в «большую семерку», а «новая Антанта» должна быть для России предпочтительнее союза с США? По крайней мере, исламисты являются противниками всех перечисленных выше партнеров РФ. Сложнее вопрос об отношениях России с исламским, в первую очередь арабским, миром. Отечествен-

ное лобби, действующее в интересах этих стран, опирается на воспоминания об отношениях, сложившихся в 60 – 80-е годы прошлого века. Его вдохновляют такие мифы из идеологического арсенала исламского сообщества, как ответственность Моссада и ЦРУ за события 11 сентября и оккупация Ирака коалицией по требованию Израиля.

Бывшие сателлиты СССР в арабском мире переориентировались на Запад и сотрудничают с Россией лишь постольку, поскольку не могут сторговаться с Западом. Россию они используют как разменную карту в этом торге. Войны в Афганистане и события в Чечне превратили Москву в жупел исламского мира. Россию там ненавидят чуть меньше, чем США, но не воспринимают как силу, с которой нужно считаться или которую можно бояться. События в Катаре это показали. Светские режимы и умеренные монархии исламского мира готовы к союзу с Россией в борьбе против их собственных исламистов, но не хотят накалять внутривнутриполитическую обстановку и избегают действий против антироссийских сил на собственной территории. Диалог России с Организацией Исламская конференция и аналогичными структурами никак не способствует разрешению проблемы. В глазах исламистов он лишь подтверждает нелегитимность этих объединений, *поощряя* террор, а не останавливая его. Страна, заигрывающая с исламским миром исключительно в силу своей слабости и неспособности оказать действенное сопротивление, демонстрирует, с точки зрения самого этого мира, слабость.

Копируя штампы мирового сообщества о терроризме как «оружии бедных», либералы считают причиной войны в Чечне исключительно экономическое состояние республики и полагают необходимым условием защиты прав местного населения прекращение любых военных действий против боевиков. Такой пацифизм похвален, но теории не имеют отношения к действительности: террор – инструмент перераспределения власти, который используют образованные выходцы из среднего класса. Перераспределение экономической помощи в пользу «бродячих бандитов» (реалия не только Судана, Алжира или Палестины, но и Чечни), так же как любое перемирие – худна, – используется ими исключительно *для отдыха и перегруппировки* сил перед возобновлением боев.

Финансирование, пополнение кадрами и организационная поддержка исламистского терроризма осуществляются не только из стран исламского мира, но и с территории тех государств, которые атакуют исламистское сообщество. Известно, что структуры, действующие под

брендом «Аль-Каиды», и их союзники укоренены в США и Великобритании и успешно используют банковскую систему Запада для пополнения своих ресурсов. Доказано, что средства Европейского Союза и других спонсоров Палестинской национальной администрации идут на организацию террора. Эксперты утверждают, что значительная часть денег, используемых террористами в Чечне, имеет российское происхождение и поступает в том числе из средств, выделяемых на восстановление республики. *Коррупция* — союзник террористов, будь это действия постовых, пропускающих машины без проверки за мзду, или чиновников, кормящихся на «распиле бюджета».

Координация усилий центральных и местных властей — необходимое условие выстраивания системы противодействия террору. Трагедия в Беслане не случайно рассматривается как попытка распространить чеченский конфликт на весь Большой Кавказ и превратить его в зону гражданской войны, не контролируемую федеральным центром.

РЕАГИРОВАТЬ «ПО СИТУАЦИИ»

Накопленный Западом и отечественными спецслужбами на протяжении десятилетий опыт противостояния терроризму, в частности действий заложников, проведения переговоров об их освобождении и пр., не срабатывает в условиях столкновения с террористами нового типа: фанатиками-самоубийцами. Так, значительная часть экспертов утверждает, что шансы выжить в случае акции, проводимой террористами-смертниками, повышаются у тех, кто готов к мгновенной реакции и действиям, будь это атака или побег. Значительное число терактов в Израиле в последние годы предотвращено именно такими людьми: официантами, шоферами автобусов, водителями такси, имевшими опыт армейской службы и мгновенно реагировавшими на опасность. Немало детей, убежавших из школы в Беслане в момент ее захвата, спаслось, в отличие от их товарищей, следовавших классическим рекомендациям и не сопротивлявшимся террористам.

В противостоянии террору огромную роль играет слаженность действий профессионалов и властей и поддержка этих действий со стороны населения. Даже профессионалы не могут творить чудеса. Именно поэтому при планировании антитеррористических операций в Израиле смертность заложников исходно принимается за 100 %. Такой подход позволяет избежать ошибок, вызванных желанием сберечь всех. Ничто и никогда не гарантирует спасения всех заложников. Исключений из этого правила редки, а в случае

мегатеррора, с которым Россия столкнулась так же, как ранее с ним столкнулся Израиль, — практически не бывает.

В отличие от небольшого по занимаемой площади Израиля, в России система противостояния терроризму не может быть унифицирована по всей территории страны. Мегаполисы, крупные промышленные центры, малые города, населенные пункты, расположенные в сельской местности, отдельно стоящие объекты спецназначения нуждаются в приспособленных к местным условиям планах противодействия террористам-смертникам или группам боевиков, которые по своему оснащению и подготовке зачастую не уступают спецподразделениям. Следует учитывать также состояние инфраструктуры, климатические условия по временам года, национальную специфику, близость к зонам боевых действий.

Вместе с тем главным показателем того, что российское общество осознало стоящую перед ним проблему, стало бы обретение им того уровня сплоченности, которого достигала консолидация израильтян или американцев в период национальных трагедий. Противостояние терроризму не может быть делом только государства или специализированных ведомств и организаций. Без участия самых широких слоев населения оно обречено если не на поражение, то на бесконечное повторение терактов. Каким образом превратить жителей России в сообщество, способное устоять перед внешней угрозой без разрушения его основ, — тема особая. Отметим лишь, что, как минимум, в двух странах современного мира, Великобритании и Израиле, многолетняя борьба с терроризмом в минимальной степени сказалась на гражданских свободах и самоощущении общества.

Возможно, главным, что поможет России найти механизмы действенной борьбы с исламистским террором, является осознание самой его природы. Исламисты не ждут уступок от Российской Федерации, как и от всех прочих государств, против которых воюют. Они просто хотят уничтожить страну и ее жителей: атеистов и верующих, мусульман и немусульман. Исламисты не считают всех их людьми и готовы пожертвовать своими жизнями и жизнями близких во имя победы в новом джихаде, неизмеримо превосходящем бессмысленной жестокостью джихад времен Пророка. В борьбе с таким противником компромиссы бессмысленны, и единственное действенное средство — это уничтожение террористов *до того*, как они смогут наносить удары. Создание механизма, позволяющего это делать, будет означать победу.

Непревзойденная сила фанатика

Столкнувшись с фанатизмом террористов, готовых на все ради достижения своих целей, цивилизованный мир приходит в замешательство. О механизмах веры и слепого самопожертвования полвека назад писал выдающийся американский мыслитель-обществовед Эрик Хоффер (1902–1983). И хотя в своей работе «Истинноверующий» (1951) он анализировал прежде всего истоки нацизма, его выводы весьма актуальны и сегодня. Отрывок цитируется по изданию Хоффер Э. Истинноверующий. Минск: Европейский гуманитарный университет, 2001. С. 93–99.

Один из выводов, вытекающих при рассмотрении факторов, способствующих самопожертвованию: мы менее готовы умирать за то, чем обладаем и чем являемся, нежели за то, кем хотим быть и что хотим иметь. В этом есть горькая, ставящая в тупик правда: люди, когда они имеют «не-что стоящее, чтобы за это сражаться», желания сражаться за это не испытывают. Живущие полнокровной и полноценной жизнью люди обычно не хотят умирать ни за собственные интересы, ни за родину, ни за какое-либо «священное дело». Не обладание ценностями, а страстное желание — вот мать полной нераздумывающей самоотдачи. «Вещи, которых нет», на самом деле сильнее «вещей, которые есть». Во все времена люди отчаянно сражались за прекрасные города, еще не выстроенные, за сады, еще не посаженные. Сатана знал, что говорил, когда утверждал: «За жизнь свою человек отдает все, что у него есть». Да, — все,

что он имеет. Но скорее умрет, чем отдаст то, чего еще не имеет.

В самом деле, странно: люди, которые придерживаются настоящего и изо всех сил цепляются за него, меньше всех способны защищать его. С другой стороны, те, кто с презрением отвергает настоящее и отрывает его с себя, должны иметь все его дары и сокровища, которые непрошено сыплются на них, как из рога изобилия.

Мечты, видения и непомерные надежды — все это могучее оружие и настоящие инструменты. Подлинный вождь-реалист отлично понимает ценность этих инструментов для дела. Понимает потому, что презирает настоящее. А настоящее презирает потому, что не способен к практическим делам. Преуспевающий деловой человек часто оказывается не способным к роли общественного руководителя, потому что ум его настроен на «вещи, которые есть», а сердце направлено на то, чего мож-

но достичь в настоящее «наше» время. Неудачливость в практических делах, по-видимому, является условием успеха в общественных делах. Может быть, хорошо, что некоторые непокорные натуры, потерпев поражение в деловом мире, не чувствуют себя раздавленными, а наоборот, загораются — на первый взгляд, нелепой — уверенностью, что они особенно компетентны в управлении городом, а то и страной.

* * *

Не так абсурдно, как кажется, что люди готовы умереть за пуговицу, за флаг, за слово, за мнение, за миф и т. д. Напротив, самое неразумное — это отдать жизнь за нечто такое, что стоит иметь. Несомненно, жизнь человека — наибольшая реальность из всех реальностей; без нее не может быть и речи о каких-то вещах, которыми стоит обладать. Самопожертвование не может быть проявлением конкретной личной заинтересованности. Даже в случае, когда мы рискуем своей жизнью, защищая ее, наша готовность бороться зависит не столько от личной заинтересованности, сколько от чего-то неуловимого, вроде традиции, привычки, чести (честь — ведь это только слово) и главным образом — надежды. Когда нет надежды, люди убегают или позволяют убить себя без боя. Они будут цепляться за жизнь, но так, как будто их оглушили. Чем иным можно объяснить факт, когда миллионы европейцев позволили себя посадить

в лагеря смерти, и газовые камеры, зная при этом, что их ведут на смерть? Одной из могучих сил, которыми обладал Гитлер, при этом не самой малой, было его умение лишить своих противников надежды (по крайней мере, на европейском континенте). Его фанатическая вера в то, что он строит новый порядок, который будет длиться тысячелетие, передавалась как его последователям, так и противникам. Первым она внушала чувство, что в борьбе за Третий рейх они в союзе с вечностью, вторым, — что бороться против Гитлера все равно, что бросать вызов неизбежной судьбе.

Интересно, что евреи, покорно шедшие на убой в гитлеровской Европе, отчаянно боролись в Палестине. И хотя говорят, что в Палестине они сражались потому, что у них не было иного выхода — иначе арабы перерезали бы им всем горла, — тем не менее верно, что их отвага и готовность к самопожертвованию были не от отчаяния, а от горячей заботы возродить свою древнюю страну и древний народ. И они, действительно, умирали за города, еще не построенные, за сады, еще не посаженные.

* * *

Готовность к самопожертвованию в человеке тем выше, чем более далек он от действительности. Делаящий выводы на основе своего личного опыта и своих наблюдений обычно не восприимчив к идее мученичества. Самопожертвование — шаг неблаго-

Факельное шествие молодых членов СА. Берлин. 1932 год

разумный. И оно не может быть итогом размышлений и обдумывания. Все массовые движения поэтому стараются отгородить своих приверженцев от действительности непроницаемой для фактов завесой. Делают они это обычно утверждением, что окончательная и абсолютная истина выражена в их доктрине, что вне ее нет ни правды, ни истины. Факты, на которых основывает свои заключения истинноверующий, берутся не из его личного опыта и наблюдений, а из священного писания движения. «Так крепко должны мы держаться за каждое слово, открытое нам в Евангелии, что если бы я увидел всех ангелов небесных, слетевших ко мне, чтобы сказать что-то другое, я не только не испытал бы искушения усомниться хотя бы в едином слове,

— я закрыл бы свои глаза и заткнул уши, ибо ангелы не заслуживали бы, чтобы их видеть и слушать» (Мартин Лютер). Полагаться на свидетельства чувств и разума — ересь и измена. Невольно подумаешь, как много нужно неверия, чтобы поверить. То, что мы понимаем под слепой верой, поддерживается бесчисленными невериями. Фанатичные японцы в Бразилии годами отказывались верить, что Япония потерпела поражение. Фанатичный коммунист отказывается верить любому неблагоприятному России сообщению, он даже отказывается верить собственным глазам, когда воочию видит жестокую нищету в советской обетованной земле.

Способность истинноверующего «закрывать глаза и затыкать уши» на факты, которые, по его мнению, не

заслуживают того, чтобы их видели или слышали, является источником непревзойденной силы духа истинноверующего. Он не боится опасности, он не падает духом перед препятствиями, его не сбить с толку противоречиями — и все потому, что он отрицает их существование. Сила веры, как сказал Бергсон, не в том, чтобы ею двигать горы, а в том, чтобы не видеть, когда горы двигаются на самом деле! Уверенность истинноверующего в безошибочности собственной доктрины делает его недоступным для всего, что есть неясного, непредвиденного и неприятного в действительности окружающего мира.

Таким образом, действенность доктрины следует оценивать не ее глубиной и возвышенностью, не обоснованностью истин, в ней заключенных, а тем, насколько хорошо она отгораживает личность от себя самой и от мира такого, каков он есть. Слова Паскаля по поводу любой действенной религии справедливы и в отношении любой действенной доктрины: она должна «идти наперекор природе, здравому смыслу и наперекор человеческому удовольствию».

* * *

Действенность доктрины заключается не в ее смысле, а в ее несомненности. Никакая доктрина — как бы глубока и высока ни была — не будет действительна, если она не представлена как воплощение одной един-

ственной истины. Она должна быть тем единым словом, от которого произошло и говорит все сущее. Явные нелепости, тривиальный вздор, высокие истины — все одинаково хорошо подготавливает людей к самопожертвованию, лишь бы люди все это принимали за единственную вечную истину.

Самоочевидно: для доктрины, чтобы быть действенной, главное не то, чтобы ее понимали, а чтобы в нее верили. Мы можем быть абсолютно уверены только в тех вещах, которые не понимаем. Понятия доктрина теряет свою силу. Как только что-нибудь постигаем, нам начинает казаться, что это мы сами родили. А это значит, что люди, которых просят отказаться от самих себя и принести себя в жертву, не видят вечной истины в том, что родилось в них самих. Как только они поняли что-то, оно теряет для них и убедительность, и несомненность.

Истинноверующих всегда убеждают искать истину сердцем, а не разумом. «Бог познается сердцем, а не разумом». Рудольф Гесс, принимая в 1934 году присягу от членов нацистской партии, призывал своих слушателей: «Не ищите Адольфа Гитлера умом; вы все найдете его силой наших сердец». Когда же движение начинает улучшать свою доктрину, делать ее более понятной, это верный признак того, что период его бурного развития кончился. Ныне оно больше всего заинтересовано в своей

стабилизации. Для прочности режима ему требуется преданность интеллигенции, для чего доктрину делают понятной, — делают не для того, конечно, чтобы вызвать самопожертвование в массах, а чтобы привлечь к себе интеллигенцию. Когда доктрина перестает быть непонятной, она должна быть хотя бы неясной:

если же она становится и понятной, и ясной, она должна быть хотя бы недоступной для проверки. Ведь для того, чтобы проверить действительность доктрины, надо попасть или в рай, или в далекое-далекое будущее. Когда становится сравнительно доступной для понимания какая-нибудь часть доктрины, среди истинноверующих начинает действовать тенденция запутывать эту часть. В их обращении самые простые слова искажаются так, что начинают казаться символами каких-то секретных кодов: от самого образованного истинноверующего начинает отдавать безграмотностью. Он пользуется словами так, как будто их подлинный смысл ему неизвестен. Отсюда его придирчивость к словам, склонность к мелочному педантизму, к схоластической извилистости.

* * *

Тому, кто думает, что он обладает абсолютной истиной, кажется, что ему доступна вечность. В мире не существует ни случайностей, ни неизвестного. На все вопросы ответы найдены, все решения приняты, все возможные случаи предвидены. Ис-

тинноверующий не удивляется и не колеблется. «Кто знает Иисуса, тот знает смысл всех вещей». Правильная доктрина — ключ ко всем мировым проблемам. С ее помощью можно по частям разобрать мир, а потом сложить. Официальная история коммунистической партии гласит: «Сила марксистско-ленинской теории заключается в том, что она дает партии возможность правильно ориентироваться в любой обстановке, понимать внутреннюю причинность текущих событий, предвидеть их ход и указывать не только как и в каком направлении они развиваются в настоящее время, но и как и в каком направлении они будут развиваться в будущем».

Истинноверующий берет на себя смелость браться за неведомое и невозможное не только потому, что его доктрина дает ему чувство всемогущества, но и потому, что доктрина эта дает ему полную уверенность в будущем.

Активное массовое движение отвергает настоящее и интересуется только будущим. Именно из такого отношения к настоящему вытекает сила движения: оно может не считаться с настоящим — со здоровьем своих последователей, с их средствами и самой их жизнью. Движение должно только действовать так, словно ему книга будущего известна до последнего слова. Свою доктрину оно провозглашает как ключ к этой книге будущего.

Помощь бедным и «рентабельность» террора

Вызовы терроризма, с которыми сегодня сталкиваются многие страны с развитой и переходной экономикой, по сути, не являются чем-то принципиально новым. Набеги и войны против богатых, но не готовых к войне соседей широко практиковались и в древности, и во времена Средневековья, когда экономическая отсталость не влекла за собой фатального военно-технического отставания и взять добычу (получить дань) можно было в результате «честной» победы. Объектами таких атак становились Египет и Китай, Древний Рим и Византия, государства Восточной Европы и др.

В последние столетия, когда недостаточный уровень экономического развития почти неизбежно обуславливал военную отсталость, такая стратегия обогащения перестала быть эффективной. Окончательно ликвидировать дальнейшие попытки примене-

ния этой стратегии выпало, по всей видимости, капитану военно-морского флота США Стивену Дикейтору, разгромившему в 1815 году пиратский флот государств Северной Африки — Туниса, Триполи (нынешняя Ливия), Алжира и др., — промышленявших морским разбоем. К тому же основные портовые города пиратов были заняты французским экспедиционным корпусом. История и предыстория «антипиратской» кампании Соединенных Штатов вообще весьма поучительны в контексте нынешней войны с терроризмом. Они, во-первых, демонстрируют, насколько сложнее принять решение о войне в условиях демократии (процесс занял без малого 20 лет), и, во-вторых, опровергают расхожие мифы о «невозможности победы» в «необычных» войнах. На эти события ссылается английский историк Пол Джонсон в обоснование своего знаменитого те-

Данный материал представляет собой выдержку из главы 1 доклада «Догоняющее развитие в постиндустриальную эпоху и вызовы традиционного общества: политико-экономические аспекты борьбы с терроризмом», подготовленного **Институтом экономики переходного периода**. Полностью доклад можно прочитать на сайте института <http://www.iet.ru>.

зиса 2001 года о том, что «ответом на терроризм такого масштаба может быть колониализм». Он подчеркивает, что оккупация и колонизация Северной Африки привела к устойчивой стабильности в этом регионе. Правда историк не берется объяснять, почему же столь блестяще начатое дело и достаточно длительный успех в конце концов все же завершились кровавым процессом «деколонизации».

Не считая неудачи Франции во Вьетнаме, метрополия в период «массовой деколонизации» 1940–1960-х годов никогда не терпела очевидного военного поражения, а решения об уходе из колоний, как правило, принимались исходя из внутривнутриполитических соображений.

Интересно, что именно во второй половине XX века, то есть тогда, когда у народов метрополий пропал интерес к прямому колониальному контролю над «странами-корсарями», развитые страны начали сталкиваться с современной формой набегов – терроризмом. Тогда же возник спрос на идеи, обосновывающие стратегии откупа от «бродячих бандитов» (*roving bandit* – см.: Olson, 2000). В последние же десятилетия угроза нападений стала особенно серьезной в силу роста возможностей и совершенствования технической оснащённости террористов, а также увеличения масштабов нанесенного ими урона.

Следует подчеркнуть, что если правовые государства в угоду поли-

тической конъюнктуры или идеологии (в особенности принципам политкорректности, распространившимся в последние десятилетия) будут уклоняться от исполнения своей основной функции – обеспечения обороны и безопасности, то прямые потери от террора могут превысить все ожидаемые потери (не считая человеческих). Игнорирование государством своих обязанностей в данной сфере способно подорвать его изнутри, так как вызовет недовольство граждан, налоги которых будут использованы не в целях создания общественных благ и не для защиты от террористов, а для уплаты дани последним.

События последних лет бросают на укам о человеке новый серьезный вызов. Лишь рациональное (как на индивидуальном, так и на общественном уровне) объяснение сущности терроризма позволяет сформулировать и обосновать внятные, технически реализуемые рекомендации политикам. Ведь очевидно, что даже весьма развитые научные методики сильно обесцениваются, если предлагают в качестве ключевых причин терроризма, политического насилия и ненависти только несовершенство человеческой природы и выводят на первый план иррациональную мотивацию.

В этой связи особый интерес представляет фундаментальная работа Гэри Беккера «Преступление и наказание: экономический подход» (1968), вышедшая на русском языке

в 2000-м. Будучи в ту пору еще не связанным в полной мере требованиями политической корректности, Беккер позволил себе предположить возможность сдерживания преступного насилия насилием со стороны общества (государства). Этот вывод вытекает из основных допущений его теории и базовой модели предложения преступлений, согласно которой степень вероятности вкуче с жестокостью наказания снижает ожидаемый выигрыш преступника и соответственно вероятность того, что он совершит преступление.

Джордж Стиглер (1970) оговаривает необходимость соразмерности тяжести преступления и жесткости наказания, приводя примеры обратного подхода в гражданском (предпринимательском) законодательстве США. Иначе более тяжкое преступление по сравнению с менее тяжким может выглядеть в глазах преступника более «рентабельным» и даже «выгодным».

Однако в случае с террористами, особенно теми, кто целенаправленно охотится за безоружными женщинами и детьми, избиратель демократической страны охотно поддержит значительное ужесточение санкций. Таким образом, «спрос на наказание» в данном случае подталкивает политиков к принятию соответствующих законов.

Во второй половине XX века и вплоть до 11 сентября 2001 года при обсуждении проблем развивающихся

стран насилие рассматривалось не как причина, а как следствие отсталости. Соответственно авторы рецептов предполагали, что для преодоления отсталости и порождаемых ею озлобления, склонности к насилию, в том числе и терроризму, надо «дать беднякам надежду». Точнее — накормить их и предоставить некие первоначальные инвестиции, которые позволили бы бедным экономикам выйти на путь ускоренного, догоняющего развития. В таком ключе начали интерпретировать кейнсианскую теорию «большого толчка», обосновывающую возможность вывода отсталой экономики на траекторию ускоренного роста с помощью разового скачка инвестиций.

Политический спрос на такие экономические идеи наиболее ярко проявился в известных докладах Вилли Брандта 1980 и 1983 годов о необходимости регулярной и массивной помощи отсталым странам со стороны развитых. Характерным примером такого подхода может быть публикация в журнале *Public Choice* статьи Нино Гароупы и Жоао Гаты «Теория международных конфликтов — управление и санкции» (2002). Авторы предлагают математическую модель оценки стимулов, возникающих при введении международных санкций в отношении склонного к агрессии режима, и обосновывают позицию необходимости применять «пряник» помощи вместо «кнута» санкций, так как это-де с большей вероятностью

приведет к торжеству «голубей» над «ястребами» внутри страны-агрессора. Дискуссия в том же ключе и почти неизменно с теми же практическими рекомендациями уже несколько лет ведется также на страницах журнала *Conflict Resolution*.

Более того, даже относительно консервативные авторы используют тот же подход, заменяя уязвимую для критики идею помощи идеей расширения практики договоров о свободной торговле. По их мнению, такие договоры будут стимулировать развитие промышленности и ремесел и таким образом создадут альтернативу террористической и иной насильственной деятельности.

Проблема, однако, в том, что любые ресурсы и возможности для развития бизнеса в обществе, основанном не на праве закона, а на праве силы, в принципе не могут быть использованы в мирных целях. Это объясняется тем, что любой заметный экономический или иной успех рассматривается как вызов лидеру, управляющему при помощи насилия, а гарантии неприкосновенности инвестора при этом отсутствуют. Поэтому капитал не может работать здесь так, как это привычно и естественно для Европы и Америки.

Иными словами, все ресурсы будут неизменно концентрироваться в руках «лидера-наильника» и расходоваться для расширения и укрепления его власти. Об этом же свидетельствует практика непомерных расходов на

войну и на аппарат, осуществляющий внутренние репрессии, в некоторых наиболее отсталых странах (Северная Корея, Куба, Руанда, Бурунди, Уганда, Эритрея, Эфиопия). А ведь сколько было увещаний и сколько раз подсчитывали количество фабрик, школ и больниц, которые можно было бы построить на деньги, потраченные на закупку вертолетов и танков!

Против концепции «лечения» отсталости посредством массивной международной помощи косвенно выступал Милтон Фридман, обращавший внимание на отрицательные последствия деятельности международных финансовых организаций. По его мнению, она приводит к росту безответственности правительств стран-реципиентов, а также инвесторов стран-доноров, уверенных, что любые их ошибки будут покрыты международной помощью.

Маргарет Тэтчер (2003) резко осуждает идеи Брандта, утверждая, что сострадание, замешанное на ложном чувстве вины, лишь вредит странам, чьи проблемы сводятся прежде всего к дурному и коррумпированному управлению.

Она же приводит цитату из выступления в 1975 году президента Танзании Джулиуса Ньерере, в котором отражены основные идеи всевозможных комиссий Брандта и др., а также восприятие этих идей теми, кто несет всю полноту ответственности за бедственное положение населения отсталых стран. «Я заявляю, — отметил

Ньерере, — что несправедливо ставить подавляющую часть населения мира в положение нищих, лишенных достоинства. В едином мире, как и в едином государстве, если я богат потому, что вы бедны, или я беден потому, что вы богаты, перераспределение богатства в пользу бедных должно осуществляться по праву, а не из благотворительности».

Действительно, инвестиционный климат в неправовом государстве таков, что исключает долгосрочный экономический рост ВВП на душу населения. Этот показатель в таких странах колеблется около стабильного и удручающе низкого значения (см., к примеру, историческую статистику Мельянцева; 1996). Поэтому соображение типа «ты богат, потому что я беден» для населения таких стран естественно. Как естественны и катастрофические экономические последствия социалистических экспериментов в и без того небогатой стране. Экономическая помощь рано или поздно начинает интерпретироваться лидерами таких стран как дань, уплачиваемая миром великому лидеру в знак признания его величия (ср. пример Ким Ир Сена и Ким Чен Ира).

Опыт стран с переходной экономикой, чья институциональная структура существенно отличается от остальных стран Третьего мира с их бандитскими режимами, показывает, что иностранная помощь эффективна там, где без нее вполне могут обойтись (Владимир Мау, Константин

Яновский; 2003). Если институты стимулируют инвестиции и обеспечивают защиту индивида и его прав, создают возможности для долгосрочных трансакций, делают государство подотчетным и прозрачным для общества, то каждый дополнительный доллар независимо от его источника тратится более или менее эффективно. Это означает, что с максимальным эффектом можно помогать беднякам в США или Швейцарии, но не в Руанде или Танзании.

Наконец, в связи с проблемой бедности, как причины ненависти и террора, можно упомянуть статью Мартина Шермана (2001). Эта работа представляет собой редкий пример «политологического империализма», так как ее автор — известный политолог — вторгается в сферу экономического анализа и прогноза, используя соответствующий научный инструментарий и здравый смысл. Автор комментирует типичное для левых «интеллектуалов» высказывание бывшего израильского премьера Шимона Переса, который заявил: «Мир на Ближнем Востоке воцарится лишь тогда, когда сравняется уровень ВВП в странах региона». По мнению Шермана, «поскольку нет никаких шансов на то, что ВВП на душу населения в Египте (750 дол.) сравняется с израильским (17 500 дол.), мир будет достигнут только после снижения уровня ВВП в Израиле до 750 долларов в год на душу населения».

Шакал и феникс

Кэрен Ларсон

Атака на Беслан 1 сентября 2004 года продемонстрировала: различия между внутренним и международным терроризмом стираются. По всему миру этнические меньшинства и религиозные группировки распространяют свою деятельность за границы государств. Сепаратистское движение мусульман на юге Филиппин перерождается в группировку «Абу-Сайяф», связанную с «Аль-Каидой». Внутренние террористы в Америке, такие, как вашингтонский снайпер Джон Мухаммад, либо становятся всё больше связанными с иностранными террористическими организациями, либо, по крайней мере, симпатизируют им. Радикальные чеченцы вступают в альянсы с экстремистами из мусульманских стран.

Терроризм угрожает глобальному порядку не просто потому, что несет с собой насилие. Он подрывает саму структуру глобального порядка, в котором на протяжении столетий главным субъектом выступали национальные государства. Благодаря терроризму различные группы — лоббистские, религиозные, этнические и пр. — получили возможность бросить вызов государству. С точки зрения национального государства все террористы в той или иной степени связаны между собой, словно многочисленные отростки виноградной лозы. И вызовом для каждого государства является вся «лоза», даже если непосредственным источником нападений служит один «отросток». Солидарность президентов Путина и Буша в вопросе борьбы с террором в немалой степени обусловлена именно тем, что оба они являются лидерами нацио-

Кэрен Ларсон — профессор колледжа имени Густава Адольфа (США), советник ЦРУ, ФБР и Министерства внутренней безопасности по вопросам борьбы с терроризмом.

нальных государств, подвергающихся атакам весьма специфического свойства.

В этой связи необходимо проанализировать не столько возможности спецслужб, сколько состояние общества, столкнувшегося с террористической угрозой. Есть ли в нем самом предпосылки для террористической активности? И готово ли оно противостоять террору?

ВНУТРЕННИЙ ТЕРРОР

После 11 сентября 2001 года под термином «терроризм» американцы стали понимать, во-первых, групповые акты, во-вторых, акты, совершаемые неамериканцами, и, в-третьих, акты с большим количеством жертв.

Люди убеждают себя в том, что удары изнутри — это не терроризм, или же что за ними стоят «вражеские агенты». Но, тем не менее, теракты совершаются и коренными американцами. Общество в США испуганно, и культурное самосознание американцев, как никогда, тесно связано с террором.

Терроризм — часть американского характера. На счету американцев и классические теракты, и обычные преступления с элементами терроризма. Один из известных американских террористов — Тед Качински по прозвищу Унабомбер. Он демонстративно прибегал к насилию, стремился запугать общество и продвигать свою антибюрократическую и антитехнологическую концепцию. В числе его последователей меньшего масштаба был житель Миннесоты Люк Хелдер — «почтовый террорист», действия которого походили на акции Качински по всем параметрам, за одним исключением: Хелдер никого не убил.

Заметное место в пантеоне американского терроризма занимают также Тим Маквей и Терри Николс, взорвавшие федеральное здание в Оклахоме в 1995 году. Число их жертв не подлежит сомнению, чего, вероятно, не скажешь об их статусе исключительно «внутренних» террористов. Теории о существовании более широкого заговора в Оклахоме указывают на некую правую боевую группировку — Арийскую республиканскую армию — или исламский заговор, планируемый за границей. Возможно, что-то из этого соответствует действительности, однако с фактами не поспоришь: двое сынов Америки участвовали в организации терактов на ее территории.

Еще был Эрик Рудольф: в его случае акты насилия выходят за рамки преступления против личности, совершенного отдельным

(1) Взрыв федерального здания в Оклахома-сити в 1995 году – первый теракт в США, который привел к массовым жертвам – оказался делом рук стопроцентных американцев. (2) «Унабомбер» Тед Качински терроризировал соотечественников на протяжении почти 20 лет

гражданином. С их помощью Рудольф декларировал правую социальную концепцию: террор был призван лишь обеспечить должный эффект. Многочисленные организаторы взрывов в клиниках, где делают аборт, тоже относятся к категории «внутренних террористов». Последний в этом ряду – Клейтон Ли Вагнер, который недавно был признан виновным в том, что после событий 11 сентября разослал по клиникам сотни писем, якобы содержащих споры сибирской язвы. Он никого не убил, но, тем не менее, терроризировал сограждан. В ту же категорию попадают некоторые группы защитников животных и окружающей среды. Акты, совершенные в целях привлечения внимания к некоей социальной идее, и акты, направленные на нанесение ущерба, – все это терроризм. Например, группа Фронт освобождения земли, занимаясь социальной пропагандой, организует поджоги зданий и автомобилей, что повышает внимание к этой организации.

Череду актов насилия в американских школах в последнее десятилетие можно охарактеризовать скорее как преступления, однако и они имеют отношение к террору. Массовое убийство в школе Колумбайн (штат Колорадо) не было классическим актом терроризма, но демонстративность и пафос социального протеста придают этой акции характер теракта. В Америке все больше размывается граница между преступлением и террором.

Аналитик Роберт Банкер, исследуя природу террора, пошел дальше «политических» мотивов и обратился к его социальным последствиям. Он определил терроризм как «процесс постепенного разруше-

ния социальной структуры нации под воздействием многократных ударов по общественной психике». Другими словами, терроризм – это еще и его влияние на общество. Именно данный аспект терроризма находится в центре внимания в постсентябрьской Америке.

Недостаток ясности в вопросе о том, где кончается терроризм и начинается преступление, проявился уже в тревожный и смутный период сразу после сентябрьских событий. Подтверждением этому служит дело вашингтонских снайперов Джона Мухаммада и Ли Малво. Тогда Америка испугалась не только снайперов – она испугалась саму себя. Людям пришлось снова трансформировать свое сознание, чтобы допустить мысль о том, что подобные акты могут совершаться американцами и против американцев. Деятельность Мухаммада относится к разряду «внутреннего» терроризма, поскольку была направлена против его родной культуры.

Некоторые утверждали, что действия вашингтонских снайперов не являются подлинным терроризмом, поскольку исполнители – не иностранцы. Однако согласно закону, принятому после сентябрьских событий и трактующему как терроризм намерение запугать население или правительство посредством преступления, присяжные признали Мухаммада виновным не только в убийстве, но и терроризме. В расчет принимались как планы Мухаммада, так и психологическое влияние, оказанное его действиями.

Несерьезное отношение американцев к собственной традиции терроризма обусловлено тем, что тех, кого они считают террористами, сегодня ищут прежде всего за рубежом. Кроме того, дело еще и в том, что жители США обычно рассматривают американских террористов как отдельных «психов». Однако связь между Качински, Маквеем, Вагнером, Мухаммадом и остальными существует, но люди ее просто не замечают. Мало кто вспомнит имена Чарльза Бишопы (протаранившего на легкомоторном самолете небоскреб во Флориде), Даниела Фирза (расстрелявшего соседа) или Мэтью Ловетта (намеревавшегося убить как можно больше случайных людей), но это лишь немногие из тех молодых американцев, кто планировал или осуществил террористические преступления в период после 11 сентября. Не исключено, что кто-то вспомнит Хосе Падилью (арестованного по обвинению в подготовке взрыва «грязной бомбы»). Возможно, нам стоит обратить более пристальное внимание на прослойку молодых американцев, не приемлющих собственную культуру.

НАЦИЯ И ПСИХОАНАЛИЗ

Терроризм – психологическая война, и с этой точки зрения Америка после событий 11 сентября являла собой эпицентр взрыва. Терракты нанесли тяжелый удар по национальной психике. Необходимо укрепить психологию нации на случай будущих ударов.

В психологической войне, как в групповом, а не индивидуальном явлении, главное – это противостояние на уровне группы. Но его отнюдь не просто обеспечить в рамках культуры, которой свойственно сильно развитое индивидуальное и слабое групповое самосознание. Что касается борьбы с терроризмом, американцы стремятся полностью переложить ответственность за решение этой задачи на армию или государство, забывая, что они сами тоже солдаты в психологической войне с террором. Но война касается каждого. Люди должны знать, что и как им следует делать.

Проблема, связанная с воздействием на американскую социальную психологию, имеет двойственный характер. Во-первых, американцы, будучи ярыми индивидуалистами, неверно понимают идею индивидуализма: так, «радикальный индивидуализм», термин социолога Роберта Белла, введенный им в 1985 году у в работе *Habits of the Heart* («Привычки сердца»), весьма подходит к ситуации 2004-го. Во-вторых, они до смерти устали от разговоров о психологии, от постоянных ссылок на роль человеческого «я» в американской жизни. Но пренебрежение психологией – не самая подходящая стратегия, когда речь идет о национальной психике и борьбе с терроризмом.

Чтобы компенсировать психологическую травму, американцам следует обратиться к психологии общества. Увы, на текущий момент хорошего в этой сфере мало. Еще в 1997 году психиатр Сандра Блум отметила изолированность, эмоциональную невосприимчивость и саморазрушающие тенденции, свойственные национальной психике, и определила ее состояние как «культурный посттравматический стресс».

Если событиям 11 сентября суждено навсегда изменить к лучшему психологию американцев, она станет более социоцентричной, более честной в эмоциональном плане, более конструктивной. Если нет, то, вероятно, усилятся негативные тенденции. Посттравматический рост, то есть такая ситуация, когда в результате полученной травмы люди сближаются, начинают больше ценить жизнь, чувствуют, что становятся сильнее, в США возможен. Не будет роста – тогда возобладают посттравматические симптомы изоляции и эмоциональной дезориентации.

Авторы «теории преодоления страха» (*terror management theory*, согласно которой в основе человеческой деятельности лежит страх перед смертью) отмечают, что терроризм подрывает целостность мировоззрения, дающую людям ощущение стабильности и порядка в мире. В свою очередь, элемент тревоги на общекультурном уровне психологии снижает групповую самооценку. Одна из проблем постсентябрьской Америки состоит в том, что помимо терроризма есть и другие причины для опасений. Еще до терактов тревога была глубоко укоренена в национальном сознании из-за разгула преступности, экономической незащищенности человека и общего ощущения бессмысленности жизни. Сегодня все это усугубляется значительно возросшим страхом перед терроризмом. Так что восстановление национальной психики после потрясений 11 сентября потребует осмысления проблем, существовавших задолго до связанных с этой датой событий.

Положительный момент заключается в том, что сразу после терактов Америка обратилась к народным способам восстановления подорванной национальной психики. На групповом уровне американцы делали все то, что порекомендовал бы психолог отдельному пациенту, страдающему приступами необъяснимой тревоги. Люди разговаривали, сближались, помогая друг другу, они заново постигали свою культуру. Плохо только, что потом они отошли от этой установки, и новый позитивный образ американского характера вскоре уступил место старому, досентябрьскому. Непосредственно после терактов 11 сентября 90 % американцев прибегали к разговорной терапии и две трети общались с окружающими, чтобы победить стресс. Но когда настала вторая годовщина трагедии, людям уже не хотелось собратиться вместе: большинство предпочло почтить память погибших в одиночестве. Люди не только напуганы, они подавлены. Американцы в массе демонстрируют низкую социальную активность и боятся явлений, несоизмеримых с реальными угрозами. (См. работы Роберта Патнэма *Bowling Alone* («Боулинг в одиночестве»), а также Барри Гласснера *The Culture of Fear* («Культура страха»); обе были написаны до 11 сентября.) Курс, избранный Америкой в настоящее время, не приведет ее к посттравматическому росту. Напротив, налицо незавершенность процесса восстановления чувства культурного самоуважения.

СМЕНА СИМВОЛОВ

Терроризм имеет много аспектов, и один из них — публичность. Будучи публичным, теракт манипулирует символами культурного са-

мосознания. Удар наносился не только по людям и их собственности, но и по самовосприятию жителей США, по тому, что олицетворяло Америку.

Символическая контратака началась немедленно: уже вечером 11 сентября президент Буш заявил, что благосостояние Америки держится не на стальных конструкциях зданий, а на стальной воле американского народа. На концерте в память жертв нью-йоркской трагедии бывший президент Клинтон сказал, что Америка — это не горы из денег и не башни из стали, а золотые сердца и бастионы отваги. Отныне образ Америки был связан в глазах американцев не с собственностью, а с людьми.

Даже экономика, пусть и на короткое время, сделал шаг в том же направлении. Так, покупка нового грузовика при нулевом кредитовании представлялась в рекламе как акт гражданской ответственности, вклад в стабилизацию и восстановление национальной экономики. Мол, купив грузовик, вы поможете стране.

Однако в отсутствие других моделей укрепления общественных связей создавалось впечатление, что патриотизм, выраженный в покупательной способности, является проявлением скорее лицемерного эгоизма, нежели альтруистического стремления сплотить общество. И уж конечно, люди при этом не чувствовали себя культурными героями. Американцы покупали продукты и услуги, американцы стабилизировали экономику, но их культурная самооценка оставалась низкой.

Торжество общества над экономикой было недолгим, лучшей иллюстрацией чему служит, пожалуй, история компании *Sandler O'Neill*, офис которой располагался в ВТЦ. 11 сентября компания понесла серьезные людские потери. Вскоре она обратилась к партнерам с просьбой о продолжении деловых отношений, ссылаясь на обязательства по долгосрочной финансовой поддержке семей погибших сотрудников. И все же по прошествии очень непродолжительного времени компания столкнулась с жесточайшей конкуренцией.

Массмедиа 11 сентября превзошли себя: в тот день кадры новостей вытеснили на второй план все ленты, созданные американской фабрикой грез. На время сознание Америки переключилось от фантазии к реальности. Звезды склонили головы перед безымянными американцами, спортивные кумиры и актеры с их огромными гонорарами открыто признавали, что простые люди, особенно герои и жертвы 11 сентября, важнее, чем они сами. Знаменитости усиленно подчеркивали свою близость к народу. И все же новое веяние не получило раз-

вития. Поскольку медиаиндустрия не могла позволить реальности надолго восторжествовать над фантазией, она сделала лучшее, что было возможно в данной ситуации: поставила реальность себе на службу.

В первое время после терактов 11 сентября реалити-шоу казались пошлыми и неуместными. К примеру, *Survivor* («Уцелевший» – реалити-шоу, прообраз российского «Последнего героя». – Ред.) чуть было не почил в бозе. Потом наступило оживление, а за ним – настоящий бум реалити-программ. «Уцелевший» не просто уцелел: дела его шли лучше некуда. Простые американцы стали новыми полубогами пантеона американских СМИ, но, попав «в телевизор», они часто вступали в ожесточенную конкуренцию, сопровождавшуюся позором, унижением и потерей человеческого облика, а вовсе не проявлениями социального альтруизма, благодаря которому они прежде всего и оказались в центре внимания.

Если американцам и удалось сохранить возникшую после 11 сентября веру в возможности простого человека, это едва сказалось на медийной продукции. В данной связи вспоминается разве что серия передач *CNN* о незаметных героях, которая открылась сюжетом о мальчишке-почтальоне, спасшем своему клиенту жизнь. Возможно, вновь обретенное уважение к среднему американцу реально воплотилось в огромной моральной поддержке, оказываемой американским солдатам. Сегодня можно не бояться, что ветеранов Ирака постигнет участь сражавшихся во Вьетнаме. Даже те, кто не одобряет войну, поддерживают солдат. Постсентябрьская смена символов, составляющих культурный образ Америки в глазах американцев, подчеркнула значимость простого человека. После 11 сентября нам в наследство остался не только осадок страха, но и вера в простого американца.

СОБИРАЯ ФАКТЫ ВОЕДИНО

Американцы, пережившие 11 сентября, хотят иметь перед глазами полную картину происходящего. Существует связь между консолидацией информации и интеграцией общества. Но и то и другое не так-то просто сделать в Америке с ее агрессивными общественными моделями и «моментальными», «одноразовыми» формами общения. Задача правительства по борьбе с терроризмом огромна не только по масштабу, но и потому, что она идет вразрез с нормами современной американской культуры. Взять хотя бы исполнительного директора *WorldCom* Скотта Салливана, который говорил, что ни в одном отделе его компании не знают, чем заняты остальные.

Информация консолидировалась лишь на самом верху, в его кабинете. Что из этого вышло, вы видели. (Салливан и некоторые другие ведущие сотрудники этой телекоммуникационной корпорации были обвинены в искажении финансовой отчетности за 2001–2002 годы на сумму в 3,9 млрд долларов, что привело к возникновению долгового кризиса и истощению запаса свободных средств у компании. — Ред.) К несчастью, подобного рода социальная разобщенность стала нормой жизни.

Пока не прогремели теракты 11 сентября, ФБР и ЦРУ не могли объединить имевшиеся у них важные данные, и люди настоятельно потребовали перестройки этих ведомств. Но ведь их сотрудники — такие же типичные американцы, как и все остальные. Они точно так же привыкли к социальной разобщенности на дорогах, в медицинских учреждениях, в репортажах о жизни корпоративной Америки. Они и есть те человеческие ресурсы, на основе которых должны быть построены культуры интеграции. И для этого понадобится нечто гораздо большее, нежели приказы президента.

После трагических событий 11 сентября американцам не всегда удастся собрать все факты воедино. Иногда они демонстрируют в этом деле упорство, приписывая, например, кому-то связь с террористами, предлагая внести в текст Патриотического акта расширенное толкование понятия «материальная поддержка», провозглашая американских граждан вражескими агентами или заявляя о наличии тесных связей между Хусейном и «Аль-Каидой». Вообще, в постсентябрьской Америке любой представитель «оппозиции» может быть заклеен как террорист или обвинен в потенциальном пособничестве террористам. Подобные умонастроения грозят нанести еще больший вред общественной системе США. В то время как страх перед «темной стороной» социального сближения, кажется, заслонил его положительные стороны, сотрудники ФБР — организации, заслужившей себе недобрую славу своей заносчивостью и пристрастием к секретности, — работают над переходом от культуры соперничества в получении сведений к культуре сотрудничества с целью обмена информацией. Задача, достойная Геркулеса.

После сентябрьских событий в Америке изменилось все и ничего. Позитивные социально-поведенческие модели и представления американской культуры утратили влияние или трансформировались настолько, что излечение национальной психики вряд ли возможно. Правительство мучительно пытается адаптировать свою социальную

структуру к условиям постсентябрьского мира, но ему недостает разработки базовых культурных аспектов, без которых его усилия будут тщетны. Нация до сих пор находится в состоянии смятения в связи с постсентябрьскими культурными изменениями.

ГРАЖДАНСКОЕ СООБЩЕСТВО

Одним из самых действенных средств смягчения террористской угрозы в Америке станет создание прочного сообщества в масштабах страны. Социальное сближение и обмен информацией могут обеспечить нам такие тактические, социальные и психологические позиции, которые будут более устойчивы перед лицом терроризма. И работать в этом направлении могут как правительство, так и простые американцы.

Скажем, если вы — наставник трудного подростка, то благодаря вам ваш воспитанник будет лучше готов к тому, чтобы поддержать своих сверстников в случае очередного теракта. Это и есть смягчение угрозы. Таким образом снижается эффект удара, да и сам он становится менее болезненным. Но американцам вовсе не свойствен подобный образ мысли и действий, потому что лежащая в его основе концепция сообщества сегодня находится под угрозой и нуждается в восстановлении.

Подпиткой для «внутреннего терроризма», напротив, служат радикальный индивидуализм и ослабление гражданского сообщества в Америке. Если спор по поводу парковки может привести к формированию антиправительственного ополчения, значит, социальная структура общества слаба. Американцы реже устраивают вечеринки, реже вступают в профессиональные ассоциации, снизилась их гражданская активность. Они гораздо больше времени проводят перед телевизором или одни в машине по дороге с работы и на работу. Возможно, отдельный человек у нас и силен, но люди плохо связаны друг с другом. Американцы одержимы многими пагубными страстями — к наркотикам, азартным играм, славе, но, пожалуй, самое главное из них, питающее все остальные, — это пристрастие к индивидуализму. Налицо парадокс: американцы — свободный, сильный, смелый народ — не чувствуют своего социального потенциала, сталкиваясь с большим бизнесом, СМИ и политикой. Они забыли, что многое в жизни общества зависит от них. Индивидуализм развился до стадии, на которой американцы утратили ощущение своей собственной ответственности перед обществом. И возро-

ждение такого чувства — это еще более сложная задача для американской культуры, нежели борьба с терроризмом, как таковым.

Социально раздробленная среда обитания неизменно провоцирует чувство незащищенности. Если даже молодые люди, будущие профессионалы, облеченные финансовыми и политическими полномочиями, не верят, что смогут что-то изменить на своих рабочих местах, то неудивительно, что юный американец пытается донести до нас свои социальные идеи, прибегая к терроризму.

Американцы сами связали себе руки, решив, что их поступки ничего не изменят в силу бездействия остальных. И если Америка хочет хоть сколько-нибудь преуспеть в борьбе с террором, эта идея, являющаяся одним из самых пагубных аспектов американского индивидуализма, должна уступить место модели социального влияния со стороны сообщества и индивида. Американец может укрепить веру в себя, если в рамках своего сообщества выберет любую социальную проблему и попытается что-либо сделать для ее решения. Эта деятельность не должна быть обязательно связана с борьбой с терроризмом. Укрепите социальную структуру общества — и вы укрепите культуру перед лицом терроризма. Все очень просто. Американцам нужно лишь пересмотреть свое понимание свободы так, чтобы в центре оказалась не свобода от окружающих, а свобода работать на укрепление своей страны вместе с остальными и ради них.

АМЕРИКАНСКАЯ РАЗВЕДКА

Сегодня у федерального правительства в ходу миф о том, что «культуры сотрудничества» находятся в процессе формирования. Миф этот — не синоним неправды, а просто некая направляющая идея, самовосприятие группы людей.

Считается, что структурная реорганизация и технологическая согласованность обеспечат эффективную реформу. Но поскольку культура — явление комплексное, необходимых перемен можно добиться, лишь обратившись ко всем ее аспектам. Взгляды и модели поведения людей, работающих в федеральном аппарате, не изменятся, пока не будут пересмотрены фундаментальные культурные положения, касающиеся индивидуализма.

Например, если я работаю в ЦРУ и возможность держать информацию при себе обеспечивает мне преимущество, я не поделюсь ею с коллегами, даже если для этого будут созданы лучшие технические условия или организация сменит девиз с «добыть информа-

цию» на «поделиться информацией». Умная политика адаптации к новой культуре в рамках американского аппарата будет построена на создании стимулов для обмена информацией, во имя чего следует прекратить конкуренцию между служащими и отождествить цели отдельного сотрудника и компании в целом. Но недостаточно только разрушить старое. Необходимо одновременно создать жизнеспособные децентрализованные модели общения, ориентированные как на человека, так и на достижение поставленной цели. По иронии судьбы примером культурной модели, поощряющей децентрализованное общение и общественную активность отдельной личности, является племенная структура пуштунов. Члены этой этнической группы составляют основу движения «Талибан». Познай своего врага. Познай себя.

После 11 сентября правительственные решения по реформированию «недееспособных» разведслужб США в основном касались скорее структурного, нежели культурного аспекта. Структурные схемы перекраиваются, а адекватный подход к смене организационной культуры отсутствует. Недавно председатель сенатского комитета по делам разведки Пэт Робертс внес предложение, образно выражаясь, разломать шезлонги и собрать из них новые кресла. Создание Департамента внутренней безопасности немного походило на водворение на палубу красивого новенького шезлонга. Хотя и планировалось, что департамент сыграет роль интегратора, но он существует сам по себе. Согласно рекомендациям Комиссии по расследованию событий 11 сентября, на палубу также может быть вынесено кресло капитана (директора национальной разведки и Национального антитеррористического центра), но остается вопрос о том, насколько эффективно хозяин этого кресла сможет координировать деятельность старых правительственных структур, каждая из которых имеет собственную хорошо развитую субкультуру.

Борьба с терроризмом — в основе своей проблема социальная, и нельзя отнести людей к элементам инфраструктуры наравне со зданиями и финансовыми системами. Именно люди творят культуру, даже если она приравнивается к некоему продукту и подается «сверху» как организационная программа. Культура пронизывает жизнь всей человеческой группы, а не только представителей исполнительной власти или обитателей высоких кабинетов. И чтобы миф о культурах сотрудничества стал реальностью, федеральное правительство должно в ряду других перемен осознать этот факт.

* * *

Злобный оппортунист-шакал олицетворяет терроризм. Для него нет законов, он питается страхом, который вселяет в сердца людей. Он набирает силу вдали от людских глаз, а потому с ним трудно бороться. Необходимо изменить социальную среду, способствующую его развитию, будь то медресе или американская средняя школа.

Концепция укрепления страны перед лицом шакала базируется на столь же устойчивом символе — символе феникса. Феникс возрождается несмотря ни на что. Но чтобы американская культура смогла возродиться подобно мифической птице, она должна вступить на путь посттравматического роста. Решения проблемы терроризма следует искать не только снаружи, но и внутри; национальный характер нужно возродить, помогая людям, которые не уверены в силе собственного общества.

У простых американцев есть возможности ежедневно бороться с терроризмом — пусть не прямо, а косвенно. И они должны их использовать. Драконовские законы, «культурные войны» и общество, испытывающее состояние социальной летаргии, не принесут нам культурного возрождения. Общество, реальность и гуманизм должны оставаться основой образа Америки в глазах американцев, и это поможет людям повысить их культурную самооценку перед лицом нового террористического удара независимо от того, кем он будет нанесен. Америка не излечится от терроризма, пока не обратит взор не только на своего противника, но и на саму себя.

Нельзя вести борьбу только в Афганистане, в американских аэропортах и в местах проведения спортивных мероприятий. Ее изо дня в день должны вести простые люди. Ее должно вести правительство, занятое не только борьбой с терроризмом, но и решением стоящей перед ним культурной задачи во всем ее огромном объеме. Общие фразы о патриотизме здесь не помогут. Нужны новые взгляды и новые модели поведения в повседневной жизни. Американцам необходимо преодолеть парадокс индивидуализма, при котором рядовой человек, наделенный социальным влиянием, чувствует себя бессильным, и использовать знание своих сильных и слабых сторон для самозащиты в борьбе с терроризмом. Чем теснее будут сплочены сердца и умы американцев перед новым ударом, тем проще будет оправиться от него, тем мощнее окажется феникс перед лицом шакала.

ЗАБЫТЫЙ ВНУТРЕННИЙ ФРОНТ

Стивен Флинн

НЕДОСТАТОЧНАЯ ЗАЩИТА

Срок, отведенный Америке для обеспечения своей безопасности, истекает, но она продолжает растрачивать время впустую. Терракты 11 сентября 2001 года, направленные на Всемирный торговый центр и Пентагон, продемонстрировали всю степень незащищенности Соединенных Штатов от ударов с применением средств массового уничтожения. Масштабные экономические и общественные потрясения, вызванные действиями всего лишь 19 террористов-смертников, выявили также болевую точку единственной в мире супердержавы. Транспортная, энергетическая, информационная, финансовая, логистическая структуры, а также сфера химической и пищевой промышленности, составляющие основу экономической мощи США и американского образа жизни, представляют собой целый ряд весьма привлекательных для террористов мишеней. Причем бо́льшая часть из них по-прежнему фактически не защищена.

Такого быть не должно. Вопрос о том, куда следует вкладывать средства — в развитие наступательного или оборонного потенциала страны, не должен решаться по принципу «или—или». Во время войны страны нуждаются и в том и другом. При своем благосостоянии Америка, несомненно, способна защитить свои важнейшие

Стивен Флинн — старший научный сотрудник Центра исследований проблем национальной безопасности при Совете по международным отношениям. Статья написана на основе книги *America the Vulnerable: How Our Government Is Failing to Protect Us From Terrorism* (HarperCollins, 2004). (Уязвимая Америка: почему нашему правительству не удастся защитить нас от терроризма). Опубликовано в *Foreign Affairs* № 5 (сентябрь/октябрь) за 2004 год. © 2004 Council on Foreign Relations Inc.

ресурсы и одновременно привести в боевую готовность армию, которой нет равных. Но Соединенные Штаты не смогут правильно оценить все «за» и «против» в этом вопросе, если по-прежнему будут рассматривать внутреннюю безопасность в отрыве от национальной безопасности. Точно так же энергичные военные усилия, направленные на борьбу с терроризмом у самых его истоков, не заменят систематическую работу по вовлечению гражданского общества и частного сектора в коллективное противостояние угрозе катастрофических терактов на территории самой Америки. США должны сделать нечто большее, чем трансформировать свои вооруженные силы и привести в порядок разлаженные разведслужбы. Необходимо также создать новую институциональную инфраструктуру для формирования более жизнестойкого общества, способного не только нанести, но и выдержать удар.

Вашингтон демонстрирует небывалое упорство, когда ставится вопрос о признании ограниченности его военных и разведывательных возможностей в деле борьбы с террористической угрозой. Стратегия упреждающего применения силы, взятая на вооружение администрацией Буша, базируется на идее о том, что, проявляя достаточную твердость, Америка может вполне успешно удерживать врагов на почтительном расстоянии. Вице-президент Дик Чейни недавно высказался на эту тему, обращаясь к выпускникам Академии береговой охраны по случаю присвоения им офицерского звания. «Нельзя выиграть войну с помощью оборонительных действий, — заявил он. — Если мы хотим полностью и окончательно устранить опасность [связанную с терроризмом], выход есть только один — перенести военные действия на территорию противника».

4 июля 2004 года президент Джордж Буш сформулировал эту концепцию следующим образом: «Мы будем противодействовать своим врагам в этих странах [в Ираке, в Афганистане] и по всему миру, чтобы нам не пришлось столкнуться с ними здесь, у себя дома».

Идея ведения прицельного огня по терроризму в месте его зарождения весьма притягательна, но, к сожалению, противник не предоставляет нам этой помощи. Не существует некой главной линии фронта, действуя на которой можно было бы загнать в угол и уничтожить «Аль-Каиду» и имитирующих ее радикальных джихадистов. Взрывы в пригородных поездах Мадрида в марте этого года убеждают нас в том, что террористы живут и действуют на террито-

риях, находящихся в пределах юрисдикции союзников США, и им не нужна ни помощь, ни поддержка со стороны государств-изгоев. Как отмечено в последнем исправленном отчете Госдепартамента по вопросам глобального терроризма, в 2003-м число терактов возросло, несмотря на вторжение в Афганистан и Ирак иностранных войск под руководством США. А согласно заявлению, сделанному в июле главой Министерства внутренней безопасности Томом Риджем, «Аль-Каида» продолжает действовать на территории США по-прежнему ничем не ограничена и эта организация вплотную занята планированием нового удара по Америке (возможно, в канун ноябрьских выборов).

СТРАННАЯ ВОЙНА

Нежелание Белого дома и кругов, отвечающих за национальную безопасность, приспособиться к меняющемуся характеру террористической угрозы обнаруживает тревожное сходство с поведением крупных держав в самом начале Второй мировой войны. В сентябре 1939 года германская армия в стремительном броске на восток вторглась в Польшу, представив миру новую форму ведения войны, известную как блицкриг (*Blitzkrieg*). Когда Польша пала жертвой Третьего рейха, Лондон и Париж наконец отказались от политики попустительства агрессору и объявили Германии войну. И британское, и французское верховное командование принялись за реализацию военных планов, основанных на выводах из опыта Первой мировой. Они мобилизовали резервы и укрепили линию Мажино — систему оборонительных сооружений, снабженных артиллерийскими орудиями и протянувшихся на 380 км вдоль границы Франции с Германией. Затем они принялись ждать следующего хода Гитлера.

Период в восемь месяцев, предшествовавший падению Парижа, получил название «странная война». Пока продолжалось это относительное затишье, Франция и Великобритания пребывали в убеждении, что они сдерживают Германию благодаря мобилизации превосходящих военных сил в рамках обновленной стратегии окопной войны. Они, однако, не сменили тактику в ответ на новый, наступательный метод ведения военных действий, применив который немцы нанесли столь сокрушительный удар по Восточной Европе. А в мае 1940-го им пришлось дорого заплатить за самоуверенность: германские танковые соединения стремительно вышли на равнинную местность, преодолели линию Мажино и вскоре захватили Фран-

цию. Британский экспедиционный корпус едва успел уйти через Ла-Манш на импровизированных переправочных средствах, бросив значительную часть военной техники на побережье в районе Дюнкерка.

Похожим образом Америка сражается сегодня в той войне, к которой она готовилась в XX веке, а не в той, что реально ведет против нее «Аль-Каида». Вместо линии Мажино Пентагон реализует свою давнюю стратегию «передовой обороны», подразумевающую переброску войск за границу и ведение военных действий на территории стран, входящих в сферу влияния врагов или союзников Соединенных Штатов. Что же касается защиты тылов, то есть собственно американского народа, то эта задача по-прежнему по большей части выпадает из спектра вопросов, относящихся к национальной безопасности, — и это несмотря даже на то, что 11 сентября удары наносились с территории США и по целям, расположенным в США.

Администрация Буша в гораздо большей степени склонна финансировать расходы на обычные вооруженные силы и вооружения, связанные с национальной безопасностью, чем инвестировать в принятие элементарных мер по обеспечению внутренней безопасности. Хотя в ЦРУ пришли к заключению, что самый вероятный путь проникновения оружия массового уничтожения (ОМУ) на территорию США — морской, федеральное правительство каждые три дня тратит больше денег на войну с Ираком, чем инвестировано за последние три года в повышение безопасности всех коммерческих морских портов США (а их в Америке — 361). Эта недалековидная концентрация внимания на обычных вооруженных силах в ущерб внутренней безопасности доходит даже до того, что физическая безопасность военнослужащих на американских военных базах считается более высоким бюджетным приоритетом, нежели защитные меры в отношении ключевой государственной инфраструктуры. В 2005 финансовом году Конгресс предоставит Пентагону 7,6 млрд долларов на укрепление безопасности военных баз. В то же время Министерству внутренней безопасности будет выделено лишь 2,6 млрд для защиты всех жизненно важных систем в стране, обеспечивающих существование современного общества.

Значительная часть ключевой инфраструктуры размещается в густонаселенных областях, так что в случае нападения на США под ударом окажутся в первую очередь не военные, находящиеся на действительной службе, а рядовые граждане. И тем не менее феде-

ральная кампания в поддержку развития гражданской обороны затихла после не слишком удачного старта, вызвавшего спрос на клейкую ленту и полиэтиленовую пленку и послужившего сюжетом для ночных юмористических шоу. Первыми на месте любого совершенного теракта окажутся полицейские, пожарные и персонала скорой помощи; им придется действовать практически в одиночку, по меньшей мере в течение первых 12 – 24 часов. И несмотря на это, сменные бригады пожарных служб США в среднем лишь наполовину экипированы рациями и лишь на треть индивидуальными дыхательными аппаратами. Полицейские управления в крупных городах по всей стране не имеют защитного снаряжения, чтобы их служащие могли без ущерба для здоровья и жизни охранять район, подвергнувшийся атаке с применением ОМУ. Кроме того, у большинства персонала скорой помощи нет приборов, позволяющих определить, какое именно химическое или бактериологическое средство было применено.

Смертоносное оружие, для борьбы с которым так плохо экипированы соответствующие службы на местах, даже нет нужды ввозить в страну. Но при этом администрация Буша сделала высшим приоритетом предотвращение распространения ОМУ за рубежом и в то же время резко сократила финансовые средства на ликвидацию радиоактивных материалов, находящихся в коммерческой собственности (в частности, цезия-137, кобальта-60 и америция) и способных послужить сырьем для создания на территории США «грязных бомб». Бактериологический удар по территории Америки грозит еще более тяжкими последствиями, тем не менее в стране до сих пор не разработана федеральная программа по обеспечению непрерывного контроля за обращением со смертоносными патогенными веществами. По всей стране раскинулась сеть университетских исследовательских лабораторий, в которых хранятся материалы с высокой вероятностью заражения и где в ходе проверок, последовавших за событиями 11 сентября, документально подтверждались случаи значительных нарушений в системе контроля над допуском в лаборатории и организации охраны опасных веществ. При этом 50 % федеральных научных и медицинских работников, к которым страна могла бы обратиться за помощью в случае биотеррористического удара, в течение ближайших пяти лет достигнут пенсионного возраста, но никакого комплексного плана по разрешению надвигающегося кадрового кризиса не существует.

И, наконец, невзирая даже на то, что наиболее привлекательными для террористов являются те мишени, поражение которых вызывает широкомасштабные социальные и экономические потрясения, Белый дом заявил, что забота о безопасности ключевой государственной инфраструктуры не входит в сферу федеральной ответственности. Согласно Национальной стратегии внутренней безопасности, принятой президентом Бушем в 2002-м, «правительство должно заниматься лишь теми сферами, которые не могут развиваться в должной мере только за счет рынка, например национальной обороной или охраной границ... Что же касается других аспектов внутренней безопасности, то частный рынок предлагает достаточно стимулов для обеспечения защиты». К сожалению, его уверенность не оправдалась. Исследование, проведенное по заказу вашингтонского Совета по конкурентоспособности лишь год спустя после событий 11 сентября, показало, что 92 % руководителей фирм не верят, что их компании могут стать мишенью для террористов. Только 53 % опрошенных отметили, что их компании увеличили в 2001–2002 годах расходы на безопасность. С каждой неделей, прошедшей без нового теракта, нежелание компаний инвестировать деньги в обеспечение безопасности лишь возрастает.

ГОТОВНОСТЬ К ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ

Если для укрепления внутренней безопасности требуется готовность правительства США пересмотреть многие свои постулаты и приоритеты, то и со стороны населения Америки необходимо признание того факта, что обеспечение безопасности должно стать делом каждого. Для того, чтобы гражданское общество смогло присоединиться к этому процессу, Вашингтон должен проявить понимание, что достичь окончательной победы над терроризмом путем проведения военных кампаний за рубежом невозможно. Ведь террористическая деятельность обходится весьма недорого, она слишком доступна и привлекательна, чтобы в один прекрасный день ее можно было полностью искоренить. Границы Соединенных Штатов никогда не станут последней линией обороны против исполненного твердой решимости террориста. Обычные люди должны выработать в себе и умение жить в условиях террористической угрозы, и готовность вкладывать деньги в разумные проекты по уменьшению риска.

Это не пораженческая позиция. Укрепление систем, обеспечивающих защиту США, и повышение сопротивляемости Америки террористическим актам, могущим повлечь за собой катастрофические последствия, имеют тактическое значение для предотвращения этих ударов, а также важны для стратегии сдерживания террора в целом. Ресурсы радикальных джихадистских группировок не безграничны. Нанося удар, они хотят обладать достаточной степенью уверенности в успехе. Они стремятся также причинить Америке реальный урон, вследствие чего на власти будет оказано политическое давление, с тем чтобы они разработали драконовские меры ради успокоения измученного общества.

Сегодня вдохновители терроризма знают, что главное преимущество ударов по ключевой инфраструктуре — не в их способности причинять непосредственный вред, а в побочных последствиях, которые заключаются в эрозии веры людей в службы, от которых зависят их жизни. Несомненно, этот урок усвоил и Усама бен Ладен, имеющий ученую степень по экономике. 21 октября 2001 года бен Ладен отвечая на вопросы корреспондента агентства «Аль-Джазира», отметил, что организованные им теракты обернулись для Америки миллиардными потерями: пострадали Уолл-стрит и авиакомпания, упал ежедневный доход американцев, возросли затраты на строительство. Все это, как он выразился, явилось «результатом атаки, увенчавшейся успехом по воле Аллаха и продлившейся всего лишь один час».

Что, если бы следующей мишенью террористов стала американская система продовольственного снабжения? Возможно, в результате погибнут лишь несколько человек, но без принятия соответствующих мер, убеждающих общество в том, что повторные атаки могут быть предотвращены или, по меньшей мере, сдержаны, потребители в Америке и за рубежом проникнутся недоверием к сектору, на который приходится более 10 % ВВП Соединенных Штатов. Точно так же «грязная бомба», нелегально провезенная в контейнере и взорванная в одном из морских портов, вероятно, унесет жизни нескольких несчастных портовых рабочих и приведет к заражению нескольких акров дорогостоящей береговой территории. Но при отсутствии в США надежной системы безопасности, способной вернуть людям уверенность в том, что остальные контейнеры не представляют угрозы, мэры и губернаторы на всей территории страны, равно как и сам президент, попадут под жесточайшее полити-

ческое давление. Их будут вынуждать отказаться от системы комбинированных перевозок (использование различных видов транспорта при одной перевозке. — **Ред.**). Досмотр в целях безопасности десятков тысяч грузовиков, поездов и судов обернется разрушительными экономическими последствиями. Когда прекращают движение контейнеры с грузом, останавливаются и сборочные цеха, пустеют полки магазинов, рабочие выстраиваются в очередь перед биржей труда. Трехнедельная остановка вполне может вызвать глобальный экономический спад.

Пока те, кто организует теракты, приводящие к катаклизмам, убеждены в том, что они малыми затратами могут добиться большого успеха, нынешние и будущие недруги США станут в первую очередь выбирать именно это оружие для нанесения ударов по стране. Степень их веры в способность причинить реальный вред единственной в мире супердержаве будет прямо пропорциональна нежеланию руководителей государственного и частного секторов признать опасность рыночных коллапсов. Это нежелание связано с их чрезмерной уверенностью в надежности инфраструктур, которые остаются незащищенными и, более того, требуют, чтобы были учтены сложность, плотная сосредоточенность и взаимозависимость их элементов. Поскольку прямое противостояние вооруженным силам США обречено на провал, удары по указанным инфраструктурам не выглядят абсурдом. На войне каждый стремится использовать слабость противника.

При всем при том, если бы о готовящихся атаках террористов можно было знать заранее, остановить, сдержать и обезвредить их, исключив сколько-нибудь значительный ущерб для американского образа или качества жизни, то террор как средство ведения войны заметно утратил бы свое значение. Поскольку подобные акты грубо нарушают общепринятые нормы, террористы почти наверняка навлекут на себя возмездие не только со стороны Америки, но и со стороны мирового сообщества. Большинство противников США, скорее всего, сочтут это слишком высокой платой за столь малые шансы вызвать массовые сбои в жизни страны путем нанесения ударов по гражданским целям.

Пристальное внимание к обеспечению внутренней безопасности способно также повысить эффективность более традиционных контртеррористических мер. Заблаговременное, еще до возможных терактов, усиление безопасности ключевых систем заставит наших недру-

гов осуществлять целый комплекс более сложных операций для подготовки ударов. Это вынудит террористов добывать дополнительные средства и нанимать новых специалистов, то есть время планирования и отработки операции увеличится, и это предоставит преимущество разведслужбам и правоохрнительным органам. Еще на подготовительной стадии теракта появятся возможности проникнуть в структуру террористической организации, и, кроме того, повышается степень вероятности того, что террористы привлекут к себе внимание.

Пристальный интерес к вопросам внутренней безопасности сулит и кое-что еще. Наиболее эффективные меры по защите потенциальных целей террористической активности или повышению их устойчивости в случае нанесения ударов почти всегда благотворно отражаются на других составляющих государственного и частного секторов. Например, совершенствование инструментов выявления и пресечения террористической деятельности приведет к усовершенствованию средств, имеющихся в распоряжении властей для борьбы с такими криминальными явлениями, как наркотрафик, незаконный ввоз мигрантов, хищение грузов и нарушение экспортного контроля. Такие заболевания, как атипичная пневмония, СПИД, лихорадка Западного Нила, ящур и коровье бешенство, выдвинули на передний план проблемы в сфере обращения со смертоносными патогенами в «сужающемся» мире. Благодаря инвестициям в сферу здравоохранения в целях нейтрализации бактериологических агентов и противодействия ударам по запасам воды и продовольствия, у властей появятся более эффективные средства борьбы с этими глобальными заболеваниями. Меры по защите инфраструктуры делают ее более устойчивой не только в случае террористических атак, но и форс-мажорных обстоятельств или чрезвычайных ситуаций, возникающих по вине человека либо в результате технических сбоев. Они также способствуют постоянному укреплению американских ценностей, признаваемых во всем мире, тогда как приверженность агрессивным военным действиям неизменно ставит эти ценности под удар.

Какой уровень безопасности считался бы оптимальным? В обозримом будущем критерием успеха окажется тот момент, когда американцы придут к выводу, что любая предпринятая атака на территории США станет исключительным событием, которое не потребует от них принципиально менять свою жизнь. Это значит, что население должно быть убеждено в наличии адекватных мер по борьбе с этой опасностью.

Иными словами, необходимо стремиться к тому, чтобы в сфере внутренней безопасности достичь таких же успехов, что и в авиационной промышленности с точки зрения безопасности полетов. Несмотря на весь трагизм случаев падения самолетов, авиаиндустрия существует благодаря определенной степени уверенности общества в безопасности полетов, которая была достигнута посредством длительных и постоянных инвестиций. Никогда нельзя рассчитывать на доверие людей после крупной катастрофы, но у служащих частных и государственных авиакомпаний уже есть надежная стартовая база, созданная благодаря совместным усилиям, которые направлены на то, чтобы сделать безопасными все звенья авиаиндустрии. Всякий раз, когда пассажиры занимают свои места в самолете, бортпроводницы объясняют им, как правильно пристегивать ремни безопасности и надевать кислородные маски, и эти инструкции служат тактичным напоминанием о том, что авиаиндустрия считает обеспечение безопасности делом первостепенной важности. Даже в случае катастрофы в людей вселяет уверенность тот факт, что уроки, извлеченные из трагедии, быстро суммируются и предаются гласности и что правительство и руководители индустрии выражают готовность пойти на любые действия, необходимые для исправления ситуации.

Непрерывные и заслуживающие доверия усилия по противодействию потенциальной угрозе являются жизненно важным условием для выживания любого современного предприятия со сложной инфраструктурой. Подход к проблеме безопасности, практикуемый в авиаиндустрии, содержит полезные ориентиры, которые помогут нам обеспечить собственную защиту, не превращая Америку в «огороженное государство» (от *Gated Community* — огороженное поселенческое сообщество. — Ред.). Такая тактика, во-первых, доказывает, что американцы отнюдь не считают, что их жизнь станет абсолютно безопасна: просто они справедливо ожидают, что будут приняты реально возможные меры по устранению этой угрозы. Во-вторых, противостояние угрозе наиболее эффективно в том случае, если меры безопасности являются неотъемлемой частью режима функционирования какого-либо сектора и энергично адаптируются к изменениям такого режима. В-третьих, государство играет ключевую роль в создании стимулов и наказаний, чтобы способствовать соблюдению минимальных стандартов безопасности как в сфере индустрии, так и в повседневной жизни. Проще говоря, безопасность не возникает сама по себе.

ТРАГЕДИЯ РЕСУРСОВ ОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ
«Пассивный» подход Вашингтона к защите ключевой инфраструктуры объясняется не только излишней и необоснованной верой в военные, разведывательные и правоохранные возможности Америки. Суть проблемы еще и в том, что администрация возлагает слишком большие надежды на рыночную систему. Невидимая рука свободного рынка просто-напросто не в состоянии создать для частных компаний, владеющих и управляющих значительной долей глобальных систем, достаточные стимулы для защиты этих систем от террористических актов. Это связано с тем, что руководители компаний опасаются, будто такие инвестиции поставят их в невыгодное положение по сравнению с их конкурентами.

За безопасность нужно платить. Вкладывая деньги в защиту своей части общей инфраструктуры, компания несет расходы. Если ее руководство не верит, что другие компании желают или способны осуществить подобные инвестиции, оно сталкивается с вероятностью потери их компанией удельного веса на рынке, в то время как в инфраструктуре все равно останутся уязвимые места. В случае террористического удара такая компания точно так же пострадает от его разрушительных последствий, как и те, кто не позаботился о его предотвращении. А эти последствия таковы, что компании в числе прочего, скорее всего, придется вкладывать средства в выполнение новых правительственных требований. Поэтому безопасность инфраструктуры страдает в результате наличия проблемы, которую принято называть «трагедией ресурсов общего пользования».

Возьмем, к примеру, химическую промышленность. В общем и целом безопасность на предприятиях этой отрасли находится на должном уровне. Но защита от внешних факторов — это совсем другое дело. Имея незначительный коэффициент прибыльности и сталкиваясь с растущей иностранной конкуренцией, большинство компаний неохотно решаются на дополнительные расходы, связанные с мерами безопасности. Представим себе такую ситуацию: руководитель химического завода осматривает собственное предприятие и, к немалому своему огорчению, замечает множество упущений в системе безопасности. После бессонной ночи он решает вложить деньги в принятие мер по укреплению этой системы, что для его клиентов обернется наценкой в 50 долларов на каждую партию. Теперь его предприятие, уделяющее внимание вопросам обеспечения безопасности, рискует лишиться заказов: их получит отказавшийся

от подобных инвестиций конкурент, чьи затраты на погрузочно-разгрузочные работы окажутся ниже. А опытные террористы и преступники выберут для удара как раз предприятие конкурента, так как оно представляет собой более легкую мишень.

Чрезвычайное происшествие, особенно катастрофа, вероятно повлечет за собой два последствия. Первое: правительственные чиновники не будут проводить различий между компаниями, которые в большей или меньшей степени озабочены проблемой обеспечения безопасности. Все химические заводы будут, скорее всего, остановлены на период улаживания ситуации властями. Второе: когда пыль уляжется, чиновники из органов, контролирующих химическое производство, и политики начнут борьбу за введение новых требований безопасности, которые могут свести на нет прежние инвестиции инициативного хозяина. С учетом такого сценария наиболее рациональным поведением растерянного топ-менеджера будет продолжение ночных переживаний по поводу возможной опасности, с тем, чтобы днем сосредоточить свои усилия на прибыльности своего предприятия.

Единственный способ предотвратить трагедию ресурсов общего пользования — убедить всех участников частного сектора придерживаться одних и тех же требований безопасности. Когда стандарт един для всех, затраты в равной степени ложатся на весь сектор. Американцам — как налогоплательщикам или же как потребителям — придется платить за эти меры, но это будет их страховка от потери невинных жизней и глубоких потрясений в обществе и экономике.

МОБИЛИЗАЦИЯ ВНУТРЕННЕГО ФРОНТА

Что касается сферы защиты ключевой инфраструктуры, то здесь задача состоит в том, чтобы привлечь частный сектор к разработке стандартов и созданию эффективных механизмов, обеспечивающих их неизменное выполнение. Для реализации этой задачи требуется решение совсем иной институциональной проблемы, нежели создание нового федерального департамента внутренней безопасности. Что необходимо, так это заняться созданием структуры, которая позволит частному сектору и гражданскому обществу на равных участвовать в процессе разработки и внедрения системы внутренней безопасности США. Рэндолф Лернер, возглавляющий банковский холдинг *MBNA Corporation*, высказал предположение, что Соединенным Штатам нужна структура внутренней безопасности, имеющая

сходство с принципами организации и функциями Федеральной резервной системы (ФРС).

ФРС была учреждена в 1913 году, чтобы уменьшить риск серьезных потрясений на финансовых рынках. В основе ее создания лежала идея о том, что эффективный надзор за финансовым сектором требует привлечения знаний и опыта представителей частных предприятий, функционирующих внутри этого сектора. К тому же посредством образования в соответствии с Уставом ФРС 12 региональных банковских округов и 25 филиалов признавалась важность учета особенностей и многообразия условий в разных частях страны. Данную структуру нельзя назвать чисто иерархической. Региональные банки играют существенную роль в сборе информации о состоянии дел на местном уровне. Они же образуют собой группу консультантов, предоставляющих необходимую для принятия государственных решений информацию. При этом важно, что ФРС сохраняет определенную степень независимости от исполнительной власти. Несмотря на то что Совет директоров ФРС, имея определенные установленные законом обязанности, постоянно поддерживает деятельность федеральных агентств и проводит регулярные встречи с их представителями, он подотчетен непосредственно Конгрессу, и его работа проверяется Главным контрольно-финансовым управлением США.

Соединенные Штаты должны приблизительно воспроизвести модель ФРС, учредив Федеральную резервную систему безопасности (ФРСБ, *FSRS*), включающую национальный совет губернаторов, 10 региональных округов внутренней безопасности и 92 местных отделения (так называемые антитеррористические комитеты крупных городов). Задачей такой системы станет разработка самофинансирующихся механизмов более полного вовлечения широких слоев американского общества в дело защиты главных учреждений страны от масштабных потрясений, вызванных террористическим ударом.

Чтобы эффективно стимулировать рынок к инвестированию в обеспечение безопасности, ФРСБ должна утвердить и взять под контроль обязательную программу, в соответствии с которой владельцы и руководители ключевых инфраструктур будут обеспечивать для них достаточное страховое покрытие. Смысл страхования в данном случае заключается не только в том, чтобы уменьшить нагрузку на государственные ресурсы в случае терактов. Оно также может побудить индустрию страхования к сотрудничеству в процессе создания таких условий, при которых владельцы и руководители

ключевых систем не смогут пренебрегать своими обязанностями по обеспечению безопасности.

Национальный совет губернаторов в рамках ФРСБ мог бы выполнять функции контролирующего органа, в ведении которого находились бы разработка директив по предотвращению террористических атак и реагированию на них, а также мониторинг выполнения мандатов на обеспечение безопасности в сферах водоснабжения, продовольствия, химической промышленности, энергетики, финансов, информации, транспорта, деятельности в чрезвычайных ситуациях и здравоохранения. В ведении этого совета могло бы быть издание правил, способствующих соблюдению основных федеральных законов, регулирующих обеспечение безопасности в этих сферах. Было бы целесообразно, чтобы его члены имели возможность встречаться с советниками президента по внутренней безопасности или выступать перед Конгрессом. Совет может ежегодно предоставлять Конгрессу отчет о состоянии безопасности в каждой сфере наряду с оценкой степени национальной уязвимости. Он может также играть определенную роль в деятельности международных институтов (таких, как Международная организация по стандартизации и ВТО), развивая систему всемирных стандартов безопасности ключевых сетей, выходящих за пределы государственных границ. Чтобы заручиться техническим и научным содействием, совету следует заключить официальные соглашения с Национальной академией наук, учрежденной Конгрессом.

На каждый из десяти округов внутренней безопасности возлагается основная ответственность за конкретную ключевую сферу деятельности, исходя из ее относительной важности в пределах юрисдикции округа. Например, на округ, соответствующий северо-восточному региону страны, может быть возложена основная ответственность за финансовую безопасность. Представитель округа, отвечающего за ту или иную ключевую сферу, встанет во главе комитета, составленного из представителей остальных округов. В дополнение к этому «основной» округ должен будет организовать работу международного консультативного комитета, включающего экспертов — представителей частного и государственного секторов из Европы, Канады, Мексики, Японии и других стран — союзниц США.

Совет директоров округа должен состоять из лидеров частного сектора, представляющих все сегменты ключевой инфраструктуры; представителей профсоюза, сферы здравоохранения, общественной

безопасности, неправительственного сектора; назначенного сотрудника, следящего за соблюдением гражданских свобод, и лидеров СМИ. Предполагается, что региональный директор из Министерства внутренней безопасности разделит должность вице-президента с федеральным прокурором, который представляет входящие в округ территории и осуществляет официальную связь с министерством юстиции. Северное командование Министерства обороны, в компетенцию которого входит защита территории США от вооруженного нападения, получило бы *ex officio* место в совете директоров без права голосования.

К каждому округу могли бы быть приписаны службы поддержки, включающие в себя как штатных сотрудников государственного сектора, так и назначенных представителями частного сектора специалистов от различных сфер индустрии. Таким экспертам предоставлялся бы двухгодичный отпуск по месту службы для работы на уровне округа. Как и в Федеральной резервной системе, эти назначения будут осуществляться частным сектором в результате тщательного отбора талантливых руководителей среднего звена, с тем чтобы лучше понять и ввести в курс дела представителей политического окружения, оказывающих влияние на соответствующую сферу деятельности. Все вышесказанные представители частного сектора получают государственный доступ к секретной работе.

На уровне крупных городов структура ФРСБ может быть представлена в расширенном варианте антитеррористических консультационных комитетов и объединенных групп по борьбе с терроризмом, возникших после событий 11 сентября и осуществляющих свою деятельность под руководством Министерства юстиции и ФБР. На данный момент в состав этих групп входят исключительно представители федеральных, государственных и местных правоохранительных учреждений. По сути, все, что эти форумы могут, это дать возможность сотрудникам службы охраны правопорядка поговорить друг с другом. Необходимо, чтобы такие организации были созданы в рамках ФРСБ в каждом штате, а также в крупных городах с их пригородами и непременно включали представителей частного сектора, прошедших проверку на благонадежность и получивших соответствующий допуск к секретной работе.

Антитеррористические комитеты в крупных городах должны служить площадкой для встреч, в ходе которых местные и частные организации, осуществляющие прямой оперативный контроль над клю-

чевыми сферами, могли бы делиться последней информацией об оценках угрозы. В их функции войдет также пересмотр оценок уязвимости и планов по обеспечению безопасности, включая проведение учений с целью определения эффективности превентивной и защитной деятельности на местах. Вдобавок эти команды должны будут нести ответственность за периодическую проверку соблюдения норм безопасности точно так же, как федеральные банки время от времени высылают ревизоров — членов ФРС — для оценки деятельности банков. В случае обнаружения серьезных расхождений с правилами совет округа может применить к нарушителю санкции.

Федеральная резервная система рассматривает себя как систему, «независимую внутри правительства». Это значит, что она обязана функционировать в рамках выполнения общих целей, провозглашенных Конгрессом, но ее решения не требуют одобрения со стороны президента или любого иного представителя исполнительной власти. Такой уровень независимости оправдан и как фактор ограничения исполнительной власти, и как способ справиться с риском политизации решений, напрямую влияющих на деятельность рынка. Идея подобного подхода к внутренней безопасности выглядит привлекательно. В обоих случаях цель состоит в том, чтобы плотнее связать интересы бизнеса и государства.

Главный смысл предлагаемой модели ФРСБ состоит в создании взаимосвязанной системы, не возлагающей неоправданно больших надежд на федеральные агентства. Используя Федеральную резервную систему как модель привлечения экспертов, работающих за пределами Вашингтона, США могут найти золотую середину между двумя тактиками: возложением на федеральные власти, заваленные работой, всеобъемлющей заботы о государственных ключевых системах, с одной стороны, и опорой на политику невмешательства, не гарантирующую никакой защиты, с другой.

Очевидно, что речь идет об амбициозных планах. Но сейчас не время проявлять нерешительность. И не время настаивать на сохранении устарелой системы национальной безопасности, разработанной в минувшем веке против иного по характеру противника. Американцы должны потребовать от своего правительства создания системы более широкого и квалифицированного участия граждан в деле повышения безопасности Соединенных Штатов. Не только службы национальной безопасности, но и нация в целом должна быть подготовлена к долгой, беспощадной схватке с терроризмом.

FOREIGN AFFAIRS

Before it becomes policy, it's in *FOREIGN AFFAIRS*

When you want to be the first to know what the experts in foreign policy and economics have to say about world events—turn to *FOREIGN AFFAIRS*. With contributions from distinguished authorities like Condoleezza Rice, Richard Holbrooke, Fouad Ajami, Donald Rumsfeld, Kenneth Pollack, and Samuel Huntington—this is the forum for leaders who shape the world.

SUBSCRIBE TODAY TO
**FOREIGN
AFFAIRS**

“The most influential periodical in print.” —*TIME*

“*FOREIGN AFFAIRS* is essential reading.” —*FORTUNE*

“*FOREIGN AFFAIRS* [is] the most prestigious of America’s many foreign policy journals.” —*FINANCIAL TIMES*

**SPECIAL OFFER for readers of *Russia in Global Affairs*:
One year only US\$57.00!**

You will receive 6 bimonthly issues delivered via air mail. Your satisfaction is guaranteed or you will receive a FULL REFUND on all unmailed issues.

To order, send payment to: FOREIGN AFFAIRS SUBSCRIPTION SERVICES,
P.O. Box 420190, Palm Coast, FL 32142-9970 U.S.A.
TEL: (386)445-4662 FAX: (368)446-5005 or EMAIL: ForAff@palmcoastd.com

All international orders must be prepaid, therefore, please make checks or international money orders payable to Foreign Affairs in US\$ only. We also accept MasterCard, Visa, and American Express as payment. Please allow 6–8 weeks for the delivery of your first issue.

www.foreignaffairs.org/ordernow

Мировое управление

Вашингтонские гибриды.
Рис. Ю. Ганфа. «Огонек». 1951 год

“ Как метафора «империя» не подлежит ни осуждению, ни одобрению. Она заслуживает тщательного изучения, поскольку история империй содержит параллели, имеющие непосредственное отношение к затруднительному положению, в котором оказались ныне США ”

ООН: вызовы времени *Евгений Примаков*

68

История и гипердержава *Элиот Коэн*

77

Что такое империя? *Алексей Любжин*

94

Сдержанный подход к строительству наций

Амитай Этциони

101

Политика умиротворения и вооруженные силы

Эрнест Пастернак

115

ООН: ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Новые и традиционные угрозы безопасности людей и стран

Евгений Примаков

В последние годы, особенно после террористической атаки на Соединенные Штаты 11 сентября 2001 года, тема новых угроз миру и безопасности повсюду вышла на первый план. Произошедшее в тот день заставило каждого осознать, насколько серьезную опасность для всех без исключения представляет собой международный терроризм. Он проявился в наиболее устрашающей форме — самодостаточной организации, не связанной с каким-либо государством и претендующей на роль самостоятельного международного игрока. Именно в таком обличии предстала миру террористическая организация «Аль-Каида», которую официально не поддерживает ни одно государство.

О характере этой организации красноречиво говорит цель, провозглашенная ее лидером Усамой бен Ладеном: создание единого исламского халифата. Средство же достижения поставленной цели: ликвидировать в странах с мусульманским населением режимы не только светские (как, например, в Турции), но и умеренные (как в Саудовской Аравии). Одновременно бен Ладен объявил «беспощадную войну» Соединенным Штатам, поддерживающим подобные режимы, и другим государствам, которые выступают против экстремистских исламских групп, зачастую проповедующих идеи сепаратизма.

Разграничительная линия между «Аль-Каидой» и традиционными международными игроками прочерчена не на цивилизационно-религиозной почве. Друг другу противостоят авантюрное экстремистское движение, исповедующее средневеково-зоологическое отно-

Е.М. Примаков — академик РАН, президент Торгово-промышленной палаты РФ, премьер-министр РФ в 1998–1999 годах, член редакционного совета журнала «Россия в глобальной политике».

шение к людям, народам, странам, и остальной мир, ориентирующийся на ценности современной цивилизации и культуры.

Международный терроризм обрел принципиально новую форму, самым опасным образом он переплетается со многими традиционными угрозами:

- опасность распространения ядерного и других видов оружия массового уничтожения усугубилась реальной возможностью сращивания с ним международного терроризма;

- неурегулированность региональных конфликтов, особенно ближневосточного, создает благоприятную почву для распространения международного терроризма;

- еще более опасной стороной оборачивается существование некоторых «несостоявшихся государств», то есть тех, где власти не способны предотвратить гуманитарные катастрофы, геноцид, массовый исход беженцев;

- усугубляется опасность, исходящая от наркобизнеса, который становится источником финансирования международного терроризма;

- религиозный экстремизм (не фундаментализм, а именно, экстремизм) в ряде стран смыкается с международным терроризмом, образуя огненную лаву, искры от которой способны поджечь костер сепаратизма; это уже дестабилизирует обстановку в некоторых государствах и может привести к еще более негативным последствиям;

- тенденция раздела мира по цивилизационно-религиозному принципу, «обобщенные» нападки на ислам как на религию раскалывают мировое сообщество, подстегивают террористические акции, ослабляют меры противодействия международному терроризму.

Создается прямая угроза того, что международный терроризм использует в своих интересах такие объективные процессы мирового развития, как глобализация и научно-технический прогресс.

«ИЕРАРХИЯ УГРОЗ» КОНТРПРОДУКТИВНА

Появление новых вызовов человечеству создает принципиально иную международную обстановку, требующую новых подходов к проблемам безопасности отдельных государств и мирового сообщества в целом. Но какими должны быть эти подходы?

Ряд политиков и политологов жестко разделяют угрозы на «жесткие» и мягкие». С одной стороны, это угрозы безопасности, которые возникают либо как результат агрессивных действий со сторо-

ны другого государства, либо как следствие развития некоей нестабильной ситуации. С другой стороны — все остальные, так называемые «мягкие» угрозы: нищета, болезни, безработица и т. п. Данный подход оборачивается в конечном итоге идеей о том, что роль Организации Объединенных Наций должна ограничиваться противодействием «мягким» угрозам, так как ее механизм, дескать, не приспособлен к тому, чтобы быстро и эффективно реагировать на угрозы безопасности.

Подобные заключения несостоятельны.

Во-первых, в Уставе ООН заложены все возможности коллективного противодействия угрозам безопасности и стабильности. Правда, Совет Безопасности ООН не всегда оказывался в состоянии оптимальным образом использовать имеющиеся у него полномочия, и его деятельность нуждается в совершенствовании на основе согласованных договоренностей. Надо, однако, отметить, что СБ ООН на деле доказал свою способность по-новому, именно по-новому подойти к применению положений Устава ООН. Например, после событий 11 сентября 2001 года Совет Безопасности дал, по сути, новую интерпретацию статьи 51 Устава ООН, подведя базу под применение силы в порядке самообороны в случае нападения негосударственного формирования на государство. Следует напомнить и о таких мерах, как введенные решением СБ ООН санкции против движения «Талибан» и создание Контртеррористического комитета (КТК) Совета Безопасности. Совбез принимал решения о силовых мерах в поддержку демократии и прав человека (например, резолюцией 940 от 31 июля 1994 года СБ ООН уполномочил государства-члены «сформировать многонациональные силы... и использовать все необходимые средства» в целях восстановления демократии на Гаити).

Совет Безопасности продемонстрировал способность адаптироваться к ситуации, сложившейся после появления новых вызовов и угроз. На этот орган возложена главная ответственность за поддержание международного мира и безопасности, и незачем действовать в обход Совбеза, когда нужно принимать решительные, а в случае необходимости и силовые меры.

Во-вторых, события, связанные с Ираком, наглядно доказывают губительность тактики игнорирования ООН и ставки на односторонние действия. Характерно, что после неудачи американской операции в Ираке те, кто еще недавно уповал на принцип унилатера-

лизма, в соответствии с которым в нынешних условиях самостоятельные и превентивные силовые действия в обход ООН считаются «легитимными», разворачиваются в сторону этой организации. Без нее не выбраться из иракского тупика.

В-третьих, выстраивать своеобразную иерархию угроз, противопоставлять их друг другу контрпродуктивно. Угрозы взаимно переплетаются. Хотя международный терроризм и не произрастает непосредственно из бедности и нищеты, от которых страдает большая часть человечества, но во многом является порождением дискриминационной политики, осуществлявшейся в прошлом, да и в наши дни, в отношении тех, кто живет за пределами стран, входящих в «золотой миллиард». Дискриминация – политическая, экономическая, культурная – подпитывает терроризм.

В-четвертых, в разных частях мира по-разному расценивают значимость той или иной угрозы. В Африке, например, основной опасностью считают СПИД, который уже унес около 30 млн жизней. Многим странам, не входящим в «золотой миллиард», по-настоящему угрожает не терроризм, а болезни, нищета и голод.

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ МНОГОСТОРОННЕГО МЕХАНИЗМА

Согласно Уставу ООН (глава VII) Совет Безопасности определяет наличие любой угрозы, любого акта агрессии и нарушения мира, решает, какие меры следует принять для поддержания и восстановления международного мира и безопасности, и, наконец, осуществляет или организует проведение таких мер, в том числе срочных военных мероприятий.

В Уставе ООН прямо упоминается возможность осуществления принудительных мер также и в превентивном порядке (статья 50). Вместе с тем в Уставе отсутствуют критерии, которые могли бы лежать в основе принятия решения о применении принудительных, в том числе превентивных, мер. Следовательно, необходимо определить такие критерии. Требуемыми принудительного воздействия со стороны Совета Безопасности ООН могли бы считаться следующие ситуации:

- острый гуманитарный кризис, сопровождающийся массовыми убийствами гражданских лиц, грубыми нарушениями международного гуманитарного права, прав на жизнь и на имущество, массовым исходом беженцев. Такого рода ситуации чаще всего возника-

ют в условиях коллапса центрального правительства той или иной страны либо острого внутреннего конфликта;

- неспособность центральной власти государства взять под контроль негосударственные субъекты, действующие на его территории и создающие угрозы международной безопасности;

- нарушение Договора о нераспространении ядерного оружия, особенно если имеется возможность передачи этого оружия террористической организации;

- предоставление государством части его территории для базирования на ней международной террористической организации, осуществляющей масштабные теракты против других государств (в этом случае атакованное государство также имеет право на самооборону в соответствии со статьей 51 Устава ООН).

«Критерии вмешательства» могут быть утверждены резолюцией СБ ООН по главе VII Устава. При этом нет необходимости вносить поправки в сам Устав. Вышеперечисленные ситуации связаны не с недостатками Устава ООН, а с вопиющим нарушением его положений и документов, принятых в развитие Устава.

Естественно, в создавшихся условиях необходимо конкретизировать проблему легитимного вмешательства во внутренние дела государств. Нельзя полностью отрицать возможность такого вмешательства в том случае, если создаются угрозы миру, региональной или международной безопасности. Речь не идет об отказе от принципа суверенитета государства, как такового. Но следовало бы твердо исходить из того, что запрет на вмешательство во внутренние дела незыблем только тогда, когда развитие событий внутри государства не представляет угрозы для мирового сообщества в его части или в целом.

При этом превентивное вмешательство не может быть осуществлено на основе чьего-либо субъективного решения об уровне опасности того или иного режима и о применении силы в одностороннем порядке. И определение степени опасности, и постановление об использовании силы должны базироваться лишь на коллективном решении.

Превентивному применению силы должно предшествовать обращение к правительству соответствующей страны с требованием принять незамедлительные меры по прекращению деятельности, угрожающей мировому сообществу. Отказ или неспособность выполнить требование может рассматриваться Советом Безопасности как

основание для того, чтобы санкционировать принудительные меры — силовые или несиловые. Соглашаясь с принципиальной возможностью применения силы, мировое сообщество должно оговорить, что силовое вмешательство допустимо в строго ограниченных ситуациях как крайнее средство, и только по решению СБ ООН, под его контролем и с полным соблюдением норм международного права.

Решения Совета Безопасности должны основываться на очевидных и неоспоримых фактах, проверенной информации. Силовые акции в отношении Союзной Республики Югославия и Ирака, осуществленные без санкции СБ ООН, кроме всего прочего, свидетельствуют о том, что установление фактов, имеющих прямое отношение к применению силы, является слабым местом. В общих интересах — учесть этот опыт.

АДАПТАЦИЯ МНОГОСТОРОННИХ СТРУКТУР К НОВЫМ УГРОЗАМ

Повышение эффективности Совета Безопасности ООН имеет ключевое значение. Концептуальным подходом к этой проблеме могло бы стать совмещение двух принципов — справедливости и дееспособности. Конечно, состав и структура Совбеза, определенные исходя из расклада сил после Второй мировой войны, не могут сохраняться вечно. Давно прошли те времена, когда Германию и Японию отличало от других стран прежде всего поражение в войне. Почти за 60 лет существования Организации Объединенных Наций произошли и другие серьезные изменения на мировой арене. Целый ряд бывших колоний и полукolonий стали суверенными государствами и теперь играют активную самостоятельную роль в международной политике и наращивают свой удельный вес в мировой экономике (например, Индия).

Необходимо привести состав СБ ООН в соответствие с современными реалиями. Речь идет об увеличении числа его и постоянных, и непостоянных членов. Следует также четче соблюдать принцип географического представительства в Совете Безопасности, особенно в отношении Африки и Латинской Америки. Вместе с тем значительное расширение числа членов Совбеза противоречит идее сохранения и усиления дееспособности ООН.

Что касается проблемы права вето, то нужно прямо сказать, что Организация Объединенных Наций, как многосторонний механизм, эффективно действующий во благо мира и безопасности, не может

существовать без вето. История Лиги Наций в этом плане весьма поучительна. Но не менее губительно для ООН предоставлять право вето большому числу стран. Мне представляется, что такое право должно принадлежать лишь нынешней «пятерке» постоянных членов СБ ООН.

Излюбленный аргумент критиков этой организации заключается в том, что постоянные члены СБ ООН зачастую не способны находить консенсус по вопросам, касающимся силового реагирования на наиболее острые угрозы безопасности. Но эти утверждения несправедливы для тех случаев, когда дело касается бесспорных ситуаций, чреватых угрозами международной безопасности. Чтобы расширить возможности согласования в рамках Совета Безопасности решений по кардинальным проблемам безопасности, можно предусмотреть внесение определенных коррективов в процедуру его работы. Следует активно использовать уже введенные процедурные новации, в частности, по расширению сотрудничества между членами Совбеза и ведущими государствами — поставщиками миротворческих контингентов, участвующих в операциях ООН по поддержанию мира.

Стоит рассмотреть возможность принятия постоянными членами СБ ООН коллективного заявления о том, что они будут максимально ответственно и сдержанно подходить к использованию права вето (дискуссии на сей счет в «пятерке» уже велись, и вероятность выработки согласованных формулировок такого заявления весьма высока). Члены Совета Безопасности могли бы также выступить с политически обязывающим заявлением о том, что будут прилагать усилия для достижения согласия в Совбезе по ключевым вопросам безопасности и стабильности.

Возможны и другие, более значительные решения (не предусматривающие изменения Устава ООН), но предметно обсуждать их целесообразно уже после определения формулы расширения СБ ООН.

Совет Безопасности должен сосредоточиться на конкретных конфликтных ситуациях, как это и положено по Уставу ООН. Для этого Совбезу следовало бы освободиться от участия в дебатах по вопросам, относящимся к ведению Генеральной Ассамблеи («генерические» дебаты), то есть связанным с проблемами женщин, детей, проблемами СПИДа, защиты персонала ООН и пр.

Необходимо направить усилия на эффективное использование и других многосторонних структур кризисного регулирования, а так-

же, если нужно, на их адаптацию к новым угрозам. Прежде всего это касается Контртеррористического комитета и Комитета СБ ООН по санкциям в отношении «Аль-Каиды», талибов и связанных с ними лиц и организаций (Комитет 1267).

Планируемая реорганизация КТК и уже принятое решение об усилении потенциала Комитета 1267 (резолюция Совета Безопасности 1526) расширяют возможности сотрудничества этих двух органов с учетом их во многом пересекающихся задач по борьбе с террором. Важно активно использовать и постоянно обновлять санкционный список Комитета 1267 – единственный инструмент такого рода в сфере антитеррористической деятельности.

Нарабатываемый опыт взаимодействия КТК и Комитета 1267 можно использовать и в контексте разработки Хартии антитеррористических действий, которая содержала бы набор конкретных обязательств по ликвидации террористических организаций и их отделений, перекрытию финансовых потоков, предотвращению транзита оружия, взрывчатки, боевиков, выдаче лиц, обвиняемых в терроризме (по списку «антиталибского» комитета). Неучастие в режиме, установленном Хартией, рассматривалось бы как неприемлемое. Кстати, именно такое неучастие (а не субъективное отношение со стороны других стран) могло бы стать основанием для осуждения того или иного режима с последующими санкциями в различных формах.

Имеет смысл более целенаправленно задействовать остальные санкционные комитеты СБ ООН, в частности «африканские» (с учетом нарастания угроз такого рода в Африке), а также учрежденные Совбезом экспертные группы по мониторингу за соблюдением санкций. Эти структуры, действуя в рамках своих мандатов, могли бы внести свой вклад в определение угроз, тесно связанных с региональными конфликтами.

ВОЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Чтобы Организация Объединенных Наций стала работающим механизмом, альтернативой единолично принимаемым решениям о применении силы, она должна приобрести *военное измерение*. Необходимо не только продолжать практику осуществления по решению Совета Безопасности операций в формате коалиции заинтересованных государств (имеется позитивный опыт таких действий в Албании, Восточном Тиморе, Афганистане), но и продумать также сис-

тему мер по укреплению собственного ооновского потенциала проведения многофункциональных операций по поддержанию и, если потребуется, восстановлению мира (с силовым компонентом). В связи с этим целесообразно создание постоянных ооновских сил быстрого развертывания. Они должны быть дислоцированы с учетом «горячих точек». Кроме того, ООН может подписать с рядом региональных организаций и отдельных государств специальные соглашения о том, что в случае принятия Совбезом соответствующего решения они направляют свои подразделения быстрого развертывания либо для операций под флагом ООН, либо для совместных с ООН действий.

Еще одно перспективное направление — формирование в Организации Объединенных Наций своего рода экспертно-аналитического пула, состоящего из представителей заинтересованных и располагающих солидными разведывательными возможностями государств. Уже сейчас происходит обмен информацией между спецслужбами различных стран в целях раннего выявления кризисов и выбора оптимальных средств их нейтрализации. Однако американский опыт, когда даже наличие определенной информации не помогло заранее раскрыть планы террористов, готовивших нападение 11 сентября, свидетельствует о необходимости совместного анализа получаемых сигналов и постоянного мониторинга за кризисными ситуациями.

Следует создать в ООН структуру, способную выполнять практические функции по управлению в постконфликтных условиях, а также координировать восстановительные и другие реабилитационные проекты ООН.

Мировое сообщество смогло преодолеть чрезвычайно опасный исторический период — холодную войну. Ему, безусловно, под силу справиться и с новыми угрозами, найти пути к стабильности на планете и благополучию народов.

История и гипердержава

Элиот Коэн

НОВЫЕ ОДЕЖДЫ ИМПЕРИИ

Любые разговоры об уроках истории заставляют большинство историков морщиться. Как специалисты, и к тому же привыкшие настроенно относиться к широким обобщениям, они избегают попыток установить непосредственную связь между событиями прошлого и текущей политикой. Подчеркивая различия там, где другие видят сходство, они напоминают нам о том, что делает те или иные обстоятельства уникальными.

Политики и разработчики политического курса, напротив, без особых угрызений совести проводят исторические параллели, чтобы выстроить политическую линию и объяснить свой выбор. Узость и неточность их мышления порой коробят ученых, но как раз за такими практиками всегда остается последнее слово. И даже если мы пытаемся понять современный мир, исходя из присущих ему категорий, подспудная, укорененная в истории вера (в тенденции и поворотные моменты, аналогии и метафоры, параллели и уроки) неизбежно формирует наши взгляды. Поэтому лучше непосредственно задаться вопросом, как история способствует нашему пониманию современности.

В последнее время популярность приобретает историческая аналогия, суть которой в том, что Соединенные Штаты сегодня — это

Элиот Коэн — почетный (имени Роберта Осгуда) профессор, директор Центра стратегических исследований Филипа Меррилла при Школе передовых международных исследований Университета имени Джона Хопкинса, автор книги *Supreme Command: Soldiers, Statesmen, and Leadership in Wartime* (Верховное командование: солдаты, государственные деятели и руководство во время войны). Опубликовано в *Foreign Affairs* № 4 (июль/август) за 2004 год. © 2004 *Council on Foreign Relations Inc.*

империя, которую можно и должно сравнивать с империями прошлого. Данная концепция стала актуальной, когда американские солдаты повторили путь Александра Великого в Афганистане, а американские танки с грохотом пронеслись через Месопотамию, некогда располагавшуюся в самом сердце древней империи: попытка управлять далекими непокорными народами и преобразовывать их во многом походит на имперский проект.

Досужие разговоры о *Pax Americana* — по аналогии с *Pax Britannica*, прообразом которой в свою очередь явилась *Pax Romana*, — в какой-то степени отражают то обстоятельство, что Соединенные Штаты следуют модели имперского господства, богатой прецедентами и уроками. Как метафора, «империя» не подлежит ни гневному осуждению, ни восторженному одобрению. Она заслуживает тщательного изучения, поскольку история империй содержит аналогии и параллели, имеющие самое непосредственное отношение к нынешнему затруднительному положению, в котором оказались США.

РЕСУРСЫ ВЛАСТИ

Империя — это многонациональное или многоэтническое государство, которое распространяет свое влияние путем формального либо неформального контроля над другими государственными образованиями. Как удачно отметил в этой связи индийский писатель Нирад Чаудхури, «не бывает империй без конгломерата наций, различных по языку, этническому происхождению и культуре, и без гегемонии одной из них над остальными. Неоднородность и господство составляют саму суть имперских отношений. Империя иерархична. Вполне возможно (и тому есть примеры), что в империи отдельные лица или группы пользуются полной либо частичной свободой для перехода на другой, более высокий уровень, но это не меняет многоступенчатой и многослойной структуры такой организации».

На протяжении всей истории жизнь большинства людей протекала в условиях имперского правления. Нынешняя международная система, в которой почти двести независимых стран и нет ни одного государства, готового признать себя империей, представляет собой историческую аномалию. Большинство империй, однако, являлись гегемонами регионального масштаба, да и амбиции их были ограничены. В XIX веке Французская, Российская, Османская и Австро-Венгерская империи теснили друг друга на окраинах и вели войны, опираясь на союзников, но ни одна из них не возвыси-

лась над остальными. Из империй прошлого только Древний Рим и Британская империя XIX века обладали достаточной мощью и влиянием, чтобы господствовать на международной арене. Каждая из них добивалась своих целей не только с помощью военной силы, но и за счет культурного влияния; каждая создавала условия для установления международного экономического порядка; каждая вызывала зависть, возмущение и в конечном счете уступала место другим — не за счет происков какого-то одного недруга, а в результате сочетания таких факторов, как действия внешних врагов и внутренние изъяны.

Насколько США сопоставимы с Великобританией и Древним Римом? Начнем с основного ресурса империи — военной мощи. Римские легионы проложили путь к мировому господству вопреки целому ряду тяжелых военных неудач: со времен войны с Кореей американцы не знали таких крупных поражений, какие наносили римлянам галлы, греки, карфагеняне, персы и бесчисленные орды варваров. Легионеры проливали кровь в ходе междоусобных войн, столкновений между соперничающими диктаторами и массовых восстаний, поднимаемых униженными сателлитами и мятежными провинциями, — все эти грозные события не имеют аналогов в современной американской истории. Рим рекрутировал немалую часть солдат в покоренных землях. Эти воины проявляли преданность в первую очередь собственным вождям и своей армии, но не были лояльны по отношению к правительству, Основному закону или родине. Таким образом, хотя Рим и доминировал на своем пространстве, но это господство не подкреплялось гарантиями безопасности и внутренней целостности, характерными для сегодняшних Соединенных Штатов.

Между тем британская армия полагалась не столько на количество войск, сколько на их отвагу. Ее численный состав был незначителен по сравнению с крупными армиями континентальной Европы, созданными на основе всеобщей воинской повинности; Бисмарк однажды саркастически заметил, что если бы британцы высадили свою армию на балтийское побережье, то на ее задержание он отправил бы берлинскую полицию. В период с 1815 по 1914 год Британская империя, по существу, отстранилась от военных действий на континенте, что расценивалось английскими политиками как фактор, сдерживающий их деятельность. Что же касается Королевских военно-морских сил, то, несмотря на господство на морях, над ними постоянно довлела опасность технического устаре-

вания и (как считали на флоте) потери своего преимущества. Франция обзавелась бронированными военными кораблями раньше, чем Великобритания; и даже осуществляя прорыв — например, строительство оснащенных артиллерийским вооружением линкоров типа «Дредноут», — англичане осознавали, что Германия и США, их соперники в технологическом соревновании, вскоре последуют их примеру.

Военная мощь США совершенно иного порядка. На долю Америки приходится сейчас 40–50 % общемировых оборонных расходов, что более чем вдвое превышает совокупные военные расходы их европейских союзников. Бюджеты последних изобилуют недостатками настолько, что европейские силы НАТО в военном отношении не играют сколько-нибудь существенной роли ни в одной из сфер, кроме территориальной обороны, миротворчества и участия в некоторых специализированных подразделениях. США первенствуют буквально во всем, что связано с боевыми действиями, — беспрецедентное явление в военной истории. На земле и в воздухе, на море и под водой военные технологии США намного опережают технологии любого потенциального противника. Ни одна другая держава не способна перемещать крупные и оснащенные современным оружием воинские контингенты по всему миру; направлять и координировать действия собственных вооруженных сил и сил своих союзников; обеспечивать надлежащий уровень оснащенности, снабжения и физической подготовки личного состава войск; поддерживать эти войска высокоточной огневой мощью и непревзойденным объемом информации и разведанных.

Изнутри картина, конечно, представляется совершенно иной. Американские солдаты слишком хорошо знают все недостатки и уязвимые места своей армии: они ругают старые грузовики, оружие, дающее осечку, и перебои в поступлении данных. Но если посмотреть на вооруженные силы США со стороны, то станет очевидным: подобной армии в мире еще не было. В 1900-м военнотружущие британской пехоты стреляли более метко, чем пехотинцы из континентальных стран Европы, но особенно не отличались от них в том, что касается снаряжения и боевых навыков (к тому же оказалось, что англичане уступают бурским ополченцам, вооруженным немецкими винтовками). Сегодня личное обмундирование и снаряжение (от бронежилета до приборов ночного видения), которыми обеспечивается средний американский батальон, лучше, чем в любом со-

размерном иностранном подразделении. Полевые учения, проводимые Америкой, эффективны как нигде в мире (не считая некоторых стран, среди которых в основном союзники США); американские офицеры и сержанты проходят самую основательную за всю историю подготовку в системе военного обучения.

Эти качественные преимущества выглядят еще более убедительно в сфере высокотехнологичного вооружения и оборудования. Только США имеют в составе военно-морского флота и военно-воздушных сил бомбардировщики *B-2* и целые созвездия спутников, авианосцы и беспилотные самолеты дальнего радиуса действия. Ни одна другая страна даже на йоту не способна приблизиться к обладанию такими средствами, которые могут дать оборонный бюджет в 400 млрд долларов или накопленный в результате многолетних затрат на строительство и инфраструктуру военно-промышленный капитал. Система научно-исследовательских учреждений в Соединенных Штатах, получающая больше денег, чем заложено в общий оборонный бюджет их крупнейшего европейского союзника, не имеет себе равных.

При таком положении дел военная мощь США, казалось бы, должна порождать чувство гордости. Но опять же, если посмотреть на ситуацию изнутри, складывается иная картина. Генералы и адмиралы высказывают тревогу в связи с растянутостью войск и предвидят угрозу со стороны нетрадиционного и способного применить оружие массового уничтожения противника, действующего разрозненными боевыми отрядами, который не станет стремиться воздействовать на Соединенные Штаты там, где они сильны, но будет делать упор на уязвимые стороны. Генералитет также обеспокоен тем, что политические лидеры, возможно, не устоят перед дурманящим влиянием сосредоточенной в их руках огромной власти, что сограждане не смогут оценить масштабы финансовых затрат и человеческих потерь, которые влечет за собой любая война. Военачальники лучше своих гражданских руководителей понимают, насколько хрупким инструментом является большая военная сила. Но это обстоятельство не снижает значения основополагающего фактора — превосходства США. Император Август потерял свои легионы в Тевтобургском лесу, Дизраэли лишился полков при Изандване: оба стали жертвами примитивного противника, уступавшего этим империям по уровню развития и вооружений и, как они полагали, культуры. Соединенным Штатам не довелось потерпеть такого пораже-

ния даже во Вьетнаме, где вероятность разгрома сопоставимых масштабов была наиболее высокой. Сейчас американским легионам нет равных, и разрыв между вооруженными силами США и других стран только увеличивается.

Безусловно, ни одна империя не может поддерживать себя за счет одной лишь грубой военной силы. Чтобы генерировать власть, ей, как минимум, необходимо иметь достаточно ресурсов. С этой точки зрения контраст между США и империями прошлого столь же разителен. Рим был городом, Великобритания представляла собой несколько не слишком крупных островов на периферии Евразии. США раскинулись на огромном богатом континенте. В середине XIX века численность населения Соединенного Королевства составляла чуть больше половины жителей Франции и значительно уступала восходящим державам – Германии, США и России. Экономическое превосходство Великобритании над остальной Европой, когда-то весьма впечатляющее, сократилось во всех сферах, кроме финансовой. К концу века она отставала от Германии по производству стали и электроэнергии. Соединенные Штаты, напротив, занимают третье место в мире по численности населения, и, в отличие от ситуации в большинстве развитых стран, уровень рождаемости там обеспечивает или почти обеспечивает воспроизводство населения. На долю США приходится чуть меньше трети всей мировой экономики. США живут не за счет грабежа, или накопления финансов, или сдачи в аренду больших земельных участков. Американская экономика остается самой крупной, самой продуктивной и самой динамичной на планете.

Мощь Рима и Великобритании опиралась в такой же степени на идеи, в какой она опиралась на власть и ресурсы: имперское влияние простиралось на науку, литературу и образование. Галлы учили латынь, а индийцы – английский язык. Однако США могут утверждать, что и в области идей они оказывают более значительное влияние. В Древнем мире греческий был языком философии; в XIX и начале XX века немецкий стал языком науки. Сегодня английский является на планете лингвой франка во всех сферах – от управления воздушным движением до развлекательных мероприятий. Американские университеты доминируют среди высших учебных заведений, а американская культура, рассчитанная на массовое потребление, заполнила планету, которая с нежеланием и в то же время с восторгом принимает кинорежиссера Спилберга, сеть кафе «Стар-

бакс» и телевизионный канал *MTV*. От американской музыки, кухни, языка, манер и стиля работы никуда не деться.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГОСПОДСТВА

И тем не менее, могут ли Соединенные Штаты быть империей? Раймон Арон удачно назвал США «имперской республикой», но даже это определение не слишком импонирует американцам. В целом Америка продемонстрировала отсутствие склонности долгое время осуществлять формальный контроль над государствами или же народами, которые не имеют возможности стать ее гражданами. Страна, чьи священные тексты начинаются словами «Мы, народ» и толкуют о «неотъемлемых правах», государство, воспевающее самоуправление и равенство всех перед законом, никогда не сможет спокойно наслаждаться имперским владычеством в традиционном понимании. В самом деле, даже самое откровенное имперское предприятие США — правление на Кубе и Филиппинах после Испано-американской войны — породило внутреннюю оппозицию и закончилось удивительно скорым добровольным уходом отсюда.

Более того, заглядывая в глубь веков, приходишь к выводу, что демократия и империя в конечном счете несовместимы. Трагедия Афин, как писал Фукидид в «Пелопонесской войне», заключается в том, что демократии трудно справиться с довлеющей над ней имперской необходимостью прибегать к принуждению, которое разъедает и даже разрушает свободы, лежащие у самых корней демократии. Британская империя была способна проводить внутреннюю либерализацию и управлять своими внешними владениями только до тех пор, пока жители завоеванных стран оставались в глазах британцев существами низшего порядка, инфантильными или не способными к самоуправлению, — предрассудок, развеянный в результате распространения демократических принципов. Можно одобрять или порицать нынешние попытки США создать демократический Ирак, но никто не посмеет предположить (во всяком случае публично), что иракцы в силу их истории, культуры, религии или национальных особенностей не способны управлять своей страной.

Когда после Первой мировой войны Соединенное Королевство предоставило независимость Ирландии, оно тем самым признало основополагающий принцип самоопределения. Это была уступка, которая, как отмечали некоторые наблюдатели, повлекла за собой распад Британской империи и, возможно, всех других европейских им-

перий. В XX веке три волны дезинтеграции (одну из них вызвали стремление к национальной независимости и Первая мировая война, другую — Вторая мировая война, третью — крах Советского Союза) привели к разрушению империй, господствовавших на протяжении трех предыдущих столетий: Австро-Венгерской, Османской, Британской, Французской, Голландской, Португальской и Российской.

Безусловно, они не утратили полностью свое влияние и даже сохранили некоторые владения; эпоха империй, несомненно, оставила внушительное наследие во всех областях — от институтов и взглядов до названий улиц и систем школьного образования. Кроме того, сохраняются некоторые формы имперского правления. Разве, к примеру, европейское и американское присутствие в Югославии, это не разновидность неокOLONиализма? Угрюмые белые завоеватели, возможно, уже больше не поднимают флаги в своих заморских владениях и не закрашивают эти земли красным на своих картах, но это едва ли меняет реальное положение вещей — существование в международной политике иерархии и зависимости. Утверждения американцев о том, что, распространяя демократию, они исполнены благих намерений, конечно же, по сути ничем не отличаются от *missions civilisatrices* (цивилизаторских миссиях) прошлого.

Однако остается фактом главное: империи распались, и они уже никогда не возродятся. И с этой точки зрения говорить о США как об империи — значит апеллировать к бесполезному и потенциально опасному анахронизму, таящему в себе соблазн заносчиво относиться к другим, чрезмерно распространить свое влияние и игнорировать требования международного сообщества.

В конце концов, однако, применимость конкретного термина (а дебаты об империи того и жди выродятся в пререкания по поводу семантики) несущественна. А вот факт превосходящей мощи Соединенных Штатов весьма важен. Любой потенциальный противник Америки значительно уступает ей в силе, и в настоящее время и речи не может быть о какой-либо равноценной по силам коалиции, способной противостоять Соединенным Штатам и тем более занять их место. Мощь Америки обусловлена ростом ее населения, высокой производительностью труда, стабильной политической системой и такими вооруженными силами, которые в обозримом будущем не будут иметь достойного соперника. И Вашингтон не станет связывать себя (как надеются одни и опасаются дру-

гие) правилами международного институционального и правового порядка, требующими подчинения и ограничивающими свободу его действий. Не говоря уже о том, что этому будет препятствовать внутренняя политика. Ни один американский лидер в ближайшие 10–20 лет не будет призывать к крупному сокращению расходов на оборону или отказываться от того, чтобы его страна оставалась самой сильной на планете, готовой применить свою мощь в любой точке земного шара и действовать в случае необходимости в одностороннем порядке.

«Эпоха империй» и в самом деле, вероятно, закончилась, но началась эпоха американской гегемонии. Независимо от того, как называть этот период и как долго он продлится, американские государственные деятели сейчас не могут игнорировать уроки имперской истории и аналогии между прошлым и настоящим.

БОЯЗНЬ ВЛИЯНИЯ

Логика холодной войны сводилась к идеологическому противостоянию и соперничеству двух мировых полюсов. Логика современной международной политической жизни — в превосходстве и вызываемом им недовольстве. Первый урок истории империй учит, что отсутствие противников не упрощает решение проблем, стоящих перед государственными деятелями. И действительно, если бы удалось прочитывать мысли государственных мужей Великобритании XIX века (или, если дать волю воображению, лидеров Рима периода республики или ранней империи), то мы бы обнаружили, что их тяготили тревоги.

Одна чрезвычайно серьезная проблема вытекает из самих масштабов имперской политики. Практически в любом правительстве важные решения по вопросам международной деятельности и безопасности принимает горстка людей. Чем больше империя, тем менее вероятно, что эта малочисленная группа сможет в надлежащей мере проявить знания о характере и масштабах имперских проблем. Удел лидеров — сталкиваться с малопривлекательным набором альтернатив: уладить дела в одном из сегментов своей политической вселенной, пренебрегая другими, или поверхностно решить все проблемы сразу, или же передать значительную часть политических полномочий проконсулам либо генерал-губернаторам.

Еще одним фундаментальным недостатком имперской державы по сравнению с малыми государствами или политическими движениями, с которыми она соперничает, является то, что лидеры импе-

рии не способны концентрировать свои усилия так, как это делают их оппоненты. Менее значительные игроки на политической сцене, осознающие это, могут манипулировать действиями имперского центра. И в Индийском национальном конгрессе, и в Ирландской республиканской армии имелись хитроумные специалисты по британской политике, знавшие, как вести дело с метрополией, которая лишь время от времени фокусировала внимание на проблемах Индии и Ирландии. Промахи и недальновидные шаги во внешней политике США отчасти обусловлены сходной проблемой: требования внешнеполитического курса просто превышают возможности небольшого числа мужчин и женщин, реализующих его. Более того, американская элита, ответственная за принятие решений, не отличается социальным однообразием и сплоченностью, свойственными римскому сенату (с его системой продвижения по служебной лестнице в политической, военной и религиозной областях, с браками, заключаемыми между родственниками, и практикой усыновления) или британскому высшему классу (с его сетью университетов и клубов, усадьбами и полками). Открытость американской элиты, возможно, делает ее более динамичной, но также затрудняет ее усилия по управлению.

Повсеместная враждебность, которую всегда порождает гегемония, бросает еще один, и, возможно, более серьезный, вызов государственным деятелям империи. У империй нет равных, и у них очень мало друзей. Действительно, «дружба» с имперской точки зрения означает такие отношения, при которых клиенты оказывают услуги, а патроны обеспечивают покровительство. Как результат — дипломатическая и военная изоляция, в чем Великобритания убедилась в годы своего расцвета по меньшей мере дважды (сначала во время американской революции, когда европейские государства выступили против мировой империи, сложившейся в период Семилетней войны, а затем в ходе Англо-бурской войны, когда симпатии европейцев оказались на стороне тех, кто боролся против британского владычества). Оппонент империи всегда выглядит в глазах окружающих как жертва несправедливости, а держава-империя — как обидчик. Победы повстанцев вдохновляют на создание легенд об отваге и самопожертвовании, а триумф легионеров всегда представляется неизбежным результатом превосходства в технике, подготовке и численности. Заявления империи о том, что она действует на благо международной системы, воспринимаются (часто оправдан-

но) лишь как простое обыгрывание своих интересов. В часы раздумий наиболее честные сторонники империи признают это. К примеру, тот факт, что римляне познакомили британцев с латинским языком, тогами, аркадами, банями и торжественными обедами, вынудил Тацита заметить: «Ни о чем не подозревавшие британцы говорили о таких новшествах, как цивилизация, в то время как нововведения являлись лишь одним из признаков их порабощения».

Неизбежность антиимперских настроений помогает объяснить волну антиамериканизма, захлестнувшую мир после 11 сентября 2001 года. Отчасти эта антипатия, безусловно, стала реакцией на личность самоуверенного президента США, чьи манеры и сама суть его убеждений раздражают элиту Европы и Ближнего Востока. До некоторой степени такого рода антипатия, бесспорно, обусловлена вполне объяснимым опасением (особенно на Ближнем Востоке) относительно курса США. Но в известной мере это — следствие спирали враждебности по отношению к колоссу и всему, что он собой олицетворяет, а также, разумеется, к самому факту его существования. Последствия этой враждебности, возможно, удастся в предстоящие годы контролировать и смягчить, но некоторая степень антипатии останется, и не исключено, что она возрастет и предположительно станет опасной. Быть империей или чем-то похожим на нее означает вызывать зависть, возмущение, подозрение, недоверие и достаточно часто — ненависть.

ИСКУССТВО СДЕРЖАННОСТИ

Имперские проблемы устанавливают принципы имперской политики. Мало кто за пределами отделений классической древности в университетах читает сегодня работы ведущих греческих и римских историков, в которых и в наши дни можно найти много полезного. Древний мир относился к успехам Рима, как к чуду и загадке: римляне казались народом, у которого нет глубоких культурных традиций, мудрых правителей или постоянно одерживающих победы армий; однако они сумели завоевать для себя пространство в мире и удержать его. Причины такого успеха интересовали античных ученых, а также политических философов эпох Возрождения и Просвещения, таких, как Макиавелли и Монтескье.

Полибий и многие его последователи искали объяснение в роли сената — органа, который хотя и был внутренне расколот, но тем не менее обеспечивал определенную степень устойчивости обычно

неспокойной политической жизни. Основной причиной бурного характера римской политической жизни, утверждали эти авторы, был последовательно проводимый имперский стиль, который оставался жизнеспособным, несмотря на взлеты и падения консулов и диктаторов. Этот стиль представлял собой совокупность простых правил и приемов. Как отмечал Монтескье, «неизменным принципом был прежде всего принцип “разделяй”», а это настолько очевидный ориентир внешней политики, что его значение зачастую недооценивают. То, что Рим никогда не сталкивался с коалицией многих держав и народов, не случайно. Нельзя сказать, что возвышение Рима было предопределено или что перед ним не возникали серьезные угрозы: он противостоял более многочисленным врагам, более коварным военачальникам, более отчаянным воинам, чем его собственные. Однако он не избегал столкновений, но заботился о том, чтобы не воевать со всеми крупными странами сразу или не позволить другим государствам сообща выступить против него (два тысячелетия спустя эту мудрость не смогла усвоить имперская Германия). В 2003 году на этом же споткнулись Соединенные Штаты, когда после десятилетий благодушного безразличия в отношении образования Европейского союза под франко-германским руководством осознали положительные стороны поддержки более слабых фракций внутри ЕС. (Оказалось, однако, что Америка не способна проводить политику, которую римские лидеры рассматривали как рутинную.)

Размышляя о политической практике Рима, описанной Ливием, Макиавелли отмечал: «Одна из самых значительных мер предосторожности, которую люди взяли на вооружение, — это воздержание от угроз или словесных оскорблений». Римские государственные деятели, как правило, не делали громких заявлений и не впадали в ярость. Они не угрожали и не запугивали. Вместо этого они озвучивали требования и обещания, а также строго следили за выполнением тех и других. Когда одетый в простое платье римский сенатор Гай Попилий Ленат доставил сирийскому царю Антиоху IV требование Рима покинуть Египет, дело обошлось без угроз. Нет, он просто подошел к строптивому монарху и жезлом обвел по песку вокруг его ног, потребовав дать ответ сенату до того, как Антиох переступит границу начерченного круга. Царь государства Селевкидов побледнел и согласился с требованием, но этот акт подчинения сам по себе разрушил его репутацию при его собственном пышном дворе.

Великобритания тоже сполна овладела искусством имперской сдержанности. На протяжении всего XIX века ее лидеры неустанно боролись с любой возможностью образования какой-либо крупной противоборствующей коалиции, даже ценой уступок Америке или Японии. Если бы государственные деятели США достойно хранили молчание и не наносили обид, когда в этом нет крайней нужды, то и сегодня они также могли бы извлекать из этого пользу. Очевидно, что, например, резкая форма, в которой администрация Буша выразила неприятие Киотского протокола, Международного уголовного суда и других инициатив, за которые так ратуют европейцы, создала общественный климат, который способствовал чрезмерному обострению отношений, предшествовавшего началу войны в Ираке. И даже если администрация решила наказать своенравных союзников за отказ поддержать войну в Ираке, ей не следовало публично заявлять об отстранении их компаний от участия в послевоенном восстановлении, а нужно было просто, без лишних слов не допускать их к контрактам.

Мощь США — это настолько очевидный факт, особенно для неамериканцев, что не требует дополнительных разъяснений. Если Соединенные Штаты хотят использовать свою мощь эффективно, даже против воли союзников, они должны делать это с вежливой улыбкой и без чванливых поз. Более слабые государства невольно смотрят на сильнейшую державу как на надменную, эгоистичную и постоянно выдвигающую те или иные требования. Нет нужды усложнять и без того непростую ситуацию: осторожность римлян — такой же поучительный исторический пример, как и их претенциозность.

ПРЕВРАЩЕНИЕ НЕОБХОДИМОСТИ В ПРЕИМУЩЕСТВО

Войны, которые вели империи прошлого, тяжким бременем ложились не только на власть в центре. Британцы имели свою индийскую армию (состояла из индийцев. — **Ред.**); при римских легионах, которые сами по себе являлись достижением военной организации тех времен, создавались подразделения ауксилиариев (вспомогательные силы из варваров. — **Ред.**), доказавшие свою несомненную полезность в деле обеспечения успеха армейских операций. Даже США не имеют и не будут иметь достаточного числа военнослужащих для выполнения поставленных задач. В какой-то степени Америка удачно использует собственные иностранные войска: НАТО

фактически выступает как военный союз, позволяющий усилить американский контингент на нестабильной периферии Европы. С другой же стороны, Соединенным Штатам еще предстоит совершенствовать искусство создания иностранных военных институтов, особенно в условиях, когда требуется предпринять безотлагательные действия. Но история учит, что надежды, питаемые некоторыми лидерами США (передать малым странам функции по поддержанию мира и проведению гуманитарных интервенций), неоправданны: иностранные войска Рима не сражались без поддержки воюющих там легионов, а британцы имели в своей индийской армии собственные части и собственных офицеров.

Великобритании, как и Риму, для управления империей требовались проконсулы. Вице-король Индии обладал огромными полномочиями, которые он часто использовал, не считаясь с мнением Лондона. Вера в то, что «человек на месте» оценивает ситуацию лучше, была неофициальным кредо Британской империи, и хотя тенденции к централизации власти существовали, они ни к чему не привели в силу фактора расстояния. До наступления эры почти мгновенной связи у Лондона было мало шансов сделать перспективный выбор; время перемещения по империи исчислялось неделями, а не часами. Необходимость делегирования полномочий взрастила культуру предприимчивости, власти и ответственности, без которых империя не смогла бы выжить.

Соединенные Штаты не правят отдельными частями мира так, как это делали европейские империи, но им приходится сталкиваться с аналогичными вызовами. Командующие войсками на театрах военных действий (прежде их называли главнокомандующими) ныне выступают в качестве проконсулов. В своих регионах они играют более существенную роль, чем послы или помощники госсекретаря. Они в курсе региональных проблем, имеют хорошо подготовленный штат сотрудников и ресурсы для осуществления своей деятельности. Поэтому неудивительно, что большая часть зарубежной политики США подверглась основательной милитаризации в ущерб Госдепартаменту, чей коллективный потенциал редко соответствует качествам отдельных дипломатов.

Как и в случае с Римом (хотя и в значительно меньшей степени), эти американские проконсулы стали также политизированы. Расставшись с мундиром (а иногда и раньше), они считают своим долгом одобрять или осуждать действия тех или иных политиков.

Один из них, выйдя в отставку, недавно баллотировался на пост президента (имеется в виду снявший впоследствии свою кандидатуру четырехзвездный генерал американской армии Уэсли Кларк, бывший верховный главнокомандующий Объединенными вооруженными силами НАТО в Европе. — Ред.) — обычный удел военачальников, успешно проявивших себя в крупномасштабном конфликте. Конечно, ни один из отставных американских генералов не перейдет Рубикон с оружием в руках, а промахи, допущенные ими в последние годы, возможно, заставят многих из них вернуться к умению достойно хранить молчание, характерному для многих их предшественников. Однако сам этот феномен весьма показателен, так как демонстрирует слабость гражданского компонента в американском аппарате по разработке стратегий — слабость, создавшую вакуум, в который оказались втянуты генералы.

Соединенным Штатам нужно разработать собственную систему, включающую генерал-губернаторов, легатов, резидентов и прокураторов. Трудности в Ираке после свержения Саддама Хусейна показали, что, как ни эффективна американская армия, у США нет ни кадровой администрации, ни организаций, способных установить порядок и приступить к созданию местных институтов в целях предотвращения насилия и массовых волнений. Особенно в данном случае аналогия с империей не проходит. В былые дни великие державы — из чувства гордости, жадности или обычного в таком деле соперничества — стремились к завоеванию колоний. В XXI веке проецирование силы на другую страну диктуется не стремлением к наживе или амбициями, а, наоборот, страхом перед хаосом. Формальное колониальное правление утратило легитимность. Но что же может заменить его? Опыт работы интернациональной администрации в Косово и Боснии можно в лучшем случае назвать неоднозначным; неудачи в деятельности ООН перевешивают ее достижения, хотя она способна внести свой вклад в обеспечение легитимности такой формы правления, а ее отдельные представители и организации проявили мужество и эффективность, как, например, Сержио Виейра де Мелло (спецпредставитель генерального секретаря ООН в Ираке, ставший жертвой теракта в Багдаде. — Ред.). Но даже успехи, достигнутые ООН, требовали военного содействия со стороны держав, выступавших под влиянием обычных эгоистических побуждений. Поэтому легитимация колониального правления под каким-либо другим названием и создание

институтов, которые смогут осуществлять его на практике, становятся одной из грандиозных задач, требующих искусства от современного государственного управления. Ответить на этот вызов — значит не только смягчить бедственные последствия безвластия, но и избежать тех опасностей, которыми чревата анархия в эпоху оружия массового уничтожения и террористов-самоубийц.

ВЫБОР

История «не позволяет успокоиться многим талантливым, проницательным и целеустремленным людям, которые жаждут завершенности и ощущения уверенности», — заметил как-то Жак Барзан (американский историк культуры, педагог, критик. — Ред.). Но она учит тех, кто трезво мыслит и готов мириться с неопределенностью и действовать в ее рамках.

В конце концов, не так уж и важно, считают ли Америку империей или гипердержавой *sui generis*, новым политическим образованием. Многие практические проблемы, с которыми сталкиваются США, похожи на те, что вставали на пути империй прошлого, и уже одно это требует осмысления. Размышления на данную тему, однако, отрезвляют, потому что рано или поздно наступает момент, когда империя становится не так привлекательна, как это представляется, когда она находится на пике своего успеха и влияния. Фукидид подметил это, сопоставив два выступления афинского государственного деятеля Перикла. В знаменитой надгробной речи, произнесенной по случаю похорон первых павших в войне со Спартой, тот восхваляет Афины как «школу Эллады», «пример для других», а не как город, «подражающий чужеземным установлениям». Словами, которые, возможно, напомнят о выступлении Джона Кеннеди в начальный период его президентства, Перикл призывает молодое поколение к обретению величия. Однако после ряда военных неудач и опустошительной эпидемии чумы он предупреждает соотечественников о том, что «отказаться от этого владычества уже невозможно, даже если кто-нибудь в этих сложнейших обстоятельствах сочтет более честным такой немужественный шаг. Ведь ваша власть является тиранией, добиваться которой, возможно, было несправедливо, отказаться же от нее весьма опасно».

Здесь проявляется одно из проклятий империи: предоставить свободу всегда кажется опасным шагом, и чаще всего он таким и бывает. Великобритания отказалась от своей лидирующей роли на

международной арене без особого ущерба для самой себя (хотя и ценой массовых кровопролитий в таких странах, как Индия и Йемен). Но это случилось в значительной степени благодаря готовности США занять ее место, заполнить вакуум, образовавшийся после сокрушения ее мощи, и взять на себя роль Соединенного Королевства во многих частях мира. Собственно говоря, Лондон мало что мог сделать, кроме как отказаться от империи, «предвосхищая необходимость» (Макиавелли), отступить еще до того, как силы, слишком внушительные, чтобы с ними можно было совладать, заставят его уйти.

Определяя свою роль в мире, Америка сегодня также имеет меньше альтернатив, чем кажется ее обеспокоенным лидерам и их критикам или ее озабоченным друзьям и многочисленным врагам. Логика империи сводится к логике расширения, а сложнейшая стратегическая проблема империи — это принятие непомерных обязательств и перенапряжение ресурсов. Несмотря на желания французских и китайских политиков, ни одно противостоящее государство или федерация не восстановят (по крайней мере, в ближайшем будущем) систему баланса сил, подобную той, что существовала в Европе в XVIII и XIX веках. Вопреки мечтам идеалистов ни один международный институт не доказал способность к эффективному действию в отсутствие власти, генерируемой и осуществляемой государствами. Есть и третья возможность, слишком страшная, чтобы ее рассматривать: анархия, воцарившаяся после того, как недовольные США отзовут свои легионы в приступе демократического негодования и безразличия по отношению к остальному миру. Поэтому реальный выбор состоит в том, как именно Соединенные Штаты будут осуществлять гегемонию: с осторожностью или безрассудством, последовательно или нерешительно, рискуя безопасностью или укрепляя ее. Так что лидерам США необходимо всмотреться в историю и усвоить мудрость, которая обеспечит им искусное правление.

Что такое империя?

Алексей Любжин

Слово «империя» — имеющее римское происхождение и несущее на себе явный отпечаток римской истории — в последнее время стало модным. И в России, и в Соединенных Штатах. У нас это связано с тем, что из двух мощных ассоциативных рядов, вызываемых этим словом (с одной стороны, «тюрьма народов» и беспросветный гнет правящей верхушки, которая давит всякое проявление свободомыслия, с другой — русские орлы на альпийских высотах и за Балканами у стен Константинополя, дворцы Растрелли и Росси, стихи Пушкина и музыка Глинки), стал побеждать второй. Американцы же (те, для кого имперская проблематика является актуальной) впервые почувствовали себя планетарной силой № 1, каковой была в свое время Римская империя, и актуализировали слой «римских» реалий, заложенных в конструкцию североамериканской державы при ее рожде-

нии (вспомним сенат и Капитолий). Если за «империей» для США действительно стоит что-то большее, нежели мода и терминологическая игра, то им суждено пережить трансформацию, выпавшую на долю Римского государства и общества в I в. до Р. Х., когда институты аристократической республики уступили место единоличной власти государя. Потому, полагаем, для более четкого понимания процессов было бы полезно оглянуться на историю слова и понятия и проследить, как воспринималась «империя» у ее изобретателей-римлян и наследников — в той или иной степени римской политической традиции.

Изначально понятия *res publica* (дословно «общее дело») и *imperium* не противостоят друг другу в Древнем Риме как типы политического устройства. Они используются и в официальных документах, и в исторической литературе параллельно на

А.И. Любжин — к. филол. н., научный сотрудник Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ.

(1) Октавиан Август – первый римский император.
(2) Карл Великий – император Священной Римской империи.
(3) Наполеон Бонапарт – император Франции, который переосмыслил понятие империи.
(4) Александр III – император Российской империи на пике ее могущества

всем протяжении римской истории, насколько можно судить по сохранившимся памятникам. Более того, мы на каждом шагу сталкиваемся (у Цезаря, Цицерона, в политическом завещании Августа — его «Деяниях») с сочетанием, которое для современного уха звучит противоестественно, *imperium populi Romani* («империя римского народа»). У Тита Ливия — еще более откровенно: римские граждане жалуются, что они сражаются за пределами родины «за свободу и империю» — *pro libertate et imperio* (2, 23, 2), а на родине угнетены согражданами. Василий Модестов, известный русский историк и филолог XIX века, переводит у Тацита *arcana imperii* как «тайные пружины императорской власти». В противовес слову «республика», означающему официальное государство, «империя» многозначна: происходя от *impero* («повелевать, приказывать»), она может воплощать в себе и «державу» (государство, но с подчеркиванием не официального статуса, а мощи и протяженности), и просто «власть» (*summa imperii* — «верховная власть»), и вполне конкретные полномочия — консула, проконсула, полководца (в исторической литературе эти полномочия принято переводить словом «империй»).

Было бы в высшей степени интересно остановиться на римской державе — архетипе империй будущего, как таковой, и тем более примечательно, что Рим — единственное

зеркало, в котором современность может увидеть свое будущее, единственное общество, которое, как ни парадоксально это звучит, ушло по пути модернизации дальше, чем сегодняшний Запад. В обывательском представлении, почерпнутом из курса античной истории в младших классах средней школы, Рим является мощной завоевательной машиной, которая крушила все на своем пути и сознательно кромсала мир на куски, создавая из них провинции для удовлетворения своей ненасытной жадности. Это, однако, лишь одна сторона правды, и не самая значительная. Изначально римское государство (после падения царской власти) строило свою политическую систему на страхе перед «сильными персонами», которые могли бы установить контроль над армией и использовать ее в своих целях. Инструментом служили парные срочные магистратуры (консулов было два, их избирали на год с запретом исполнять функции два срока подряд; свой империй, который давал им право жизни и смерти над римскими гражданами, они слагали у стен города и распускали армию). Но и такое ограничение исполнительной власти показалось недостаточным: финансы и дипломатия были сосредоточены в руках сената. Пока речь шла о столкновениях с живущими примерно по таким же правилам соседями, дело продвигалось с переменным успехом, а ко-

Что такое империя?

гда на римскую землю пришли профессиональные полководцы Пирр и Ганнибал, командовавшие закаленными, преданными и спаянными долгой совместной службой армиями, римляне осознали, что значит избирать своих вождей демократическим путем и вручать государственный меч дилетантам.

Но если это так, то каким образом Рим смог стать мировой державой и объединить под своей властью страны Средиземноморского бассейна от Каспия и Персидского залива до Гибралтара и Рейна? Вот ответ, который дает Цицерон в своей речи в защиту Секста Росция (гл. 50):

«Клянусь Геркулесом, наши предки считали совершенно иначе... и из крошечного и слабого государства (*res publica*) оставили нам величайшее и процветающее. Они тщательно возделывали свои поля, не посягая на чужое, — такими поступками они прирастили и землями, и городами, и племенами государство и эту державу и самое имя римского народа» (*rem publicam atque hoc imperium et populi Romani nomen*). Выросший в оборонительных войнах Рим опирался на стойкий и непреклонный дух своей пехоты и своего сената, а также на понимание справедливости, делавшее завоевателей-римлян либо меньшим злом сравнительно с другими, либо прямым благом (как для греков с их вечными междоусобицами). На завоеванных землях Рим ничего не разрушал, что было

совместимо с его суверенитетом, не стремился к насильственной унификации и начиная с I в. до Р. Х., когда сумел создать честные и компетентные провинциальные власти, обеспечил мир и процветание всем своим территориям. В этом отношении наследницей Рима выступает Российская империя (но не Российская Федерация, не США и не современные демократии Запада).

А как назывался глава этого мощного образования, император? Слово *imperator*, безусловно, существовало в латинском языке; но кроме абстрактного понятия «глава», у него есть и конкретное значение — «полководец». Такой титул давало войско победоносному начальнику, а крупнейший немецкий историк Теодор Моммзен переводит это слово как «генерал». Римский историк Тацит, описывая в начале «Летописи» (1, 9) разговоры после смерти Августа, отметил: обстоятельства требовали единоличной власти; она была утверждена не под видом царской (*regnum*), ни в качестве диктатуры, но под именем «принцепс» (*princeps*), исходное значение которого «старейший сенатор, высказывавшийся первым». Из слова «принцепс» в современных языках возник «принц»; в рамках феодальной иерархии это не самая высшая ступень, но слово сохранило и еще одно, более почетное значение — «государь» (знаменитый трактат Никколо Макиавелли именно так и называется: *Il Principe* —

«Государь»). Безусловно, это была маскировка: Август, окончательно ликвидировавший республиканский аристократический строй, пытался прослыть восстановителем республики. Это дорого обошлось Риму, почти полтысячелетия — от одного государственного переворота до другого — жившему без четкого закона о престолонаследии: наследование сыном отцовской власти было исключительным случаем, а усыновление преемника (*adoptatio*), напротив, весьма распространенным. Два других обозначения — *Caesar* (Цезарь) и *Augustus* (Август) — скорее семейного происхождения; имя и титул двух основателей первой римской «династии» сохранились в политическом словаре, причем от первого произошли русское слово «царь» и немецкое «*Kaiser*». В Риме престиж Августа стоял выше Цезарева: когда потребовалось разделить громадное государство на части для легкости управления, двум Августам стали помогать два Цезаря. Не забудем при этом, что Рюриковичи вели свой род от мифического брата Августа — Пруса, а французские короли считали себя потомками этой троянской династии.

Исходной точкой для представлений об империи европейского общества послужила поздняя, уже христианизированная Римская империя. В точке пересечения римской государственной и ветхозаветной традиции возникает представление о пос-

ледовательно сменявших друг друга державах: вавилонской, персидской, македонской и римской. Императорский титул этой эпохи сочетал в себе наследие Рима и Царьграда; императорская корона была в 800 году возложена на Карла Великого как владыку Запада; официальное название «Священная Римская империя германской нации» (*Sacrum Imperium Romanum Nationis Teutonicae, Heiliges Römisches Reich Deutscher Nation* — первый рейх [по нацистской классификации]) просуществовало до 1806 года. Фактической же наследницей Восточной Римской империи, неправильно называемой Византийской, поскольку ее подданные считали себя ромеями, т. е. римлянами, стала овладевшая ее столицей Османская империя.

Теперь рассмотрим, что означают в основных европейских языках заимствования, восходящие к *imperium*. Первый словарь Французской академии (1694) дает широкое толкование для *empire*: «власть» (можно было говорить об «империи» над самим собой как о самообладании), «держава» (*puissance*), «время царствования» и «протяженность государства». В данном смысле можно было употребить это слово применительно к любой державе, но *empereur* («император») могло употребляться только по отношению к владыкам Западной и Восточной римской империй, наследницам Рима. Начиная с издания 1835 года в словарь проникают эле-

менты нейролингвистического программирования: абзац, посвященный *empire* как способу организации государственной власти, заканчивается словосочетаниями «империи, разрушенные временем» и «падение империй» (это сохраняется в издании 1878-го и опущено в последнем, 1932–1935 годов). В империю как форму государственного устройства французы играли дважды — в 1804–1815 годах при Наполеоне I (Французская империя возникла почти одновременно с падением Священной Римской, император которой Франц II после Аустерлица и Пресбургского мира отказался от титула в 1806-м) и в 1852–1870 годах при Наполеоне III (племянник Наполеона I), добившемся своего избрания президентом республики и устроившем государственный переворот. Не менее интересно проследить за значением слова *empereur*. Прежде всего это «глава империи» (без уточнений — Священной Римской империи германской нации); в словаре 1740 года в числе примеров впервые появляются китайский и японский императоры, а в издании 1835-го — российский (все они исчезают в последнем издании, 1932–1935 годов, но зато здесь фигурирует ранее не упоминавшийся император Франции). Во всех изданиях XVIII столетия слово «император» означает одного из двух учеников, лучших в классе своего колледжа; это показывает, что у слова «импе-

ратор» есть свой потенциал развития, как и у слова «империя», но не реализовавшийся.

Английские *empire* и *emperor*, фиксируемые с XIV века и по форме французские, не имеют большого отличия от своего оригинала. Отметим два небольших расхождения. *Empire* может означать страну, не имеющую над собой другого, верховного владыки (что перекликается с русским словом «самодержавие»). Кроме того, применение слова «империя» англичанами к их стране имело свою специфику. Так, Британской империей называли либо Великобританию вместе с ее колониями, доминионами и зависимыми территориями, либо эти последние без Великобритании и в противопоставлении к ней. После принятия Вестминстерского статута (1931) в употребление вошел другой термин — *Commonwealth* («Содружество»).

Единственный из основных европейских языков, где латинское слово *imperium* не прижилось и используется свое, исконное, — немецкий. Слово *Reich*, однокоренное с прилагательным *reich* («богатый»), восходит к готскому *reiks* («властитель/могущественный»); оно имеет параллели в кельтском языке (корень *rig*), в латыни (*rex* — «царь», его дериваты в современных романских языках означают «король»), а также в древнеиндийском («раджа»). Не будучи связано в своем развитии «имперской» этимологией, немецкое *Reich*

вполне могло относиться к разным видам правления (в том числе и к областям — частям империи, таким, как Швабия, Бавария и пр.); если значению *imperium* предстояло расширяться, дабы вобрать в себя дополнительный слой смыслов, то значение слова *Reich*, чтобы относиться к конкретному типу монархической государственности, напротив, должно было сузиться. *Reich* может означать государство, территорию, совокупность жителей; в гриммовском словаре значение, относящееся к империи Карла Великого и, еще точнее, к ее германской части, стоит довольно далеко от начала; кроме того, слово распространено в религиозной и в научно-философской сфере там, где мы употребляем слова «царство» или «область»: Царствие Божие, три царства природы (растения, животные и минералы), царство мечты, область науки, область познания...

В России слово «империя» вошло в употребление довольно поздно. Оно встречается у князя Андрея Курбского в его «Истории о великом князе Московском» (вторая половина XVI века, написана уже в Польше), где упоминается «империя Святорусская» (в подражание Священной Римской?). Первым из владык Московии, заявившим свои притязания на императорский титул, был Лжедмитрий I. Для Петра I принятие этого титула (признанного Европой далеко не сразу) означало

не только повышение статуса (при желании слово «царь» можно интерпретировать и как «император»), но и определенную «романизацию» государства: ведь наряду с императором в России появляется Сенат, а в Боевом уставе русской армии ей в пример приведены легионы Цезаря.

Россия еще не сумела разрушить традиционное представление о единой империи (в конце концов, притязания русских были византийского происхождения). Это сделал Наполеон, первым создавший империю *национальную* и поставивший тем самым точку в истории Старой Европы. Дело было подхвачено и продолжено (в плане внешней экспансии) немцами: 18 января 1871 года в Версале прошла церемония коронации прусского короля германским кайзером, а Северо-Германский союз (вместе со вступившими в него южногерманскими государствами) был провозглашен Германской империей (*Deutsches Reich*). Рейх оказался более живучим, чем обе «имперские» попытки во Франции; он завершил свое существование после военной катастрофы в 1918-м ([по нацистской классификации] это был второй рейх). Но идея национальной империи перечеркивает идею империи в ее римском понимании, когда «империя римского народа» отнюдь не подавляла местные культуры. Теперь нам остается наблюдать, к чему приведут попытки построить очередной Рим.

Сдержанный подход к строительству наций

Амитаи Этциони

Национальное строительство, которое осуществляют иностранные державы, редко доводится до конца и обычно не только влечет за собой значительные расходы в экономической и политической сфере, но и стоит многих человеческих жизней. Вот почему иностранным державам следовало бы попридержать свои амбиции и обещания. Чем ответственнее эти державы отнесутся к вопросу о том, какие ресурсы они могут и хотят выделить для умеренного вмешательства во внутреннюю жизнь другой страны, тем больше пользы они извлекут для себя и для нации, которой стремятся помочь.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ НА ТРЕХ НОГАХ

Нам нужно сразу определиться с тем, что мы подразумеваем под термином «национальное строительство». Обычно он используется для обозначения трех взаимосвязанных, но различных задач: объединение несовместимых этнических групп, демократизация и экономическое восстановление.

Изначально национальное строительство часто отождествлялось с объединением разнородных этнических групп внутри государства, то

Амитаи Этциони — профессор социологии университета им. Джорджа Вашингтона, один из самых знаменитых социальных и политических мыслителей современной Америки, автор концепции коммунитарного общества. Почетный профессор многих американских и иностранных университетов, в прошлом — советник президента США по политическим проблемам. Автор множества книг, в том числе *From Empire to Community: A New Approach to International Relations* (От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям) (New York: Palgrave Macmillan, 2004). Данная статья была опубликована в журнале *International Affairs*, № 1 за 2004 год.

есть со строительством сообщества. Как отмечает Пол Колсто, изучая опыт постсоветского пространства, «важной целью национального строительства была спайка разрозненных элементов населения в гармоничное целое путем создания новых образований на национальном (= государственном) уровне за счет преодоления местничества и разобщенности». Формирование национального самосознания рассматривалось как важный этап на пути созидания государства.

Национальное строительство означает «формирование и утверждение самого нового государства в качестве политического образования, а также процессы, способствующие достижению жизнеспособного единства, развитие у людей способности к адаптации и свершениям, чувства национальной принадлежности» — писали еще в 1974 году Уэнделл Белли и Уолтер Фримен.

Существует и иной взгляд на национальное строительство: упор делается на совершенствование управления. Создание эффективной модели управления означает установление власти закона и демократии, борьбу с коррупцией и обеспечение свободы прессы. Исторически национальное строительство рассматривалось как «стремление сформировать предпочтительно стабильное правительство, и не суть важно демократическое оно или нет» (Карин фон Хиппель). Сегодня же национальное строительство часто «означает попытку создания демократических и стабильных государств». Этот демократический императив особо подчеркивался при президентах Рональде Рейгане и Билле Клинтоне, добивавшихся «распространения» демократии во всем мире.

Но есть и третья точка зрения: важной частью процесса национального строительства являются экономические преобразования. Ведь по мере совершенствования экономики получает развитие более стабильное и эффективное государство. Кроме того, экономическое благополучие ассоциируется с демократизацией. Лучше не ставить знака равенства между восстановлением экономики и экономическим развитием, как это делают многие. Восстановление бывает необходимо в тех случаях, когда успешно функционирующая экономика подверглась разрушению в результате какой-то катастрофы — войны или гражданских конфликтов — и ей надо помочь стать на ноги.

В частности, подобный подход к национальному строительству применялся сразу после Второй мировой войны при восстановлении Японии и Германии. Что же касается словосочетания «экономическое развитие», то оно оптимально применимо к строительству современ-

ной экономики там, где ее прежде не было; на самом деле, это еще более грандиозная задача. Независимо от того, используется ли термин «национальное строительство» только в одном или нескольких значениях, следует учитывать, что речь идет о строительстве нации, а не государства. В широком смысле под нацией подразумевается некое сообщество, принимающее на себя функции государства. А это далеко не то же самое, что имеется в виду под образованием государства, что возможно, например, путем предоставления независимости бывшей колонии. В данном случае, помимо прочего, нужно создать некую общность там, где ее раньше не существовало, либо укрепить ее там, где она не сложилась должным образом или оказалась разрушена в результате войны или внутренних раздоров.

Государство может существовать и в случае отсутствия лояльности со стороны граждан, которые все равно окажут ему политическую поддержку в случае, если оно вступит в конфликт с теми или иными его компонентами — отдельными племенами или этническими группами. Подобное распределение политических пристрастий необходимо для того, чтобы нация не распалась и избежала глубокого раскола или гражданской войны, не полагаясь при этом исключительно на силу.

Преданность общественному благу — важная черта, ибо для успешного принятия коллективных решений часто требуется, чтобы некоторые участники процесса шли на жертвы ради блага сообщества (например, чтобы защитить окружающую среду для будущих поколений). Если такое самопожертвование не опирается на общие ценности и прочные узы — главные составляющие сообщества, то жертвы не будут считаться легитимными, а значит, должны будут либо приноситься по принуждению, либо вообще окажутся бесполезными. (Такая точка зрения вступает в противоречие с иным представлением, согласно которому государство — это место примирения различных групповых интересов, составления договоров, соглашений и осуществления взаимобмена. В данном случае не требуется ни наличия общих взглядов, ни лояльности, так как цементирующей основой является групповой эгоизм).

ИЗМЕНЕНИЯ ПО ПЛАНУ ПРОТИВОЕСТЕСТВЕННЫ

При реализации на практике любого из элементов национального строительства, не говоря уже о решении всех трех задач сразу, внешним силам в большинстве случаев будет крайне трудно добиться-

ся существенного прогресса. В лучшем случае им потребуются длительное время и значительные материальные ресурсы. Более того, настойчивость в осуществлении национального строительства может оказаться контрпродуктивной.

Как показывают наблюдения, заранее спланированные, целенаправленные социальные изменения, сколь бы важными они ни были, труднодостижимы. В нашей дискуссии (как и во многих других) необходимо различать планируемые и продуманные общественные изменения (которые иногда связывают с социальной инженерией) и естественным образом протекающие социальные перемены. Первые осуществляются политиками и общественными деятелями (например, «войны» с наркотиками, бедностью или раковыми заболеваниями); вторые же происходят сами по себе, в силу определенной логики развития. (Точно так же различны между собой не требующее человеческих усилий естественное изменение русла реки и дорогостоящее строительство искусственных каналов и плотин с целью изменить направление ее течения.) В отличие от инженерно-технической деятельности социальная инженерия — это искусство с весьма ограниченными возможностями: пытаюсь изменить то, что создано человеческой и социальной природой, она наталкивается на серьезные препятствия. В этом смысле социальная инженерия противоестественна. Она, кроме того, связана с многочисленными нравственными проблемами, что тоже существенно сужает ее возможности.

По большому счету летопись наиболее значительных заранее спланированных усилий, предпринимавшихся органами государственной власти с целью существенного изменения общества, — это список неудач или нереализованных возможностей. Все плановые общества, включая такие крупные государства, как СССР и Китай, не только не сумели добиться поставленных целей (упразднить расслоение общества, религию, семью и государство), но и сохранить свои командно-административные системы. Даже намерения социальных демократий перераспределить богатства в значительной степени не были реализованы: например, попытка построить «Великое общество» (*Great Society*) в Соединенных Штатах (при Линдоне Джонсоне. — Ред.) остается неосуществленной. Во всех этих обществах произошли крупные изменения, но не вследствие государственной политики. Зачастую они являлись отражением деятельности общественных движений, которые возникали стихийно (в том смысле, что не были инициированы государством или даже частными корпорациями и не на-

ходились под их контролем). Общественные движения сами и осуществляли перемены, и толкали правительство к преобразованиям.

Большинство наций создавались скорее наперекор внешним силам, чем благодаря им. Но если это им все же удавалось, то государства рождались в крови, купались в ней и редко достигали того уровня зрелости, чтобы стать нацией в общепринятом смысле этого слова.

Подобные усилия еще более затруднены в нашу эпоху, для которой характерны массовая политизированность и преувеличенный антагонизм по отношению к иностранным державам. СССР и США имели возможность убедиться в этом на собственном горьком опыте в Афганистане. Соединенные Штаты обнаружили это и в Ираке, и это далеко не единственный пример.

ОГРАНИЧЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

Опыт экспорта демократии тоже вряд ли можно назвать положительным. Исследование, проведенное Фондом Карнеги за международный мир, выявило, что устойчивое демократическое правление образовалось только в пяти из 18 случаев насильственной смены режима, к которым были причастны американские войска. Успех был достигнут в Германии, Японии и Италии, где имелись соответствующие условия и опыт демократического устройства, отсутствующие у иных стран; две другие страны — это Гренада и Панама, которые хотя и считаются прошедшими процесс демократизации, но еще должны заслужить титул демократий.

Здесь стоит обсудить неоднозначное применение термина «демократия». Сенатор Даниэл Патрик Мойнихен употребил фразу «приукрашивание аномалий», говоря о практике называть легитимным и легальным поведение, которое всегда рассматривалось как ненормальное или противозаконное. Одно из побочных следствий этой практики состоит в том, что государственные власти могут представить в значительно более выгодном свете свои достижения, не предпринимая при этом дополнительных мер или усилий. Так, показатели преступности могут улучшиться, если целые категории преступлений перестают считаться таковыми. Та же тенденция к снижению планки наблюдается и в отношении «демократий». При столкновении с огромными трудностями в ходе попыток экспортировать или даже построить доморощенные демократии многие государственные деятели, ссылаясь на разные обстоятельства, продолжают составлять победные религии о триум-

фальном шествии демократии по всему миру. Они утверждают, что процесс демократизации успешно завершился в десятках государств, где на самом деле проявились в лучшем случае лишь некоторые черты демократического устройства. Для подобного трюкачества с демократизацией в первую очередь используются выборы, которые приводят к возникновению схемы «один человек — один голос — один срок» (так ее в числе прочих характеризует Макс Бут, старший аналитик Совета по международным отношениям). Придавая чрезмерное значение проведению выборов, политики игнорируют тот факт, что практически все тираны регулярно устраивают выборы. Достаточно вспомнить, что выборы постоянно проводились в СССР, Сирии и саддамовском Ираке, чтобы понять, что демократизация значит нечто несравненно большее, чем установка избирательных урн.

Некоторые ученые настаивают в духе школы региональных исследований на том, что каждый случай уникален и, лишь погрузившись в историю и культуру конкретной, отдельно взятой страны, можно понять, что делать. Я же на стороне тех, кто, напротив, верит в возможность разработки общей теории демократии. При таком подходе к данному вопросу полезно составить перечень факторов, сопутствующих установлению демократии. Этот список было бы целесообразно разделить на два: *способствующие* факторы и *составляющие* факторы. В первом содержится перечень условий, которые либо облегчают, либо затрудняют формирование демократии (их также можно назвать демократической инфраструктурой). Эти факторы в совокупности — или даже по отдельности — не являются «предпосылками», потому что им можно было бы подыскать замену; однако их наличие повышает вероятность того, что в данном месте будет создана устойчивая демократия. Во втором списке указан необходимый строительный материал демократического общества. Имея на руках оба списка, можно составить мнение, насколько страна готова к демократическим переменам и чего именно ей недостает.

Способствующие факторы:

- закон и порядок, умиротворение;
- грамотность, высокий уровень общего образования, гражданское образование;
- экономическое развитие, отделение экономической власти от политической, выравнивание экономических различий;
- наличие значительного по размерам, развитого среднего класса;

- власть закона, независимое правосудие, уважение к правоохранительным органам;
- гражданское общество, добровольные союзы, ассоциации, объединения..

Составляющие факторы:

- политические лидеры и партии, способные беспрепятственно конкурировать в борьбе за поддержку и голоса;
- определение критериев пригодности для государственной службы;
- гарантии свободных и справедливых выборов;
- выработка норм конституции и процесс, обеспечивающий разделение и размежевание властей как необходимую систему сдержек и противовесов между исполнительной, законодательной и судебной системами власти;
- низкий уровень коррупции (высокий уровень прозрачности);
- защита прав меньшинств;
- свобода союзов, ассоциаций, объединений;
- свобода самовыражения;
- свобода прессы;
- определение конкретных прав, которые люди имеют в отношении правительства.

Оба списка взаимно дополняют и поддерживают друг друга и, что самое главное, показывают, как трудно сформировать демократию при отсутствии многих необходимых факторов.

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ «ВОССТАНОВЛЕНИЕ»:
КАМЕННЫЙ ВЕК?**

Возможно, экономическое восстановление — если имеется в виду действительно восстановление, а не развитие экономики с нуля — является самой легкой из трех поставленных задач (хотя процесс, конечно, не из простых). Если та или иная страна была индустриальной державой со сравнительно развитой экономикой, имела законы, охранявшие частную собственность, крепкую банковскую систему, обученный персонал и т. д. и если она подверглась разрушению в результате войны или по каким-то иным причинам, то все это сравнительно легко восстановить.

Подобно факторам демократии, экономические факторы развития взаимно дополняют друг друга, и уделять слишком большое внимание одному из них, пренебрегая другими, весьма опасно.

Элементы экономического восстановления:

- быстрая транспортировка ресурсов и товаров;
- эффективная передача знания и сообщений;
- надежные источники энергии;
- хорошо подготовленный и доступный человеческий капитал (мобилизация и подготовка рабочей силы);
- высокий инновационный потенциал;
- наличие поддерживающих правовых и финансовых институтов;
- накопление капитала и средств производства.

При внимательном рассмотрении успешного опыта по восстановлению хозяйства послевоенных Германии и Японии выявилось бы, что в этих странах присутствовали многие необходимые элементы. Хотя экономики обеих стран были серьезно подорваны, их можно было сравнительно быстро восстановить и запустить заново. Но если применить тот же список к такой стране, как Афганистан, то сразу становится очевидно, что там экономическое восстановление невозможно: большинство необходимых элементов отсутствуют или находятся в зачаточном состоянии. Более того, их массовый импорт — дело непрактичное. Даже тогда, когда крупномасштабное восстановление экономики, увенчавшееся успехом, проводилось в исключительных условиях, в него было вложено намного больше средств и времени, чем обычно тратится в настоящее время.

В наши дни многие полагают, что, приведя США в действие план Маршалла в многочисленных слаборазвитых странах, — и последние стали бы быстро развиваться и демократизироваться. Однако эта теория, повторяемая на все лады, как мантра, не имеет ничего общего с действительностью.

КУЛЬТУРА И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ

Существует набор социологических факторов, которые могут помочь или, наоборот, серьезно препятствовать объединению (включая умиротворение), демократизации и экономическому восстановлению, то есть решению всех трех задач национального строительства.

Некоторые культуры в значительной мере не способствуют политическому и экономическому развитию, при этом сами не поддаются каким-либо изменениям. Я не поддерживаю тех, кто считает, будто арабы в силу самой своей природы или особенностей генотипа *не способны* построить у себя либеральную демократию. Просто,

учитывая их культуру (точнее было бы сказать, культуры), им потребуется на переход к демократии гораздо больше времени и усилий, чем другим народам. На каком-то этапе одни не верили в демократизацию Японии, а другие утверждали, будто католицизм несовместим с либерально-демократическими преобразованиями. Но все эти изменения требовали времени и усилий. В конце концов, британцы и американцы построили у себя демократии не в одночасье и не под патронатом какой-либо иностранной державы. А в арабских странах условия еще меньше благоприятствуют развитию демократии, чем в других мусульманских государствах.

Один из столпов социологии Макс Вебер показал, что существуют культуры, которые менее иных тяготеют к капитализму и невосприимчивы к модернизации в целом. В частности, к таковым относятся католики, мусульмане и последователи Конфуция, чего нельзя сказать о протестантах. В данном контексте под «культурой» понимаются не искусство, музыка или памятники материальной культуры, а социальные и нравственные ценности. Речь идет о личных склонностях, в особенности о стремлении усердно трудиться и наживать капитал, чертах совершенно необходимых при построении современной экономики. То, что Вебер связывал с экономическим развитием, можно также отнести и к другим элементам национального строительства.

Как человек, выросший на Ближнем Востоке, я считаю, что самой важной ценностью и чертой характера является сдержанность. Именно это качество позволяет человеку трудиться не покладая рук, а не слоняться без дела; больше экономить, чем тратить; жить по правилам, а не по собственным прихотям; не применять насилие к тем, кто не похож на тебя, уметь договариваться и улаживать все разногласия. Сдержанность не является врожденной чертой характера. Она воспитывается в людях и варьирует в зависимости от культуры, к которой они принадлежат: в некоторых странах, например в Великобритании и Японии, успешней, чем в других. Конечно, нельзя гарантировать, что нация, привыкшая к сдержанности, станет единой, демократической или развитой. Но это качество — важный субъективный фактор, который подчас недооценивается теми, кто верит или хочет верить в эффективность небрежно и наспех осуществленного национального строительства.

Значимость культурных особенностей признается всеми. Тем не менее слишком часто приходится сталкиваться с мнением о том, что культуру можно быстро наполнить новым содержанием, воздействуя

на нее с помощью средств массовой информации – радиостанции *The Voice of America*, нового журнала *NI*, издаваемого Государственным департаментом, и др. В этом состоит сущность «подхода Мэдисон-авеню» (улица в Нью-Йорке, центр американской рекламной индустрии. – **Ред.**): менять установки, ценности и привычки людей, посылая им различные «сигналы», наращивая усилия в сфере образования и подготовки руководства и поощряя культурный обмен. (Примером такого подхода, который был бы весьма забавным, если б не грустные последствия, может служить деятельность Шарлотты Бирс. В должности руководителя службы общественной дипломатии при Государственном департаменте она разрабатывала рекламные ролики, веб-сайты и программы, разъясняющие американскую политику и образ жизни. Преследовалась цель «наладить контакт между миллиардом живущих во всем мире мусульман и Соединенными Штатами таким же способом, каким “Макдоналдс” поддерживает связь с миллиардом своих клиентов». Роберт Садофф из Вашингтонского института ближневосточной политики считает, что «результаты были ужасающими». И тем не менее некоторые утверждают, что Бирс просто была недостаточно последовательна и что «массированная бомбардировка арабских и мусульманских стран видеороликами с Бритни Спирс и юмористическими программами на арабском языке завоюет для Вашингтона сердца миллионов мусульман».)

«Подход Мэдисон-авеню» срабатывает лишь в одном случае: когда тратятся очень большие деньги на то, чтобы переключать внимание людей с одного продукта на другой, мало чем отличающийся от первого (например, это могут быть два вида зубной пасты). Но если данные методы применяются для изменения отношения к таким разным вопросам, как, например, использование презервативов и деятельность Организации Объединенных Наций, то они оказываются гораздо менее успешными. Менять культуру в тысячу раз сложнее.

ГЕРМАНИЯ И ЯПОНИЯ: ИСКЛЮЧЕНИЯ, ПОДТВЕРЖДАЮЩИЕ ПРАВИЛО

Успешное восстановление и демократизация Германии и Японии после Второй мировой войны стали возможными благодаря уникальным условиям, которые вряд ли могут быть воспроизведены где-либо еще. Прежде всего обе страны потерпели поражение в войне, а затем были оккупированы. Оккупация продолжалась намного дольше, чем принято полагать: в Японии она длилась почти семь

лет, а в Германии — четыре, но там полный контроль над торговлей и внешней политикой, промышленным производством и обеспечением военной безопасности был передан самим немцам только в 1955 году, через 10 лет после начала оккупации.

Обе оккупации обошлись тоже гораздо дороже, чем принято считать. Многие способствующие факторы работали значительно более эффективно, чем в других странах, избранных иностранными державами в качестве полигона для национального строительства. Ни в Японии, ни в Германии не существовало опасности гражданской войны между этническими группами, как, например, в Афганистане и Ираке. Не требовалось никаких усилий для внутринационального примирения или объединения. Напротив, именно прочное национальное единство в первую очередь обусловило относительную легкость перемен. Среди других благоприятных факторов можно отметить высокий уровень образованности населения, высокий доход на душу населения, значительный средний класс, профессиональную компетентность государственных чиновников и низкий уровень коррупции. Другие (Роберт Пэкенхэм) указывают также на «техническую и финансовую грамотность, сравнительно высокую степень институционализации политических партий, наличие опытных и проницательных политиков, достаточную образованность населения и развитое чувство национального самосознания». И что самое главное, в этих странах была сильно развита культура сдержанности.

Политическая конъюнктура также была сравнительно благоприятной в обеих странах. И Германия, и Япония потерпели полное поражение во Второй мировой войне, и их лидеры лишились власти. Кроме того, Соединенные Штаты преследовали в этих странах интересы, связанные с обеспечением безопасности, прежде всего в связи с необходимостью противостоять наступлению коммунизма.

СДЕРЖАННЫЙ ПОДХОД

Что касается национального строительства, осуществляемого внешними силами, требуется сдержанный подход. Одна из его составляющих заключается в существенном сокращении масштаба планируемых изменений. Как сказал Роберт Каплан, «нам не следует пытаться исправить все общество; скорее нам нужно сосредоточиться на нескольких ключевых элементах этого общества и улучшить их». Отсюда первый критерий сдержанной политики — это пределы амбиций. Чем уже цель, тем конкретнее задача, тем

большая вероятность того, что ожидания оправдаются, а прилагаемые усилия увенчаются успехом.

Во-вторых, сдержанный подход предполагает, что с самого начала работа должна вестись с теми, кто остается у власти (когда старый режим рушится или обезглавлен). Нельзя начинать с их насильственного низложения. Такой подход прямо противоположен сверхамбициозному, в основе которого лежит убеждение, что необходимо избавиться от полевых командиров, вождей местных племен, этнических лидеров и религиозных властей и заменить их национальными лидерами, зачастую избираемыми и назначаемыми внешними силами, а также «нейтральными» профессионалами и государственными служащими. Именно это являлось одной из главных целей американской оккупации Ирака в 2003 году.

Другими словами, сверхамбициозная социальная инженерия направлена на вытеснение господствующих общественных сил, давно сложившихся общественных структур и традиций и создание новых. Ее тщетные усилия направлены на то, чтобы быстро избавиться от глубоко укоренившихся культурных и психологических установок нации, разрушить прочные эмоциональные связи, а зачастую и религиозные убеждения, упразднить мощные материальные стимулы, исходящие от полевых командиров или вождей племен и так же быстро заменить их новыми, чуждыми данному обществу. При сдержанном подходе внешние силы имеют дело с теми, кто находится у власти. Именно эта тактика принесла успех в Германии, где многие нацистские чиновники поначалу были оставлены на своих местах, потому что госслужащих для управления страной не хватало. (В Ираке же США, напротив, попытались отстранить от управления всех функционеров партии Баас, как высокопоставленных, так и рядовых, вплоть до постовых полицейских.)

Следующим шагом неизбежно становится заключение сделок и договоренностей с различными полевыми командирами, вождями этнических групп и муллами. Их поддержка необходима при реализации некоторых новых общенациональных проектов, таких, как строительство магистральной шоссейной дороги или формирование первых подразделений национальной армии. Постепенно, зачастую очень медленно — по мере роста торгового сословия, среднего класса и числа профессионалов, а также с расширением компетенции национальных учреждений, распределяющих доходы и вознаграждения, — будут расти и укрепляться общественные силы, поддержива-

ющие национальное строительство, а власть полевых командиров и их кланов будет ослабевать.

Кроме того, чем больше самостоятельности внешние силы предоставляют местному населению в решении его собственных проблем, тем бóльшая вероятность того, что новый режим разовьется и пустит корни (даже если принимаемые решения не будут точно вписываться в привычные схемы и не станут во всем соответствовать тому, что было предусмотрено генеральным планом). Лучшее, что могут сделать иностранные державы, — это ограничиться общими рекомендациями и советами, какие шаги стоит или не стоит предпринять, а также создать все условия для естественного развития обстановки.

Соединенные Штаты давно усвоили простую истину: если хочешь победить в войне с местными партизанами, нужно завоевать поддержку гражданского населения («осушить болото», в котором плодятся партизаны). У этой политики, которую в Латинской Америке иногда называют *Acción Cívica* (гражданское действие), есть неоспоримые достоинства, однако ее возможности могут быть преувеличены. Например, иракцы — большие патриоты. В их памяти надолго сохранились горькие воспоминания об иностранных оккупациях. Великобритания потеряла в этой стране десятки тысяч своих подданных, когда взяла на себя управление Ираком после краха Османской империи. Эпизодическое оказание помощи и услуг, даже стремление изъясняться на арабском языке и получить представление о местной культуре, как это пытаются делать служащие сил специального назначения, не заставят иракцев принять правительство, подчиняющееся иностранной державе. Более того, масштабы социальной инженерии в Ираке и других странах ясно показывают, что ее цель — осуществить национальное строительство, а не добиться расположения местных жителей. Следовательно, хотя сама по себе сдержанная политика не исключает усилий по завоеванию благосклонности местного населения, не стоит верить в то, что с их помощью можно привлечь на свою сторону широкие слои населения. Это — нереалистичный подход, и его нельзя использовать для оправдания сверхамбициозных планов по социетальным преобразованиям.

Сдержанный подход предполагает правильную расстановку приоритетов: основное внимание следует уделить умиротворению (чтобы избежать межэтнических вооруженных конфликтов) и обеспечению безопасности, пресечению поддержки таким группам, как «Аль-Каида», и, конечно же, предотвращению производства и приобретения оружия

массового уничтожения. Следующий приоритет — подготовка кадров местной полиции: это должны быть крепкие профессионалы, не коррумпированные и не занимающиеся политикой (здесь целесообразно ориентироваться скорее на стандарты Иордании или даже Нью-Йорка пятидесятилетней давности, чем на современные лондонские). Все остальное происходит постепенно, в соответствии с потребностью и стратегиями, разрабатываемыми вкупе с местными лидерами, сменяющими друг друга.

Что означал бы подобного рода подход для Ирака? К примеру, в случае установления на юге страны религиозного режима выступившей против него части иракского населения пришлось бы самостоятельно бороться с ним (так же, как большинство иранцев сегодня противостоят религиозному режиму в своей стране). Если бы члены партии Баас на первых порах руководили гражданскими службами (без ущерба для безопасности страны), то сместить их должны были бы сами иракцы по собственной инициативе. Постепенно — по мере восстановления деловой жизни, возвращения на родину тысяч живущих на Западе иракцев, исчезновения страха перед переведенной в резерв тайной саддамовской полицией — возросла бы потребность в разнообразных мерах по развитию страны. Но осуществление этих мер было бы возложено преимущественно на иракцев, и именно иракцы несли бы ответственность за результаты своей деятельности.

В первые годы Ирак, возможно, представлял бы собой нечто среднее между Египтом и Ливаном или Иорданией. Но для всех заинтересованных сторон это было бы гораздо лучше по сравнению с последствиями оккупации Соединенными Штатами Вьетнама, Сомали, Гаити и Афганистана. Меньше, да лучше. Странники национального строительства извлекли бы большую пользу для себя, вслушайся они в слова молитвы, принятой в Обществе анонимных алкоголиков: «Боже, дай мне силы спокойно взирать на то, что я не могу изменить; дай мне мужество изменить то, что в моих силах, и мудрость, чтобы понять разницу между тем и другим». Умерят иностранные державы свои амбиции, перестанут раздавать обещания — и тогда возрастет кредит доверия к ним и их союзникам, а налогоплательщики и спонсоры, оплачивающие счета, окажут им более существенную поддержку. В результате они смогут добиться более внушительных успехов, поскольку сосредоточат усилия на выполнении немногочисленных, сравнительно простых задач, вместо того чтобы разом — и практически безрезультатно — решать множество проблем.

Политика умиротворения и вооруженные силы

Эрнест Пастернак

Целый ряд стран мира, в первую очередь Соединенные Штаты, а также Великобритания, Франция и Южно-Африканская Республика, приобрели уникальный опыт борьбы с вооруженными формированиями и по нормализации политической обстановки в местах проведения крупномасштабных военных операций. Их наработки в области реализации политики умиротворения имеют универсальную ценность. Особенно актуальны они для России, поскольку урегулирование чеченского кризиса является одной из наиболее приоритетных задач нашей страны.

Конфликты, подобные чеченскому, в США принято относить к «конфликтам низкой интенсивности» (КНИ, *Lower-intensity conflicts*), то есть таким формам вооруженного противостояния, которые по уровню своей интенсивности уступают войне (1 000 смертей в год). Данное понятие получило распространение среди американских специалистов в конце 1970-х годов, а в 1980-х было издано Наставление армии США «Конфликты низкой интенсивности» (*The U.S. Army's training manual FC 100-20*).

Согласно детально разработанной Пентагоном доктрине применения вооруженных сил в конфликтах низкой интенсивности, основными функциями армии США в таких случаях прежде всего являются: обеспечение внутренней обороны иностранного государства, борьба с терроризмом, проведение миротворческих операций, проведение чрезвычайных операций невоенного характера.

Э.П. Пастернак — к. и. н., консультант Российского института стратегических исследований.

ВНУТРЕННЯЯ ОБОРОНА И ГРАЖДАНСКИЕ ОПЕРАЦИИ ВС

«Внутренняя оборона, — разъясняется в наставлении армии США "Конфликты низкой интенсивности", — включает в себя все меры, осуществляемые правительством для защиты общества от подрывных действий, беззакония и активности повстанцев. Цель их реализации — создать атмосферу внутренней безопасности и относительного мира». По сути, перед армией США ставится задача стабилизировать внутривластную обстановку в странах Третьего мира,

Христиан Де Вет — выдающийся бурский полководец, виртуоз партизанской войны, прославившийся во время конфликта с англичанами (1899–1902)

в отношении которых США предпринимают ограниченные вооруженные акции. В военно-теоретическом плане концепция внутренней обороны представляет собой усовершенствованный вариант методик подавления крупномасштабных антиправительственных выступлений с использованием насилия. Она подразумевает реализацию военных и гражданских программ по противодействию антиправительственным вооруженным формированиям, а также по работе с местным населением.

Основным элементом внутренней обороны являются мероприятия, чаще всего упоминаемые в нормативных документах Министерства обороны США под названием «гражданские операции вооруженных сил» (*military civic action*). Речь идет о «необходимости привлечения преимущественно местных вооруженных сил к участию в проектах, затрагивающих интересы всех слоев насе-

ления в таких областях, как образование, профессиональное обучение, общественные работы, сельское хозяйство, транспорт, связь, здравоохранение, санитария, и других видах деятельности, способствующих экономическому и социальному развитию, а также улучшению взаимоотношений населения и вооруженных сил». Предоставление консультаций местным лидерам по вопросам управления, контроль за перемещением населения, действия по его изоляции от

повстанцев и прекращение доступа последних к различным ресурсам, меры по обучению и оснащению местного населения в целях самообороны — все это является гражданскими операциями. Но главное — это меры, которые помогут правительству получить поддержку населения в противостоянии повстанцам, а именно: реализация программ, направленных на повышение уровня жизни и информированности общества, и проведение «психологических операций». То есть армия, полиция и спецслужбы добиваются восстановления такого уровня безопасности в стране, который позволяет приступить к выполнению заранее объявленных экономических, политических и социальных программ, в успехе которых объективно заинтересовано все население.

Эксперты ООН, так же как и военные специалисты США, полагающие, что основным объектом воздействия в КНИ является народ, рекомендуют прикомандировывать к воинским контингентам, осуществляющим акции умиротворения, гражданских специалистов: психологов, этнографов, юристов и пр. Выбор специалистов зависит от конкретной ситуации. Еще в ходе силовой акции такие специалисты могли бы готовить предложения по наиболее эффективным путям стабилизации обстановки в постконфликтный период.

Проведение гражданских операций является обязанностью командиров армии США всех степеней. Это весьма непростая задача, поскольку она связана с системой «военные — гражданские власти территории — местное население» и ее приоритеты меняются в зависимости от эволюции повстанческого движения.

Так, когда условия, благоприятные для появления группировок, делающих ставку на насилие, только формируются, наиболее важно своевременно реализовать комплекс социально-экономических мероприятий, которые позволят предотвратить выход повстанческой активности из скрытой фазы. Тогда появится возможность не отвле-

Афганский полевой командир
Гулбеддин Хекматиар воевал против
СССР, а теперь воюет против США

кать на борьбу с мятежниками военные ресурсы и задействовать их на приоритетном направлении — в работе над гражданскими проектами. Иными словами, задачей правительства является перехватить инициативу у повстанцев и приступить к проведению в стране (на территории) преобразований, необходимых простым людям. Не допустить отчуждения народа страны от ее правительства — это главное условие успешной контрпартизанской борьбы, считают американские специалисты по конфликтам низкой интенсивности.

Когда же партизаны переходят к открытой борьбе, гражданские операции должны быть направлены прежде всего на достижение двуединой стратегической цели — защиту безопасности населения и завершение военной фазы таким образом, чтобы исключить в будущем вооруженное противостояние между правительством и повстанцами. В условиях активных боевых действий обычный объем гражданских операций военных существенно сокращается, но сохраняется их обязательный минимум, предусматривающий оказание медицинской помощи больным и раненым гражданским лицам, распределение продуктов питания и одежды, предоставление убежищ для беженцев, оказавшихся в опасных зонах. К участию в гражданских операциях следует активно привлекать церковь, деловые круги и частных лиц, поскольку это создает определенные предпосылки для формирования общественного консенсуса. Весьма важно, чтобы была обеспечена возможность завуалировать (тогда, когда это необходимо) тот факт, что финансирование социальных мероприятий в рамках гражданских операций военных осуществляется в основном правительством.

ДЕМОНСТРАЦИЯ ДОБРОЙ ВОЛИ

Сравнительный анализ документов, разработанных в ЦРУ (методика дестабилизации внутривнутриполитической обстановки в стране) и Министерстве обороны США (рекомендации по проведению тайных операций в целях защиты проамериканских режимов в «дружественных странах»), показывает, что при реализации двух различных задач приоритетными объектами воздействия считаются гражданское население и структуры государственного механизма принуждения.

Американские военные специалисты, принимавшие участие в вооруженной акции США в Панаме, отмечают, что там, где это возможно, гражданские операции армии должны осуществляться в рамках долгосрочной программы умиротворения. Главная цель данной

программы на первых фазах развития конфликта — добиться, чтобы военные действия не приводили к возрастанию враждебности населения по отношению к правительству. Поэтому в зонах ведения боевых действий военные оказывают помощь местному населению до тех пор, пока это не будет по силам гражданским властям.

Такие акции, как ремонт разрушенных в ходе боевых действий домов, медицинская помощь, распределение продуктов и одежды, должны продемонстрировать добрую волю гражданских властей еще до их прибытия в конфликтную зону и подготовить лояльное отношение местного населения к предстоящим политическим преобразованиям. Так, в наставлении ЦРУ «Психологические операции в партизанской войне», в частности, указывается: «Для достижения цели (улучшение отношений вооруженных сил с местным населением) необходимо каждый раз, когда для этого предоставляется возможность, отождествлять себя с народом». В сельской местности, например, рекомендуется «работать бок о бок с местным населением, помогать ему в строительстве, в ловле рыбы, чинить крыши, доставлять воду в деревню и т. п.». А в специальном докладе американских экспертов «Реальная война: конфликт низкой интенсивности в Центральной Америке» откровенно говорится о том, что наиболее эффективный механизм воздействия на гражданское население в целях его контроля — это «использование поставок продовольствия, одежды и медицинских препаратов... под видом политически нейтральной гуманитарной помощи».

Гражданские операции в зонах партизанской активности требуют особого внимания и к целенаправленному использованию военных инженеров и медиков. В этой связи подразделения, задействованные в акции, должны иметь дополнительное оборудование и специалистов. На инженерные войска, к примеру, возлагаются задачи развития социально-экономической инфраструктуры, в том числе строительство дорог, возведение мостов и легких сооружений (рынки, школы), бурение скважин для обеспечения местного населения питьевой водой. Как рассказывал Фил Босси, начальник Объединенного центра армии и ВВС США по проблемам конфликтов низкой интенсивности, действовавшего в период с 1986 по 1996 годы, американские войска, размещенные в Гондурасе для поддержки никарагуанских «контрас», при проведении совместных маневров с вооруженными силами этой страны *Blazing Trails-87* пытались завоевать доверие местного населения, помогая ему в строи-

тельстве дорог, мостов и в сфере профессионального обучения. Здесь, а также в других странах Центральной Америки в больницы местных населенных пунктов направлялись бригады военных медиков для подготовки персонала.

РАБОТА С МЕСТНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ

Работа с населением — неотъемлемая и приоритетная часть стратегии стабилизации. Ликвидация сил сопротивления (повстанцев) военно-полицейскими методами повышает доверие к правительству, однако, чтобы предотвратить воспроизводство повстанцев, необходимо устранить условия, порождающие социальное недовольство, и соответственно тех, кто выражает его с оружием в руках. Именно поэтому так важна реальная помощь простым людям, но поскольку в чрезвычайной обстановке всегда не хватает средств на осуществление политических, экономических и социальных мер, то помощь оказывается в первую очередь старикам, детям, инвалидам, раненым, а также безусловно лояльным лицам.

Наиболее значительная проблема в работе с населением в период стабилизации — превращение отдельных граждан, семей и групп в общество людей, объединенных единой общегосударственной целью. Для этого по инициативе и при поддержке правительства создаются различные территориальные (в границах штата, провинции, зоны, города, района) организации и объединения, многие из которых служат каналами прямой связи между правительством и населением.

В восстановительный период невозможно полностью предотвратить насилие со стороны участников сопротивления. Тем не менее, согласно рекомендациям специалистов Пентагона, властям не следует реагировать на вылазки экстремистов крупномасштабной боевой операцией: эта тактика, как правило, контрпродуктивна. Уровень насилия, к которому прибегают власти, должен быть минимальным и зависеть от поставленной задачи: либо удерживать экстремистов в пределах определенной территории, либо ограничить их во времени. При этом власти должны сопровождать все свои операции пропагандистскими кампаниями, обеспечивающими им общественную поддержку. Опыт показал, что в подобных ситуациях особенно эффективны организации, созданные при негласной поддержке или прямом участии правительства и объединяющие людей, которые недовольны социально-политическим положением в стране, но стремятся изменить его ненасильственным путем.

Вместе с тем, чтобы держать население под контролем, в рамках гражданских операций осуществляется комплекс мер из арсенала полиции и иных правоохранительных органов, в частности:

– скрытое или демонстративное наблюдение за населением на территории проведения акции;

– контроль над передвижением людей, в том числе беженцев, и перемещением материальных средств, создание пропускных пунктов на дорогах, обеспечение соблюдения комендантского часа, проведение облав;

– организация выдачи местному населению временных документов;

– рacionamento потребления и контроль над ценами на продукты первой необходимости.

По мнению американских военных специалистов, обобщивших опыт участия США в конфликтах низкой интенсивности, из всех сил, профессионально предназначенных для противодействия экстремистам (спецслужбы, полиция, армия, полувоенные формирования), основной является полиция. Наибольший ущерб повстанцы наносили именно в тех государствах, где отмечалась слабая работа полиции, что, в свою очередь, обуславливалось, как правило, двумя факторами: неудовлетворительной профессиональной подготовкой и коррумпированностью личного состава.

Полиция ближе других органов принуждения находится к очагам недовольства и противоправной деятельности. При правильном подходе к работе полиции оказывается, что она гораздо лучше, чем военные, подготовлена, организована и экипирована для противодействия экстремистским формированиям на начальных фазах их активности. Таким образом, полиция обеспечивает превентивное устранение угроз. Кроме того, психология людей такова, что меры, ограничивающие их права, воспринимаются ими лучше, если принимаются местной полицией, а не боевыми частями армии.

Чтобы действия вооруженных сил США не рассматривались как произвол, информация о придании армейским подразделениям и правоохранительным органам дополнительных прав в чрезвычайной обстановке должна незамедлительно доводиться до сведения граждан. Необходимо, чтобы местное население знало: все меры, ограничивающие права человека, являются вынужденной реакцией на действия повстанцев и будут отменены с прекращением партизанских вылазок.

Анализ мирового опыта умиротворения заставляет обратить внимание на необходимость эффективно защитить граждан, выразивших готовность сотрудничать с законными властями. Именно эта категория населения становится первоочередным объектом актов террора и насилия со стороны антиправительственных объединений. Наиболее характерен в этом отношении пример никарагуанских «контрас», которые действовали в соответствии с разработанной американцами методологией дестабилизации внутривластной обстановки и построили свою стратегию на моральном и физическом терроре в отношении граждан, участвовавших в общественных программах, распределении помощи и создании сил самообороны. Объектами запугивания при этом стали как должностные лица, так и наиболее авторитетные у местных жителей граждане, например священники, поддерживавшие центральное правительство.

Еще более изощренная тактика применяется сегодня антиправительственными силами в Ираке. Почти ежедневно поступают сообщения о нападениях террористов на полицейские участки и правительственные учреждения. Не прекращаются захваты заложников, в том числе и иностранцев, работающих на гражданских объектах.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ

По мнению американских специалистов, важным условием достижения успеха в военных операциях на уровне КНИ является пропагандистская работа, квалифицируемая в американской военной терминологии как психологические операции. Они проводятся для воздействия на повстанцев, противоборствующие им контингенты вооруженных сил, нейтральные политические группировки, равно как и на внешние силы, поддерживающие повстанцев. Но их главным объектом становится гражданское население, и в первую очередь та его часть, которая к началу акции не определила свои политические предпочтения. К приоритетным объектам психологической обработки относятся врачи, учителя, священники, бизнесмены, юристы, землевладельцы, чиновники — словом, все, кто пользуется влиянием на местном уровне. Как указано в наставлении ЦРУ «Психологические операции в партизанской войне», партизанская война — это война политическая, основной целью которой является человек. Такой подход «превращает операции по психологическому воздействию в решающий фактор, предопределяющий исход партизанской войны».

В отличие от других пропагандистских мероприятий, проводимых различными службами США, психологические операции направлены на формирование позитивного отношения и привлечение внимания населения к программам, которые не просто планируются правительством или местными властями, а уже реализованы.

Психологические операции осуществляются в соответствии с заблаговременно подготовленным директивным планом, на основании которого военные и гражданские власти на местах разрабатывают свои проекты с учетом локальной специфики. Планы согласовываются с зональными координационными центрами.

Как правило, простейшая психологическая операция на уровне КНИ строится по определенной схеме. Сначала внимание населения привлекается к одной из проблем, наиболее успешно решенных благодаря какой-либо программе в рамках гражданских операций военных. Затем речь заходит о том, что активность повстанцев угрожает продолжению этой программы, и, особенно, о том, что конкретно в данной ситуации нуждается в защите. Психологические операции включают в себя расклеивание листовок и плакатов, передачу теле- и радиосообщений, устное распространение сведений. Последнее, по наблюдению американских военных специалистов, наиболее эффективно, и если те или иные сведения распространяются специально подготовленными людьми, которые одновременно фиксируют реакцию собеседников на услышанное, то это становится важным источником оперативной информации. В Центральной Америке наиболее успешными оказались психологические операции, которые предварялись тщательным изучением объектов воздействия, а именно анализом настроений отдельных групп людей.

Определенный практический интерес может представлять опыт психологической обработки молодежи в Сальвадоре, где психологические операции, проводившиеся местными силами безопасности и военными в соответствии с американскими рекомендациями, преследовали такие цели, как проведение под видом образовательных программ контрпропагандистских кампаний по дискредитации идеологической платформы прокоммунистических вооруженных формирований, создание «бригад патриотической молодежи» (по 90 человек в каждой) в расчете на их возможное использование в качестве полувоенных формирований, сбор оперативной информации при непосредственном контакте сил безопасности с большими группами молодых людей.

Нередко контрпартизанские акции с участием регулярных армейских подразделений проходят в городах. В этих случаях основное внимание при проведении психологических операций следует уделять людям и органам, которые формируют общественное мнение и способны помочь как в разъяснении целей военных, так и в обеспечении благо-приятного восприятия населением их действий. Одновременно на протяжении всей операции ведется индивидуальная работа с личным составом: каждый военнослужащий должен понимать, в чем состоит его роль в решении поставленной перед войсками задачи. «Успех военных операций, — говорится в армейском наставлении, — может зависеть от способности командиров предвидеть психологические и политические последствия действий, предпринимаемых их подразделениями».

ОСНОВЫ УМИРОТВОРЕНИЯ

Опыт, полученный Америкой в ходе войны во Вьетнаме и вооруженных акций в государствах Третьего мира, анализ истории колониальных войн, которые вели европейские страны, позволили американским специалистам свести воедино «руководящие принципы» проведения в странах и на территориях, где действуют организованные повстанческие движения, операций по умиротворению в рамках разрешения конфликтов низкой интенсивности. Эти принципы заключаются в следующем:

- при проведении крупномасштабных противоповстанческих операций основным объектом воздействия является население страны (территории);
- усилия спецслужб, полиции и вооруженных сил в равной мере направлены на противодействие повстанцам и работу с местным населением;
- ликвидация источников материально-технического снабжения повстанцев и устранение политических, экономических, социальных и иных условий, способствующих появлению и существованию экстремистских движений, являются более приоритетными задачами, чем уничтожение их боевых формирований;
- оказывая дружественному государству помощь в ликвидации повстанческого движения и направляя туда свои войска, Америке следует стремиться завоевать доверие местного населения, однако главная ее цель должна состоять в обеспечении поддержки этого шага со стороны общественности в самих Соединенных Штатах;

- насилие, если оно необходимо для противодействия повстанцам, должно во всех случаях быть ограничено минимальным уровнем и применяться специально подготовленными и высоко дисциплинированными подразделениями;

- система мер по противодействию силам сопротивления разрабатывается и доводится до сведения населения не как реакция на вылазки экстремистов, а в превентивном порядке; при этом речь может идти только о реально осуществимых мероприятиях;

- все территориальные программы развития в рамках гражданских операций вооруженных сил должны преследовать цель политического объединения народа страны;

- для постоянного информирования населения о запланированных программах развития и промежуточных результатах их реализации на соответствующей территории создается специальный орган;

- политика умиротворения подразумевает, что задачи по обеспечению государственной безопасности, социальному развитию, восстановлению политической стабильности и достижению экономического роста решаются на всех уровнях;

- программы развития планируются и реализуются таким образом, чтобы их эффективность возрастала с участием в них местного населения;

- правительство предоставляет общественности конкретные доказательства того, что тем, кто недоволен ситуацией в стране, выгоднее сотрудничать с властями, а не поддерживать силы сопротивления;

- в восстановительный период борьба с повстанцами имеет ограниченный характер: она не направлена ни на их полное уничтожение, ни на нанесение им максимальных потерь и предполагает прежде всего нейтрализацию или сдерживание повстанческой активности до уровня, исключающего возможность ее распространения по всей стране и не требующего привлечения крупных сил и средств.

Если в обычной войне поставленная стратегическая цель достигается прежде всего с помощью военного компонента мощи государства, то в конфликте низкой интенсивности военная сила применяется в ограниченных масштабах и призвана способствовать решению политических, экономических, пропагандистских и иных задач. Таким образом, традиционная функциональная роль воинских контингентов в КНИ, в частности в такой их разновидности, как противоповстанческие операции, с самого начала ориентирована на обеспечение лояльности местного населения и создание благоприятного

общественного климата. Поэтому рассматривать конфликты низкой интенсивности в качестве «уменьшенных копий больших войн», как это делали в США, ошибочно.

Наоборот, успех применения силы в конфликте низкой интенсивности зависит от осознания по меньшей мере двух его особенностей. Первая: подразделения, осуществляющие силовые акции против антиправительственных формирований, должны быть подготовлены для выполнения таких специфических задач, решение которых в обычной обстановке по большей части входит в обязанности гражданских властей. И вторая: «победа» в конфликте низкой интенсивности означает не физическое уничтожение противника (как в обычной войне), а создание в стране или на территории таких новых условий, в которых достижение повстанцами своих политических целей становится практически невозможным, а населению предлагаются мирные, более предпочтительные способы решения его проблем.

ПОЛИТ.РУ

«Полит.ру» — официально зарегистрированное независимое средство массовой информации, старейший общественно-политический ресурс русского Интернета.

- новости 24 часа в сутки: все самое важное и ничего лишнего;
- аналитические статьи, комментарии и репортажи;
- эксклюзивные интервью;
- обзоры прессы и телевидения;
- новейшие исследования крупнейших российских социологических и аналитических служб

<http://www.polit.ru>

Шестая часть Земли

Лепных дел мастер Василий Белобородов.
«Огонек». 1948 год

“ Сохранение нынешнего российского курса в отношении стран ближнего зарубежья грозит подчинением внешней политики России на постсоветском пространстве интересам двух других глобальных игроков — Европейского союза и США, укрепляющих свое политическое и военное присутствие в бывших республиках СССР ”

От глобальных противоречий — к региональным конфликтам

Михаил Делягин

128

Ближнее зарубежье: всё дальше от России

Екатерина Кузнецова

136

Кавказские горизонты Большой Европы *Владимир Дегоев*

150

Новый разговор с Россией *Майкл Макфол*

160

От глобальных противоречий — к региональным конфликтам

Михаил Делягин

Исчезновение силового противостояния двух систем перевело глобальную конкуренцию в плоскость цивилизационного конфликта. Но если раньше глобальная конкуренция означала в первую очередь противостояние государственных военных структур, то теперь она принимает вид столкновения сетевых структур, ориентирующихся на ту или иную цивилизацию. (К числу сетевых структур сегодня относятся не только финансовые, общественные, религиозные и преступные организации, но и спецслужбы, действующие всё более самостоятельно под предлогом необходимости борьбы с терроризмом.)

В силу специфики сетевых структур глобальная конкуренция становится неявной, реализуясь в отдельных, ограниченных по масштабам, то есть региональных, формально не связанных друг с другом конфликтах, которые приобретают долгосрочный, тлеющий характер. Их активизация и привлечение к ним внимания мирового общественного мнения создают новые поля на «великой шахматной доске».

В прошлом конкуренция двух систем носила прежде всего не экономический, а идеологический характер. Борьба в первую очередь шла за «души людей», за привлечение на свою сторону большего числа сторонников. Сегодня «силовым полем», направляющим глобальную конкуренцию, является осознание недостаточности природных ресурсов для продолжения развития прежними тем-

М.Г. Делягин — д. э. н., председатель президиума — научный руководитель Института проблем глобализации. При подготовке статьи использованы материалы его книги «Мировой кризис. Общая теория глобализации» (М.: Инфра-М, 2003).

пами на базе прежних технологий. Цивилизационная конкуренция, таким образом, превращается в борьбу за ресурсы.

Ресурсный голод (для большинства стран мира еще потенциальный) подстегивает экспансию и направляет ее в регионы с «бесхозными» богатствами, то есть с такими, освоить которые не под силу обладающим ими государствам. В первую очередь это Африка и постсоветское пространство, включая Россию.

ПОЛЗУЧЕЕ МИРОТВОРЧЕСТВО

Открытое оформление и упрощение созданных в России за последние годы механизмов управляемой демократии демонстрируют Западу, что строящуюся российскую государственность принципиально невозможно интегрировать в его систему ценностей вообще и евроатлантическое сообщество в частности. Осознав данный факт, Запад вряд ли попытается наладить с Россией особые механизмы взаимодействия, как в случаях с бывшим СССР и сегодняшним Китаем: Россия для этого слишком слаба. Скорее всего, мы станем свидетелями попыток вернуть наше государство в универсальное, формально-демократическое состояние.

Расширяющиеся цивилизации по-разному осуществляют освоение территории России. Прежде всего экономически — посредством создания, например, транснациональных корпораций с участием российских партнеров, осуществления проектов наподобие Каспийского трубопроводного консорциума или тех, что реализуются на условиях Соглашения о разделе продукции, а также воздействия на такие российские проекты, как экспортный нефтепровод из Восточной Сибири. Далее, используется сетевой способ (особенно через наркомафию, политическое лобби и религиозные структуры, в первую очередь исламистские и католические), а также этнический.

Нередко этому служит и международная миротворческая деятельность, призванная ослаблять межнациональные конфликты, которые сопровождаются террористическими актами. Использование региональных конфликтов как инструмента влияния на управляющую систему нашей страны, как и в случае позднего СССР, — один из самых болезненных способов давления на Россию. Речь идет прежде всего о региональном противостоянии в ближнем зарубежье, центральноазиатская часть которого превращается в часть Большого Ближнего Востока, и в исламских регионах самой России.

Так, нагнетание президентом Грузии Михаилом Саакашвили националистической эйфории вокруг идеи восстановления территориальной целостности страны способно толкнуть Тбилиси к силовому воссоединению с Южной Осетией. Малочисленные южноосетинские силы самостоятельно не смогут дать отпор противнику, авангард которого – спецназ, подготовленный американскими инструкторами. Это поставит президента России Владимира Путина перед крайне неприятной дилеммой: его усилия по защите граждан России (официально они составляют 56 % населения Южной Осетии) неизбежно приведут к ссоре с Западом, который, скорее всего, поддержит Саакашвили.

Выбор между интересами граждан России, с одной стороны, и Запада – с другой, одновременно будет являться и выбором между двумя группировками внутри российской элиты – западниками-либералами и силовиками. Последние могут спровоцировать конфликт в надежде, что президент Путин все же решит помочь соотечественникам, проживающим в Южной Осетии, и отвернется от либерального крыла. Однако велика вероятность и того, что глава Российского государства, твердо, хотя и не всегда осознанно придерживающийся во внешней политике линии Михаила Горбачёва, в критический момент предпочтет дружбу с Западом.

Нет сомнений, что силовое решение южноосетинской проблемы при фактическом бездействии российских миротворцев, от которых потребуют не вмешиваться, приведет к партизанской войне и погружению республики в кровавый хаос, неисчислимым страданиям мирного населения, как осетинского, так и грузинского. Единственным выходом из сложившейся ситуации станет ввод в Южную Осетию международных миротворческих сил (очевидно, под эгидой НАТО). Эта республика настолько мала, что контингент понадобится незначительный. А измученное террором и направляемое эффективной пропагандой население этих регионов, каким бы патриотичным оно ни было, относительно скоро присоединится к требованиям ввести международные подразделения.

После этого любой крупномасштабный теракт на Северном Кавказе поднимет волну требований «прогрессивной мировой общественности» ввести международные миротворческие силы и туда как единственное средство обеспечения мира.

Так «на плечах террористов» натовские войска шагнут на Северный Кавказ, после чего его отделение от России по косовскому сце-

нарию станет вопросом времени. Исходя из логики глобальной конкуренции, следующими территориями, контроль над которыми принципиально важен, оказываются Татария и Башкирия — ключевые технологические зоны, через которые осуществляется транзит сибирских энергоносителей на Запад. Исламский компонент в этих республиках позволяет сделать попытку и там разыграть сценарий дестабилизации. Зависимость Татарии и Башкирии от стратегических конкурентов России сделает юрисдикцию Москвы над Западной Сибирью формальной. В среднесрочной перспективе это способно спровоцировать постановку вопроса о российской принадлежности Сибири и Дальнего Востока.

Итак, отказ (под любым предлогом) от защиты соотечественников, проживающих за пределами России, в пользу отношений с Западом может вызвать «эффект домино» и повлечет за собой внутриполитический кризис, чреватый подрывом легитимности президента, стержневой фигуры всей российской государственности. Чтобы избежать этого, России надо любой ценой не допустить агрессию со стороны Грузии.

Стратегическая задача Москвы на нынешнем этапе должна состоять в том, чтобы довести до логического конца процесс распада СССР и добиться признания права на самоопределение народов постсоветского пространства, в том числе и тех, которые не желают жить вне российской государственности. В состав России могут войти (если народы этих территорий выскажут соответствующее желание) не только Южная Осетия, но и Абхазия, а также Приднестровье (при возможном объединении Молдавии с Румынией и предоставлении со стороны Европейского союза, НАТО и США письменных гарантий неприкосновенности Приднестровья как российской территории).

Между тем современное российское государство, органически не способное на последовательное отстаивание своих национальных интересов, не в состоянии реагировать на возможность «миротворческой» агрессии НАТО, в первую очередь США, уже сегодня создающую потенциальную угрозу территориальной целостности и самому существованию России.

Трагическое несоответствие инфраструктуры внешней политики (от программ обучения студентов до организационной структуры МИДа и Совета безопасности РФ) назревшим проблемам становится все более очевидным. Подобно тому как генералы все-

гда готовятся к прошлой войне, российское стратегическое планирование во внешнеполитической сфере не реагирует на реалии нового времени.

Принципиальный отказ от создания единой системы выработки внешнеполитических приоритетов, оборачивающийся полным отсутствием целостной внешней политики, ведет наше государство к болезненным провалам не только в сферах прямого столкновения интересов, но и даже на его собственном «заднем дворе».

Яркий пример — ситуация в Абхазии. Российское руководство, органически не умеющее анализировать альтернативы и готовить «кадровый резерв», автоматически сделало ставку на правящий клан. Он занимает наиболее жесткую антигрузинскую позицию и не склонен к сотрудничеству с остальными группировками. При этом даже наличие административного ресурса и полной поддержки Москвы не позволило кандидату от «партии власти» победить. Обстановка в республике обострилась, а Россия оказалась дискредитирована. В результате вполне вероятен следующий сценарий: оппозиционные и до сих пор пророссийские кланы начнут наводить мосты в направлении Запада. Там их встретят приветливо, и Абхазия будет потеряна Россией так же, как Аджария, а до того — и весь Советский Союз.

АНТИНАРКОТИЧЕСКАЯ КОАЛИЦИЯ

Распад СССР и образование в Центральной Азии новых государств с различными правовыми системами создали идеальную среду для деятельности наркомафии, получившей возможность оптимизации юридических рисков при помощи страновой диверсификации своей деятельности. Наркомафия уже сыграла и продолжает играть значительную роль в новейшей истории Таджикистана и некоторых других центральноазиатских государств. Приход к власти в Афганистане талибов (с помощью пакистанской армии и на деньги от производства героина) окончательно оформил транзит наркотиков в Европу из Афганистана через Центральную Азию и территорию России, а затем и через выведенное из-под сербской юрисдикции Косово. Россия, как и всякая транзитная страна (к тому же с дегра-

дирующим социумом, что многократно повышает восприимчивость к наркотикам), несет исключительно тяжелый урон.

Масштабы распространения наркотиков угрожают самому биологическому существованию российского общества (условный «порог безопасности» — один процент наркозависимого населения — превышен, по неполным данным МВД, как минимум, вдвое), а растущее политическое влияние наркомафии способно уже в обозримом будущем спровоцировать ряд болезненных для Москвы конфликтов в Центральной Азии, да и внутри России.

Однако реальной борьбы с этим злом не ведется. Был, правда, отменен железнодорожный рейс Душанбе — Москва, зато стало более интенсивным автобусное сообщение, а «опиумный поезд» Душанбе — Астрахань курсирует по-прежнему. Снятие российских застав на таджико-афганской границе способствует активной переброске наркотиков как раз в то время, когда либерализация их производства в Афганистане после свержения талибов может привести к массовому сбросу цен, так что уровень доступности героина резко возрастет.

При всем при том смертельно опасная для России и крайне болезненная для Евросоюза наркоэкспансия дает нашей стране уникальный шанс на реальное лидерство в деле объединения усилий, направленных на решение общей задачи. Более того, при желании Россия относительно легко получит от мирового сообщества мандат на своего рода контроль над Центральной Азией и даже на политическое доминирование в ней в целях защиты Европы от потока наркотиков.

Это будет уже не «либеральная империя», занимающаяся насаждением в Центральной Азии чуждой ей (еще в большей степени, чем России) идеологии, которая под видом борьбы за права человека защищала бы интересы самых разных меньшинств в ущерб обществу в целом. Это будет категорический и ясно осознаваемый всеми императив, объективно сплывающий Европу и Россию под лозунгом борьбы с наркомафией и международным терроризмом. Политкорректность данного лозунга вполне очевидна, и его не сможет оспаривать наш стратегический конкурент — США.

Однако реализация подобной политики предъясвляет созданной президентом Путиным «вертикали власти» заведомо непосильные для нее требования. Подрыв эффективности государственного аппарата в результате административной реформы, повлекшей за собой длительный паралич всей системы госуправления, не позволит в ближайшие годы использовать данный исторический шанс.

ЗАГАДКИ КИТАЙСКОЙ ШКАТУЛКИ

Региональные проблемы грозят России и на другом направлении – дальневосточном. Неопределенность с перспективами трубопровода Ангарск – Дацин, на который Китай возлагал большие надежды, отбрасывает тень на все будущее российско-китайских отношений, особенно если учесть предшествовавшее этому скандальное исключение китайцев из процесса приватизации «Славнефти». До сих пор руководство КНР в основном рассматривало нашу страну как партнера, испытывающего внутренние неурядицы и порой ведущего себя странно, но при этом достаточно надежного и договороспособного.

Однако непоследовательное поведение российских властей в последние годы, потакание аппетитам некоторых губернаторов, потворство давлению на Пекин со стороны Токио и, вероятно, действующего его руками Вашингтона, который опасается дальнейшего подъема Китая, могут (несмотря на отданные Пекину полтора острова, а, быть может, и благодаря этому компромиссу) ускорить смену настроений в КНР по отношению к России. Поднебесная начнет воспринимать наше государство как слабого, пассивного и не полностью самостоятельного владельца богатых природных ресурсов. А к чужим и слабым китайцы относятся весьма прагматично – без сантиментов.

Пекин в значительно большей степени, чем Москва, руководствуется при выработке своей политики представлением о глобальной расстановке сил и условиях глобальной конкуренции. Китай серьезно относится к прогнозам, согласно которым мировое потребление нефти в не столь отдаленном будущем превысит объемы ее добычи из относительно легко извлекаемых запасов. Пекин исходит из того, что его стратегические соперники заинтересованы в ограничении доступа КНР к топливным ресурсам и эта заинтересованность будет нарастать по мере сокращения объемов легкодоступных ресурсов. В частных беседах китайские аналитики оценивают провал проекта «Ангарск – Дацин» именно как первый опыт такого насильственного ограничения.

Если руководство Китая будет уверено в надежности России как стратегического поставщика энергоносителей на перспективу 4 – 6 лет, отношения между обеими странами останутся примерно на сегодняшнем уровне. При этом, правда, надо учитывать постепенное закрытие китайского рынка для российских товаров по мере разви-

тия замещающих производств и исчерпания военно-технического сотрудничества. Если же Пекин поймет, что не может полагаться на поставки из России, он начнет искать как альтернативные источники (от Казахстана до Западной Африки), так и собственные инструменты воздействия на северного соседа. История вокруг «ЮКОСа», крупного поставщика нефти в Китай, едва ли способствует укреплению репутации России в глазах клиентов.

Определенные надежды в китайцев вселяют новые оценки объемов нефтяных ресурсов Восточной Сибири. Речь идет о запасах, скрывааемых нефтяными компаниями, и так называемых «тупиковых нефтепроводах», представляющих собой брошенные старые локальные трубы, которые используются для хранения десятков миллионов тонн левой нефти, утаенной в разные годы и нелегально поступающей на нефтеперерабатывающие заводы. Крах этих надежд, однако, будет означать для России формирование нового очага региональной напряженности.

* * *

Свертывание внешнего влияния России, осуществляемое сначала во имя «общечеловеческих ценностей» (под которыми на практике понимались интересы наших стратегических конкурентов), затем — ради снижения бюджетного дефицита, а в последние годы, по-видимому, из-за лени и некомпетентности правящей бюрократии и корысти силовой олигархии, в конечном итоге принесло свои плоды: Россия утратила значимое влияние за пределами территории бывшего СССР. Даже представители стран, наиболее благожелательно относящихся к России, на деле склонны отрицать ее право защищать всех своих граждан.

Слабость России на международной арене вызвала резкое сужение повестки дня на переговорах с США и Европой, что, в свою очередь, способствует повышению значимости региональных конфликтов. Ведь давление глобальной конкуренции является «великой постоянной» современного исторического развития, и государства, недостаточно сильные, чтобы участвовать в глобальных процессах, сталкиваются с этой конкуренцией на более низком, региональном, уровне. Кто не хочет защищать свои интересы на дальних рубежах, будет вынужден защищать их на ближних подступах.

Ближнее зарубежье: всё дальше от России

Екатерина Кузнецова

НИЧЬЯ ЗЕМЛЯ

Образование на территории бывшего Советского Союза пятнадцати независимых государств разделило ранее единую страну по линиям границ, прочерченным «строителями» наций в первые десятилетия советской империи. Процесс распада, сопровождавшийся хаотичной демократизацией, принял форму реализации права каждого народа на самоопределение. При этом, с одной стороны, большинство новообразовавшихся государств не были этнически гомогенными, с другой — своим правом на самоопределение попытались воспользоваться и народы, обладавшие в советский период определенной автономией, но не имевшие статуса союзных республик.

Процесс распада Советского Союза (а отчасти и другой страны бывшего восточного блока — Югославии) выявил примечательные различия во взглядах российских и западных политиков на организацию постсоветского пространства. Первые в большинстве своем тосковали по прежней державе, и их ностальгия усиливалась по мере нарастания сепаратистских настроений в самой России и ослабления ее влияния на международной арене. Вторые склонны были поддерживать центробежные тенденции, видя в них проявления той самой демократизации постсоциалистических обществ, которая во многом и обеспечила Западу победу в холодной войне. Но и те, и другие, оставаясь в плену инерционного сознания, даже не попытались превратить *terra nullius* («ничья земля»), появившуюся между Россией и Западом, в полигон для обкатки новых форм союзнических отношений. Российские лидеры лишь состязались в сочинении формулировок о решающей роли России на постсоветском пространстве, а правитель-

Е.С. Кузнецова — научный сотрудник Центра исследований постиндустриального общества, аспирантка Института Европы РАН.

ства западных стран стремились опередить друг друга в признании формальной независимости новых независимых государств, будь то Эстония или Узбекистан, Словения или Хорватия.

Совпадение интересов отечественных державников и представителей движений, добивавшихся независимости от новопровозглашенных государств, привело к тому, что Россия — отчасти осознанно, отчасти по стечению обстоятельств — предпочла нормализации отношений со своими новыми соседями особое сближение с «осколками» советской империи: бывшими автономиями, заявившими о несогласии с принципами раздела рассыпавшегося СССР. Негласно поощряя политику обособления от республиканских центров, проводившуюся автономиями, некоторые силы в России стремились сохранить рычаги влияния на бывшие союзные республики. Время, однако, показало, что это была не самая лучшая стратегия.

Конечно, нельзя не отметить ту важную позитивную роль, которую Москва сыграла на этапе, последовавшем непосредственно за распадом СССР. При всей противоречивости тогдашней политики именно Россия внесла решающий вклад в прекращение локальных войн в Грузии, Азербайджане, Молдавии и Таджикистане, а российские миротворцы на протяжении десятилетия выполняли в зонах конфликтов стабилизирующую функцию, неся при этом потери. Однако Москва не смогла развить успех и предложить эффективные способы перспективного разрешения региональных проблем. Более того, объективные заслуги России не только не были по достоинству оценены, но и стали вызывать со временем все более настороженное к ней отношение. Так, власти государств, в которых размещены российские миротворческие контингенты, больше не рассматривают их в качестве стабилизирующего фактора.

Пытаясь отвлечь внимание соотечественников от политических и национальных проблем в новых независимых государствах, их власти настойчиво внедряли в сознание своих граждан враждебный и агрессивный образ России, якобы помышляющей о восстановлении империи. Тем временем мятежные территории, напротив, рассматривали Россию как потенциального защитника от экспансии новых центров. Таким образом, параллельно шли два процесса: лидеры суверенных государств осуждали «экспансионистские» намерения Москвы, а мятежные «осколки» империи укрепляли с Россией связи.

Но такая ситуация не могла оставаться стабильной. Противоречия никуда не делись: они лишь «консервировались» до той поры, пока

Россия не определится в своих пристрастиях или пока новые постсоветские государства не преодолеют свои экономические и политические недуги. Постепенно, восстановив свои экспортноориентированные экономики, укрепились Казахстан и Азербайджан; страны Балтии взяли курс на интеграцию в Европейский союз; Узбекистан и Грузия попали в зону пристального внимания Соединенных Штатов, а Молдавия — Европейского союза. Украина же и вовсе оказалась предметом соперничества между несколькими державами, стремившимися распространить на нее свое влияние. Но, несмотря на все эти изменения, Россия не спешила пересматривать политику на постсоветском пространстве и корректировать свои ориентиры.

РУКОТВОРНАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ

Отсутствие у российского руководства четких ориентиров и целей обусловило ряд очевидных неудач.

Во-первых, российские (а отчасти еще и советские) лидеры не смогли достичь жестких договоренностей с Западом о недопустимости интеграции постсоветских стран в атлантические структуры, результатом чего явилось недавнее вступление стран Балтии в НАТО и ЕС, а также все более очевидное стремление Украины (а отчасти и Грузии) последовать за ними.

Во-вторых, между Российской Федерацией и бывшими союзными республиками не было заключено всеобъемлющих соглашений о военно-политическом сотрудничестве, что, в частности, позволило Соединенным Штатам закрепиться в постсоветских государствах Центральной Азии, а также рассматривать перспективы усиления своего влияния в Закавказье.

В-третьих, России почти нигде не удалось трансформировать имевшиеся у нее рычаги экономического давления на постсоветские страны в конкретные соглашения, которые могли бы защитить ее хозяйственные и политические интересы в том или ином регионе или хотя бы передать российским предпринимателям контроль над частью местных компаний.

Поддержка пророссийски настроенных сепаратистских движений в новых независимых государствах обернулась ухудшением общего климата на постсоветском пространстве, что объективно ослабило позиции России и в определенной степени «делегитимизировало» ее политику.

Справедливости ради надо признать, что Российская Федерация, как никакая другая страна, ощущала и ощущает на себе двойные

Старайтесь Грузию утвердить на том основании, как уже вам и писано. Не ищите иных приобретений делать, как те, которые добровольно будут искать Моего покровительства. Лучше иметь союзников, заинтересованных в союзе, чем подданных ненадежных... Ищите Армению интересоваться к сближению для торгу и торгом, дабы канал иметь через них и далее. Соблюдайте привилегии, но установите наш порядок. Комплекуйте старые полки нашими рекрутами, но полков мало по пространству, и так сочитесь, не можете ли умножить тамошними жителями. Ищите руд всякого рода и промыслов также, а таможни перенесите на границу. Займитесь теперь не завоеванием, но приобретением, добровольным соглашением Армении. Вот Мои мысли.

Из собственноручного рескрипта Императора Павла I генерал-лейтенанту Кнорингу, первому Главкомандующему Грузии, 20 января 1801 года

стандарты политики западных держав. Поэтому ее лидеров трудно осуждать за попытки применения подобных же принципов; следует, однако, отметить, что для России такой подход может иметь гораздо более тяжелые последствия, чем для Соединенных Штатов или стран Европейского союза.

Что касается постсоветских государств, столкнувшихся с проблемой сепаратизма, то в их отношении Россия последние десять лет проводила политику «контролируемой нестабильности». Поддержка претендующих на независимость Приднестровья, Южной Осетии и Абхазии, установление отношений с их правительствами, предоставление жителям соответствующих территорий российского гражданства — все это не способствовало стабилизации Молдавии и Грузии. «Контроль» над этой искусственно созданной нестабильностью обеспечивали российские военные и миротворцы.

Заверяя коллег из ближнего зарубежья в уважении территориальной целостности их государств, российские лидеры меняют свою позицию, как только на первый план в этих странах выдвигается задача восстановления государственного суверенитета. Так, попытка грузинского президента Михаила Саакашвили выстроить «властную вертикаль», подобную той, об укреплении которой в России постоянно говорит президент Владимир Путин, не только не стала фундаментом российско-грузинского взаимопонимания, но, напротив, вызвала у России приступ аллергии. И даже после того как распространение власти Тбилиси на прежде автономную Аджарию продемонстрировало решительность грузинского руководства и вынудило Россию стыдливо эвакуировать своих союзников, ее политика в Абхазии и Южной Осетии не претерпела изменений и не стала более внятной.

Так какую же позицию по отношению к раздираемым конфликтами постсоветским государствам занимает Россия? Какие задачи она ставит перед собой? Как представляется ее руководству будущее зон «контролируемой нестабильности»?

ЛОГИКА ОФИЦИАЛЬНОГО ПОДХОДА

Поддержание «контролируемой нестабильности» — допустимая стратегия в ситуации, когда политический выбор представляется преждевременным или слишком трудным. Но поскольку любая нестабильность в конечном счете противоречит долгосрочным государственным интересам, такая политика может быть только временной.

Именно это, на мой взгляд, и не учли российские политики. Основываясь на мало-мальски успешном десятилетнем опыте применения стратегии «контролируемой нестабильности», они забыли, что нестабильность гораздо легче инициировать, чем преодолеть. И сегодня Россия с трудом сохраняет контроль над ранее «контролировавшейся» ею нестабильностью.

Так, с изменением политического расклада в Грузии ситуация там развивается по сценарию, на который в Москве явно не рассчитывали. С того момента, как в Тбилиси пришли к власти лидеры нового типа, российское руководство столкнулось с попытками грузинских политиков привлечь к разрешению абхазского и южноосетинского конфликтов внешних игроков, в первую очередь Соединенные Штаты. Перспектива американского вмешательства в дела постсоветских стран породила тревогу в российских официальных кругах, однако и по сей день не содействовала выработке подхода, который был бы ориентирован на урегулирование, а не на консервацию проблемы.

Еще более тревожит обстоятельство, что Россия в ряде случаев не то чтобы не заинтересована в стабилизации, а скорее объективно не способна самостоятельно обеспечить ее. Провал плана урегулирования приднестровского конфликта (этот план в последний момент отвергла молдавская сторона) четко обозначил пределы российских политических возможностей. Надо признать: главное, что обусловило неудачу российской инициативы, это не наличие в документах тех или иных спорных моментов (даже многие из западных дипломатов признают достоинства «плана Козака»), а то, что договор в целом не был согласован с европейскими структурами — ОБСЕ и Европейским союзом. В Молдавии «политика собаки на сене» дала первую и, по всей видимости, не последнюю осечку.

Данная неудача высветила принципиально новую тенденцию — к утрате Российской Федерацией ее монополии на миротворчество на постсоветском пространстве. Кишинев, желающий избавиться от российского покровительства, ставит под сомнение не отдельные пункты российского плана урегулирования, а сам проект создания молдавской федерации с сохранением широких полномочий для Приднестровья. Правительство Республики Молдова отказывается восстанавливать целостность государства «любой ценой», то есть ценой, назначенной Москвой, и пытается вовлечь в процесс урегулирования западные, прежде всего европейские, государства. Последние, однако, пока не спешат откликнуться на призывы молдавских лидеров оказать прямое давление на Россию. Но это только пока.

Сохранение нынешнего курса в отношении стран ближнего зарубежья грозит подчинением внешней политики России на постсоветском пространстве интересам двух других глобальных игроков — Европейского союза и США, укрепляющих свое политическое и военное присутствие в бывших республиках СССР. Надо признать, что в Москве это понимают и активизация в последние годы политики на этом направлении отражает стремление дать «симметричный» ответ на данный вызов со стороны Европы и США.

С момента распада СССР Россия видела свою цель в том, чтобы не допустить существенного усиления влияния третьих государств (или их союзов) на постсоветском пространстве. Этим обуславливается сдержанно негативное отношение российской власти к расширению НАТО, к появлению американских военных баз в Центральной Азии и даже к посреднической деятельности международных организаций (Парламентская ассамблея Совета Европы, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, Европейский союз) в конфликтных регионах бывшего Советского Союза. Но противопоставить что-либо этим процессам российская дипломатия не в состоянии вот уже второе десятилетие кряду. Всего за три последних года, в разгар глобальной войны с терроризмом, Россия добровольно уступила Соединенным Штатам — своему основному союзнику по антитеррористической коалиции — лидирующие позиции в Узбекистане и Киргизии, где американцы разместили военные базы.

С появлением в их регионе американских военных баз республики бывшей советской Средней Азии получили все основания надеяться не только на большую самостоятельность во внешней политике, но и на ослабление экономической зависимости от России.

Политический дивиденд от сотрудничества с США очевиден. Режимы, установившиеся в постсоветских государствах Центральной Азии, можно назвать демократическими весьма условно. А поддержка Соединенных Штатов развязывает руки склонным к авторитаризму политическим лидерам этих стран, позволяя им оправдывать репрессии в отношении политических противников и недоброжелательной общественности необходимостью бороться с терроризмом.

Правда, в последнее время и в Бишкеке, и, особенно, в Ташкенте звучат нотки разочарования: входя в антитеррористическую коалицию, власти этих стран явно рассчитывали на большее. Сотрудничество с Соединенными Штатами, как оказалось, отнюдь не способно решить все проблемы стран региона, так как оно по большей части не сопровождается экономической поддержкой. Ожидания того, что вместе с военными базами в новые независимые государства Центральной Азии придут американские инвестиции, пока не оправдались. В 2002–2003 годах США оказали Узбекистану помощь на сумму 420 млн долларов – правда, в форме поставок военной техники и оказания бесплатных услуг в сфере военного образования. Арендовав авиабазу Ганси в Киргизии, США обеспечивают поступление в местный бюджет 45–50 млн долларов в год. Ассигнования эти не так уж и малы, но, во-первых, они обусловлены потребностями войны с терроризмом, которая может со временем выпасть из списка американских приоритетов, и, во-вторых, не могут стать основой долгосрочного хозяйственного сотрудничества между Соединенными Штатами и странами Центральной Азии (что косвенно подтверждается тем, что объем прямых иностранных инвестиций в узбекскую экономику составил в 2003-м смехотворные 70 млн долларов).

Между тем даже в трудный период экономических преобразований начала 1990-х годов Россия продолжала оказывать финансовую поддержку бывшим республикам СССР. Предоставление технических кредитов и реструктуризация старых долгов являлись обычной практикой и, вероятно, расценивались новыми суверенными государствами как нечто само собой разумеющееся, хотя, по существу, были проявлением доброй воли со стороны России. Кстати, возвращения долгов Россия так и не дождалась: они были с трудом переоформлены в государственные долги лишь для того, чтобы затем признать их погашенными под самыми разными предложениями. К примеру, что касается Казахстана, таким предложением стала компенсация экологического ущерба, вызванного запусками космических аппаратов с Байконура,

а Украины — оплата за базирование Черноморского флота в Севастополе. Узбекистан вообще не признал существования этого долга.

Роль России в экономиках стран — бывших республик Советского Союза несопоставима с ролью США. На долю Америки приходится не более 3 % всего объема товарооборота центральноазиатских стран, в то время как доля России в совокупной внешней торговле Киргизии, Таджикистана, Казахстана и Узбекистана ныне превышает 46 %. Вдобавок Россия закупает порядка 80 % нефти и газа, экспортируемых из региона, обеспечивая этим странам почти две трети их экспортных поступлений.

Почему же российское руководство не может обратить свою экономическую силу в геополитическую мощь? В ответ на американский политический «пряник» Россия вполне может использовать экономический «кнул». Разве не с подачи самих Соединенных Штатов общепринятой практикой стало экономическое реагирование на политические разногласия (вспомним санкции в отношении Кубы, Ливии или Ирака, не говоря уже об угрозах запретить ввоз в Америку французских товаров из-за осуждения Францией вторжения в Ирак)? Оттого что Россия перестанет уступать авторитарным лидерам сопредельных государств и молча сносить их недружественные действия, она не перестанет быть локомотивом экономик этих стран и в любом случае останется основным рынком для их неконкурентоспособных товаров и главным каналом экспорта их углеводородного сырья. Политика уступок наносит гигантский вред имиджу России, как региональной державы. Не может не вызывать обеспокоенность тот факт, что страна, обладающая, по сути, исключительными рычагами экономического давления на всех своих соседей, постепенно лишается права голоса в решении региональных проблем.

Увы, безусловная поддержка сомнительных режимов, прощение долгов, игнорирование систематических нарушений прав человека вообще и русского населения (например, в Туркмении) в частности — все это, как показывает опыт, лишь расшатывает позиции Москвы, убеждая лидеров сопредельных государств в том, что Россией можно манипулировать, а ее интересы — игнорировать. Иллюзиями все чаще оказываются и надежды на то, что антидемократическим постсоветским режимам просто некуда деваться от России. Так, полная изоляция белорусского президента Александра Лукашенко со стороны западных стран не только не делает его зависимым от Москвы, но и даже не вынуждает быть более восприимчивым к ее экономическим интересам.

БЕСПЛАНОВОЕ РАЗВИТИЕ

Пока Россия еще остается ключевым игроком на постсоветском пространстве, а большинство государств признают ее особые интересы в этом регионе, как признают они и приоритет России в урегулировании возникающих здесь кризисных ситуаций. Однако в число этих стран уже не входят те, которым довелось стать объектами российской политики. Новое грузинское руководство видит в России главное препятствие на пути решения абхазской и южноосетинской проблем. Молдавский лидер, симпатизировавший России в начале своего президентства, ныне обвиняет российских миротворцев в фактическом препятствовании мирному процессу, и даже простые жители Абхазии критикуют попытки Кремля вмешаться в ход предвыборной борьбы в непризнанной республике. Однако российские власти не корректируют своего курса, и в скором времени усилия Москвы по удержанию бывших братских республик в зоне своего влияния могут увенчаться окончательным разворотом этих стран в сторону тех, кто предложит им более внятный сценарий будущего развития.

Ныне такой разворот еще можно предотвратить. Для этого необходимо радикально переосмыслить всю доктрину отношений со странами СНГ, начиная, что наиболее логично, с кавказского «фронта». Ведь именно на этом направлении российская внутренняя и внешняя политика тесно переплетаются друг с другом, а потому просчеты в одной неизбежно отражаются на другой.

Центральным элементом внешней политики России в Закавказье еще долго будут оставаться российско-грузинские отношения. Именно в Грузии будет опробована новая политическая линия в отношении постсоветского пространства, если она, конечно, вообще будет выработана. С приходом к власти Михаила Саакашвили контакты с Грузией интенсифицировались. Но сложатся ли они в последовательную стратегию, приведут ли к желаемым результатам? Сможет ли российская сторона отнестись к своим партнерам как к равноправным участникам диалога? Удастся ли ей подняться над частными интересами в решении региональных проблем? Наконец, способна ли еще Москва к нахождению нестандартных компромиссных решений?

Сегодня ответы на эти вопросы отнюдь не очевидны. Наступательная позиция обновленной Грузии выглядит более перспективной, чем устаревающая оборонительная стратегия России. Тбилиси уже заявил о своих приоритетах, и не в пример Москве активно использует любые международные площадки для того, чтобы заручиться поддерж-

кой общественности в решении проблемы отколовшихся автономных республик. Очередным его успехом в информационной войне между Россией и Грузией за Абхазию и Южную Осетию стал план урегулирования конфликтов, предложенный президентом Саакашвили на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2004 года.

Этот план, по сути, предлагает Абхазии и Южной Осетии повторить путь, пройденный Грузией и приведший к смене ее политической элиты в результате свободных (хотя и не вполне демократических) выборов. Начать предлагается с укрепления доверия между населением мятежных регионов и остальной части Грузии посредством стимулирования прямых контактов между неправительственными организациями. На втором этапе все заинтересованные стороны займутся обеспечением локальной безопасности — демилитаризацией и декриминализацией, выявлением всех «серых» зон на российско-грузинской границе. Политическое урегулирование, составляющее суть третьего этапа, предоставит мятежным республикам широкую автономию, а Грузии поможет восстановить ее территориальную целостность.

Разумеется, в действительности этой схемы можно сомневаться, но только не на одном том основании, что она выработана без участия Москвы. Ведь Россия вообще не предложила за последнее десятилетие ни одного варианта плана и обычно выступала (а возможно, хочет и далее выступать) в ставшем ей привычным амплуа судьи.

ТРИ СЮЖЕТА — ДВЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Как и когда Россия вступит в игру, совершенно неясно, поэтому можно попытаться хотя бы смоделировать сценарии, которые она способна разыграть.

Первый сценарий — наступательный. Двусмысленная позиция России по отношению к мятежным автономиям Грузии и Молдавии дает повод задуматься над тем, не рассматривает ли Москва возможность их присоединения к Российской Федерации. Российские лидеры не раз заявляли о том, что вхождение в состав РФ Абхазии и Южной Осетии (не говоря уже о не граничащем с Россией Приднестровье) невозможно. Но на деле Россия целенаправленно укрепляет связи с мятежными республиками. Большинство их жителей имеют российское гражданство и обладают всеми правами россиян, в том числе правом на социальное обеспечение. Каким образом российское гражданство было предоставлено людям, не отвечающим требованиям ни старого, ни но-

вого законодательства о гражданстве РФ, остается неясным. Очевидно лишь то, что этот шаг имеет политический подтекст и свидетельствует об ангажированности, а вовсе не о нейтралитете России.

Фактором, подталкивающим Москву к отказу от соблюдения принципа территориальной целостности сопредельных стран, являются значительные инвестиции российских финансово-промышленных групп и отдельных влиятельных предпринимателей в мятежные республики. В случае возвращения этих территорий в правовое поле своих государств собственность, приобретенная в обход местных законов, может быть конфискована или национализирована. Поэтому до тех пор пока российское руководство заинтересовано в сохранности данного имущества, трудно ожидать, что оно согласится не препятствовать восстановлению целостности суверенных государств.

Правовым основанием для вхождения автономий в состав России может стать одобренное в ходе референдума обращение их народов к народу и правительству РФ с просьбой о включении в ее состав. До сих пор Россия сдерживала такие порывы, хотя широкие слои населения этих республик (как правило, российские граждане) желали бы именно такого исхода.

Подобное развитие событий, однако, чревато резким обострением отношений с Грузией и дестабилизацией всего Закавказья. Не исключено, что оно вызовет на Кавказе эффект домино. Армения, ближайший союзник России, может объявить оккупированный ею Нагорный Карабах своей территорией. Сползание всего региона к большой войне в таком случае весьма вероятно.

Второй сценарий предполагает решимость России напрямую участвовать в политических процессах в мятежных республиках, дабы склонить местных лидеров к переговорам с Тбилиси или Кишинёвом на условиях, выгодных Москве. Эти условия неизбежно будут означать неприкосновенность российской собственности и инвестиций, гарантии защиты российских граждан, режим экономических преференций для российских инвесторов и т. д.

В этом случае было бы полезно договориться о «принципе прямого диалога», подразумевающим, что проблемы автономий решаются исключительно в Москве и Тбилиси или Кишинёве, а предварительные консультации с представителями республик ведутся в закрытом режиме в Москве. Если между Москвой и региональными центрами установится прямая связь, потребность в посредничестве третьих государств и международных организаций автоматически

отпадет. Такая локализация конфликтов принесет участникам ощутимые выгоды. Россия обретет привилегированный статус гаранта стабильности (поскольку только российские миротворцы могут гарантировать права российских граждан на территории Грузии и Молдавии), а сами республики – реальную перспективу восстановления территориальной целостности.

По сути, данный сценарий предполагает активную торговлю компромиссами и готовность уступать в малом ради выигрыша «в общем зачете». Хотя Москва и обладает политическими преимуществами по сравнению с Тбилиси и Кишинёвом, но ей все же придется признавать формальное равенство партнеров и занимать жесткую позицию по отношению к своим вчерашним квазивассалам из Цхинвали, Тирасполя или Сухуми. Поэтому надо быть готовым к совершенно неожиданным, нестандартным ходам.

Почему бы, к примеру, не объявить Осетию неделимой, провозгласив единство осетинского народа и превратив обе Осетии в особое территориально-административное образование наподобие Андорры, управляемой викариями епископа Уржельского и президента Франции? Эту схему можно расширить, объявив Осетию свободной экономической зоной с режимом наибольшего благоприятствования как для российских, так и грузинских инвесторов. Единая Осетия, части которой будут формально относиться к разным государствам, стала бы мостом между Россией и Грузией. Этот путь не подходит для Абхазии, как не подходит он и для Приднестровья, не имеющего с Россией общей границы. Однако, как и в случае с Осетией, ключ к решению конфликта может быть найден лишь при условии, что российское руководство творчески отнесется к его поискам и откажется от некоторых застарелых стереотипов или хотя бы продемонстрирует свое стремление выйти из политических тупиков.

При этом вопрос об отношении к такому сценарию самих лидеров мятежных республик имеет заведомо второстепенное значение. Регулярные визиты в Россию глав автономий и их встречи с первыми лицами в Москве подчеркивают особый характер их отношений с российскими лидерами. Так что неспособность убедить их скорректировать политический курс и пойти на переговоры с Тбилиси и Кишинёвом явится наиболее веским аргументом против проводимой ныне политики «контролируемой нестабильности».

Наконец, не следует сбрасывать со счетов вероятность того, что Россия решит укреплять свое влияние на постсоветском простран-

стве, апеллируя к международным организациям или же действуя через региональные интеграционные объединения. Этот подход может стать основой для третьего сценария.

В данном случае России следовало бы занять совершенно особую позицию и дистанцироваться от обеих сторон, вовлеченных в конфликт. В подобной ситуации поиск партнеров, способных наряду с Российской Федерацией стать посредниками в переговорах и гарантами выполнения договоренностей, не казался бы чем-то зазорным (ведь ни у кого в нашей стране не вызывает осуждения тот факт, что Россия вместе с США и Европейским союзом является коспонсором ближневосточного мирного процесса). Это привело бы к совершенно новому раскладу сил – наиболее благоприятному для перевода процесса в дипломатическую плоскость.

Россия могла бы совместно с США или с Евросоюзом выступить в роли активного миротворца – тогда ей не пришлось бы отказываться от присутствия в спорных регионах и она смогла бы избежать давления со стороны антироссийски настроенных местных политиков, стремящихся вытолкнуть ее оттуда. При этом репутация, заработанная Россией в глазах других коспонсоров урегулирования конфликтов, возможно, стала бы для нее даже более значимым приобретением, чем все выгоды мира в непосредственной близости от ее границ.

Следует заметить, что опыт самостоятельного (вне рамок СНГ) развития государств Балтии, приведший их в ряды Европейского союза, лишний раз подчеркивает тот факт, что Европа гораздо лучше использует свое влияние в общем для нее и России ближнем зарубежье. В Москве осознают, что вступление в ЕС объединенной Молдавии гораздо более вероятно, нежели присоединение к России отдельно взятого Приднестровья. Почему же в таком случае российская дипломатия стремится сохранить заведомо бесперспективный статус-кво? И именно потому, что пока нет ответа на данный вопрос, не стоит переоценивать вероятность претворения в жизнь третьего сценария.

ЕСЛИ НЕ МЫ, ТО КТО ЖЕ?

Количество возможных комбинаций и стратегий, которые Россия может разыграть или выстроить на постсоветском пространстве, ни в коей мере не ограничивается тремя сценариями, описанными выше. Поэтому гадать, какую линию поведения изберет российская власть, бессмысленно и непродуктивно. Сегодня более важно то,

что российская политика в отношении постсоветского пространства имеет ряд очевидных изъянов и их необходимо корректировать независимо от того, изменится или останется прежним стратегическое направление самой политики.

В российском руководстве сильна традиция ориентироваться в отношениях с постсоветскими странами на тамошних государственных служащих «категории А», то есть на людей, которые в данный момент занимают высшие руководящие посты. Справедливости ради следует отметить, что такой подход свойствен не только государствам с авторитарной моделью управления, каковым является Россия, но и странам, приверженность которых демократии не вызывает сомнений, — например, Франции. Однако в последнем случае он не воплощается ни в предоставлении «своим» кандидатам дополнительного административного ресурса, ни в направлении (причем открытом) в страну легиона политтехнологов, ни в оказании прочих сомнительных услуг. «Революция роз» в Грузии (а также выборы в Абхазии и Украине) обнажили неприятную для российских политиков правду: нежелание налаживать связи со вторыми и третьими эшелонами так называемых национальных элит оборачивается утратой контроля за развитием событий. При сохранении нынешнего политического курса «полоса отчуждения» по периметру российских границ будет лишь расширяться.

Содействие республиканским центрам в восстановлении целостности государств принесет России бóльшие дивиденды, чем бесперспективная и затратная поддержка непризнанных автономий. Обеспечение экономических интересов России, гарантии собственности российских компаний, сохранение двойного гражданства для населения этих территорий, возможность защиты интересов своих граждан представляются справедливой ценой за содействие Москвы. Пока еще Россия сохраняет рычаги влияния на постсоветском пространстве, хотя ей все труднее сдерживать политическую активность других игроков. Если Россия заинтересована в ослаблении чужого влияния в прилегающих к ее границам регионах, она также может сделать это условием поддержки центральных властей бывших советских республик.

От России ждут новых парадигм и новых стратегий. И если она не предложит их своим соседям, то их им предложат другие, ведь политика, как и природа, не терпит пустоты. Прежде всего — пустоты ума.

Кавказские горизонты Большой Европы

Владимир Дегоев

В первой половине XIX века Кавказский регион являлся постоянным источником раздражения в российско-европейских отношениях. Лондон стремился превратить Кавказ в барьер на пути возможного продвижения России в Иран, Турцию, Индию. Париж эпизодически использовал эту территорию для противостояния Англии и России и решения собственных колониально-имперских задач на Среднем Востоке. В Петербурге и Тифлисе с подозрением следили за действиями западных держав, допуская любое развитие событий. Международная напряженность вокруг кавказского вопроса, сохранявшаяся до середины 60-х годов XIX века, едва не привела к англо-российскому столкновению (1837) и в конце концов отчасти стала той питательной средой, в которой вызрели предпосылки вполне «мировой» по содержанию и последствиям Крымской войны, разрушившей основы венского порядка и положившей конец «долгому миру» в Европе.

После поражения Шамиля в Чечне и Дагестане (1859) и подавления антироссийского сопротивления в Черкесии (1864) Запад счел более неразумным делать ставку на внутрикавказские силы. Европа де-факто признала Кавказ имперским владением России, и европейская политика в этом регионе приобрела преимущественно экономическое содержание. В результате конфликтогенность отно-

В.В. Дегоев – д. и. н., профессор, директор Центра кавказских исследований МГИМО (У) МИД России. Статья основана на тезисах выступления автора на международной конференции по проблемам взаимоотношений России и Евросоюза, организованной в июне 2004 года Германским обществом внешней политики в рамках ежегодных научно-практических дискуссий под эгидой МИДов Германии, Франции и России.

шений между Россией и европейскими державами сократилась до безопасного минимума, заметно изменилось российское восприятие западного присутствия на Кавказе. Конфронтационная модель уступила место кооперационной: коль скоро международно-правовой, то есть политический, статус Кавказа Европой уже не оспаривался, Петербург начал оказывать поддержку и покровительство английскому, французскому, германскому, бельгийскому и голландскому капиталу, каждый из которых осваивал кавказское экономическое пространство. Такое положение сохранялось вплоть до Первой мировой войны.

Потрясения 1914–1921 годов вернули Кавказ в поле жесточайшей геополитической конкуренции, вновь выдвинув на передний план военно-стратегическую значимость региона для Германии, Англии и Франции. Западные державы играли на разновекторных интересах местных социальных, этнократических, конфессиональных, культурных элит, с одной стороны, и настолько же неоднозначных устремлениях пестрой народной массы – с другой. Моральные или идеологические соображения отступили перед абсолютно прагматическими целями воюющих государств – победить любой ценой.

Октябрьская революция и крах возглавляемого Германией военно-политического блока поставили в повестку дня международный дележ имперского наследия России на Кавказе. Это внесло еще больший беспорядок в и без того хаотичную картину кавказской жизни периода Гражданской войны и вооруженной интервенции. В конце концов у Антанты не осталось ни сил, ни желания разбираться в местной политической ситуации с ее причудливыми социальными альянсами, карикатурными государствами, самозванными лидерами. На самом деле Англия, Франция и США изначально не имели вразумительного ответа на вопрос, что делать на Кавказе и с Кавказом.

У большевиков же такой ответ был, что принесло им победу над внутренними соперниками и иностранными интервентами. В итоге Кавказ как проблема международной политики исчез на многие десятилетия.

НЕУДОБНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

С 1991 года внимание объединяющейся и объединенной Европы к Кавказскому региону возродилось. Ситуация беспрецедентна: никогда еще страны Закавказья не имели столь реальной возможности сформулировать свои национальные задачи в качестве полноправных

участников международного сообщества. Никогда еще Европа не идентифицировала себя как самостоятельный международный субъект, имеющий собственные внешнеполитические установки. И никогда прежде европейский «концерт» не расширялся так стремительно.

До сих пор Европейский союз прирастал государствами и народами, принадлежащими к европейскому культурно-историческому и географическому пространству. Кавказ же никогда не был органичной частью западной цивилизации, в силу чего интегрировать регион в Евросоюз (о чем сейчас много говорят в закавказских столицах) даже на условиях ассоциированного членства будет чрезвычайно сложно, особенно когда вопрос о европейской идентичности встанет еще более остро.

Но, в конце концов, дело даже не в этом, а в способности и готовности Европы развязать кавказские гордые узлы (нагорнокарабахский, абхазский, южноосетинский и другие), и это при том, что невозможно точно определить, какие из них представляют собой наиболее сложную и чреватую опасностями проблему. Кто и как разрешит конфликт между Азербайджаном и Арменией? Что ждет фактически распавшуюся грузинскую мнимую мини-империю, какими методами и какой ценой ее можно возродить, да и стоит ли это делать? Приживутся ли демократические институты, насажденные извне, на почве, никогда не знавшей демократии, и станут ли они эффективным инструментом поддержания хотя бы минимального уровня стабильности и безопасности?

Если главный мотив проникновения ЕС на Кавказ состоит в обеспечении контроля над каспийскими энергоресурсами, то нужно ли для этого идти таким нелегким путем, как превращение региона в составную часть Европы? А если речь не только о нефти и газе, то нелишне было бы произвести тщательный политический подсчет возможных выгод и неизбежных издержек.

Любой проект, разработанный для Кавказа без учета интересов России, обречен на неудачу. Непосредственное соседство России с Южным Кавказом автоматически обращает этот регион в проблему национальной безопасности Российского государства. Право защищать южные рубежи России от самых разнообразных угроз из Закавказья — последнее, с чем будет готов расстаться Кремль. Приметы ужесточения такой позиции уже налицо, и отступления от нее в ближайшей перспективе не предвидится; тут не уйти от исторической традиции и геополитической реальности.

Европа является на кавказском геополитическом поле сугубо внешним игроком, а в ее нынешнем структурном и институциональном качестве (ЕС) — игроком еще и совершенно новым. Какие бы цели ни декларировал Европейский союз, его присутствие в регионе, еще недавно входившем в состав СССР, воспринимается и будет восприниматься Москвой с настороженностью. О реакции Кремля на вероятное развертывание военных инфраструктур НАТО и (или) Евросоюза на южном фланге России и говорить нечего. Объяснять такие шаги необходимостью охраны нефтепроводов и предотвращения межэтнических конфликтов — значит преувеличивать запасы терпения, благодушия и наивности у российского руководства.

В настоящее время очень трудно определить точные контуры того компромисса с Западом в Закавказье, на который согласится Москва. Россия, судя по всему, не будет возражать против взаимовыгодного делового партнерства и честной экономической конкуренции. Но идея превращения Азербайджана, Грузии или Армении в военно-политический филиал ЕС натолкнется на сопротивление России со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями для дела мира и стабильности на Южном Кавказе. Тогда, кстати говоря, усложнится проблема, связанная с гарантиями бесперебойных поставок на Запад каспийского энергосырья.

Конечно, было бы лукавством говорить о европейском военном присутствии в Закавказье как о свершившемся факте. Но дело в том, что для постсоветского пространства вообще и для Закавказья в частности эпоха сюрпризов, в том числе и неприятных, не закончилась. К неожиданностям нужно готовиться и Европе. Это означает, что необходимо взаимопонимание, доверие и тесное партнерство на основе априорного признания Западом объективной и неудобной для него реальности: у России есть и будут интересы в Закавказье, требующие к себе уважения не на словах, а на деле.

«НЕ НРАВИТСЯ ВСЁ»

Между тем все чаще озвучивается мысль о том, что Россия, дескать, утратила способность нести ответственность за постсоветское Закавказье, а посему это бремя должен взвалить на себя Запад. В соответствии с модным на Западе тезисом Грузия, Армения и Азербайджан нуждаются в новых идеях, новых учителях и новых покровителях. Импортированная демократия правоверного толка и самоорганизующаяся рыночная экономика по-прежнему считаются па-

нацией от всех постсоветских болезней. Реинтеграционные усилия Москвы, чаще всего весьма малоэффективные, встречают жесткое сопротивление, что неизбежно приводит к усилению дестабилизации именно там, где ее хотят избежать.

Представители европейского экспертного сообщества объявляют об окончательном завершении имперского периода в российской истории и о готовности Запада пресечь на корню малейшие реставраторские поползновения Москвы. Никого уже не смущают ни тезис «нам не нужна сильная Россия», ни вытекающая из него идея о том, что «нам не нужна единая Россия».

Многие аналитики не отрицают, что идея суверенитета и территориальной целостности государства перестала быть аксиомой. Запад не собирается скрывать свою приверженность двойным стандартам в данном вопросе. Когда стояла задача развала СССР и последующего максимально возможного ослабления России, во главе угла оказывался принцип самоопределения народов. А когда понадобилось создать вокруг России сдерживающий барьер, то его готовы строить из чего угодно, в том числе из «государств-неудачников». И тут уже принципиальной роли не играют ни их несостоятельность, ни уровень демократии, ни политическая культура вождей, ни положение национальных меньшинств, ни нарушения прав человека, ни степень соответствия стандартам рыночной экономики. Что действительно значимо, так это их решимость объединиться против России с другими такими же постсоветскими фрондерами. Применительно к ним Запад провозглашает «священную» идею о государственно-территориальной целостности, поддерживая и борьбу «центра» против фактически независимых провинций, и решение об упразднении автономий, и революционные импровизации, нацеленные на свержение неугодных региональных лидеров: мол, местные сепаратистски ориентированные власти отстаивают свободу грабить народ, совершать финансовые махинации, обворовывать казну, взимать мзду с преступников, создавать кланово-мафиозную структуру административного управления. Все это — правда, но правда, однако, и в том, что карающий «центр» живет по точно таким же правилам, но только масштаб коррупции и морального разложения шире в силу больших возможностей. Цивилизованный Запад вынужден терпеть разгул закавказских «демократий» во имя геополитических целей.

После не очень долгой паузы, вызванной событиями 11 сентября 2001 года, оправившийся от шока Запад вновь подверг Москву

пропагандистскому прессингу по поводу Чечни. «Террористы» и «бандиты» опять превратились в «повстанцев», внутрироссийский вопрос — в международный, а права человека — в абсолютную ценность, стоящую неизмеримо выше прав людей. Любой шаг кремлевского руководства подвергается критике. Не нравится все: курс на создание в Чечне дееспособных органов управления и контроля за ситуацией, стремление восстановить хозяйство и наладить мирный быт, идея о разоружении населения путем скупки оружия, амнистирование боевиков, система организации местных выборов, возвращение беженцев и пр. Создается такое впечатление: чем больше удастся, тем меньше это нравится. Плохо, стало быть, не то, что жизнь чеченцев мало-помалу устраивается, а то, что она устраивается Россией.

Прагматичный Запад прекрасно осознаёт, что на постсоветских просторах будет доминировать (открыто или негласно) тот, кто сумеет обеспечить там мир и благополучие. Именно поэтому миротворческие инициативы нашей страны подвергаются демонстративному обструкционизму. В качестве «теоретического» оправдания подобного поведения европейские аналитики ссылаются на опасения Запада в связи с тем, что Россия, не состоявшаяся как цивилизованное государство, поддастся соблазну пойти по неоимперскому пути. Итоги постсоветского развития России на совершенно мизерном по историческим меркам временном отрезке преподносятся как провальные: неизвестно, победил ли капитализм, но демократия уж точно проиграла. Россия сохранила культуру насилия, не обретя культуры власти. Своей неспособностью найти и понять себя она только пугает Запад и провоцирует его на нервный поиск средств защиты. Вместе с тем нет и намека на то, что часть вины за произошедшее несут западные страны.

Риторика по поводу отсутствия альтернативы политике «стирания разделительных линий» заканчивается там, где речь заходит об интересах России на Кавказе. Молчаливо признается целесообразность превращения Главного Кавказского хребта в «санитарный кордон», причем даются четкие ответы на вопрос, кому это выгодно. Здесь, кстати, и у Москвы найдется ответ, если она безоглядно увлечется темой необходимости возведения на Кавказе барьеров против террористических и прочих угроз с Юга.

Все это сопровождается призывами к наращиванию силового потенциала Европейского союза ввиду сокращения американского военного присутствия в Европе.

REALPOLITIK ПО-КАВКАЗСКИ

Впрочем, было бы серьезной ошибкой считать западных политиков и работающих на них интеллектуалов монолитной корпорацией единомышленников. Есть аналитики, не видящие никакого резона в том, чтобы растрачивать силы на реализацию рискованной стратегии вытеснения России из традиционных сфер ее влияния. Поскольку заменить нашу страну Запад по целому ряду причин не в состоянии, лучше уж оставить все так, как сложилось исторически. Москва всегда найдет общий язык с бывшей советской периферией, с которой европейские лидеры не умеют разговаривать. Поэтому рациональнее всего сотрудничать с Россией, а не соперничать: так можно добиться гораздо большего.

Также встречается понимание идея о недопустимости образования на постсоветском пространстве вакуума силы, ибо он будет стихийно заполнен экстремистской идеологией и агрессивной политикой. По сравнению с региональными и глобальными последствиями этого явления противоречия между Россией и Западом покажутся детскими шалостями. Вероятность возникновения подобного вакуума велика, если случится, что ЕС (совместно с США или без них) вначале возьмет на себя ответственность за положение дел (включая сферу безопасности) в новых независимых государствах, а затем, столкнувшись с проблемами, аналогичными афганским и иракским, ретируется, как уже приходилось это делать американцам. Москва же имеет огромный исторический опыт общения с политическим истеблишментом Закавказья и Центральной Азии, а также немалые миротворческие заслуги в тех регионах. Там привыкли к ее стилю поведения, хотя и не отличающемуся изысканностью и деликатностью, но, возможно, как раз поэтому и приносящему плоды.

Иные западные эксперты настоятельно рекомендуют Евросоюзу (и США) помнить, что Кавказ есть тончайшая и легко воспламеняемая материя, предполагающая крайне осторожное обращение с ней. Успех применения здесь политтехнологических моделей, удачно испытанных в других регионах мира, отнюдь не гарантирован. Пожалуй, не иначе как реализмом высшей пробы можно назвать призывы отдельных наблюдателей к осознанию характерной (впрочем, имеющей глубокую историческую подоплеку) особенности нынешней ситуации на Кавказе. Суть ее в том, что Россия — приоритетный партнер для кавказских политических элит и попыт-

ки их переориентации приведут к еще большему обострению внутривнутрирегиональных и международных противоречий.

Заслуживает внимания мысль о том, что Северный Кавказ находится под пристальным наблюдением ближневосточных террористических организаций, деятельность которых может приобрести там широкий размах, если Россия будет провоцировать их на это своей слабой и непоследовательной политикой.

Бытуют и другие вариации на тему «Как нам [Западу] обустроить постсоветское пространство, не упустив исторического шанса». Судьба российского и советского имперского наследия осмысливается по-разному, но всегда в контексте западных национальных или, теперь уже скорее, наднациональных интересов. Совпадут ли они с интересами России или нет — вопрос не самый важный. Хорошо бы, конечно, чтобы совпали, поскольку это избавит от лишних хлопот. Но если этого не произойдет, Запад горевать не станет. Ведь суть государственной политики — забота о собственном благе.

Нет единомыслия и в среде российских интеллектуалов. Инерция прежней идеологической угодливости по отношению к Западу идет на убыль. Одновременно усиливается «реально-политическое» направление, основанное на таких принципах, как государственничество и державность. Запад относится к ним с понятной настороженностью, хотя именно он привил нам навыки распознавания полезного и вредного для России.

Наличие различных подходов к политике России на Кавказе иллюстрируют недавние события в этом регионе. Одни наблюдатели склонны считать позицию, занятую Кремлем в аджарском кризисе, «прорывом», ибо она демонстрирует цивилизованному Западу пример бескорыстного служения делу мира и стабильности. Другие так и не возьмут в толк, какими же это заслугами снискало тбилисское руководство расположение Москвы. Не систематическими ли усилиями по насаждению русофобской истерии в Грузии? Или своим прозападным и пронатовским курсом? Или, быть может, усердием в создании антироссийских альянсов по всему периметру российских границ? Так или иначе, но успешная инсценировка «революции роз» в Аджарии не состоялась бы без поддержки Москвы и тогда для младогрузинских реформаторов все могло бы закончиться катастрофой. Тем, кому не по душе внешнеполитическая благотворительность, остается надеяться, что это не бесплодный альтруистический жест.

В завтрашнюю благодарность за вчерашнюю помощь не стоит верить. Не лучше ли недвусмысленно дать понять, что логическим следствием добровольного или принудительного ухода России из Закавказья будет ее отказ от всякого рода усилий по «бархатизации» опасных революционных процессов в регионе, а также от любых моральных и правовых обязательств по сохранению целостности тамошних государств? Уходить, так уходить. Постсоветские новообразования, которые не в состоянии сами защитить свой суверенитет и государственное единство, заслужили то, что с ними произошло, происходит и еще произойдет.

* * *

В высших политических кругах России усиливаются тревожные настроения по поводу массированного проникновения Запада в Закавказье. Попытки найти адекватный ответ на этот вызов воплотились в международно-правовом оформлении института «кавказской четверки» (Азербайджан, Армения, Грузия и Россия) как главного инструмента решения региональных проблем и осуществления региональной интеграции.

Предвидеть все повороты и перепады глобальной, региональной и локальной конъюнктуры практически невозможно. А потому России и Европе важно заранее договориться о правилах игры и средствах, способных помочь избежать наихудшего сценария в регионе, в котором взрывоопасные тенденции сохранятся и в обозримом будущем.

России не нужен «закат Европы», а Европе ни к чему «закат России». У Европейского союза нет и не будет другого доверенного лица на постсоветском пространстве и более естественного партнера в деле урегулирования постсоветских конфликтов. Две соседние и хорошо знакомые друг другу цивилизации стоят перед небывало сложным вызовом судьбы, которая уже не раз наказывала их за нежелание «взяться за руки, чтоб не пропасть поодиночке».

Рыцарство не умерло на востоке, но восточный паладин-наездник выезжает погулять не для избавления красавиц от чародеев, а для похищения их себе; не для возмездия притеснителям, а для грабежа встречного и поперечного. Очень часто кидается он в опасность, очертя голову, без всякой надежды на выгоды, из одной охоты побуйствовать, истратить на ком-нибудь избыток жизненной деятельности, чтобы принести осколок отбитого оружия домой, или рану на теле, и потом охоть под шум поздравительных песен соседей. Разбойник — самое интересное лицо азиатских сказок и поэм... Непроступность гор и покровительство жителей, даже ханов, дает столько способов удачно и безнаказанно быть им, что разбои в подвластном нам Закавказье, несмотря на все старания правительства, очень нередки. Непокорные горцы хищничают, вкрадываясь под личиной мирных, мирные жители делают то же под именем непокорных.

Александр Бестужев-Марлинский,
«Кавказские очерки»

Иллюстрации из книги «Кавказ и его горские жители».
Москва, 1851

Новый разговор с Россией

Майкл Макфол

Отношения между Соединенными Штатами и Россией пущены на самотек. После весьма многообещающего начала президент Джордж Буш так и не сумел извлечь выгоду из личных взаимоотношений с российским президентом Владимиром Путиным и наладить всесторонние и устойчивые связи между обеими странами. И хотя отношения не так уж плохи и о возврате к холодной войне речи не идет, уровень взаимодействия России и Америки, а также России и Запада в целом мог бы быть значительно более высоким.

Самое печальное заключается в том, что новое охлаждение в отношениях между Америкой и Россией совпало по времени с происходящими в этой стране глубокими негативными изменениями в сфере управления. Демократические институты России всегда отличались хрупкостью и непрочностью. А с тех пор, как в январе 2000 года президентом стал Путин, они еще более ослабли. Сразу после ужасающей сентябрьской вылазки террористов в Беслане Путин объявил о планах дальнейшей централизации политической власти в России. Эти предложения еще больше приближают страну к автократии, способствуя укреплению власти президента и дальнейшему ослаблению власти парламента и губернаторов.

Если автократические методы и авторитарные институты продолжат набирать силу, России будет еще труднее интегрироваться в западное сообщество демократических государств и во взаимоотношениях России и Америки, возможно, вновь появятся напряжен-

Майкл Макфол — редактор журнала *Current History*, научный сотрудник Института Гувера и адъюнкт-профессор политологии в Станфордском университете. Полный текст статьи — на сайте <http://www.globalaffairs.ru>

ность и дух соперничества. В этот критический для России момент творцы американской внешней политики не могут позволить себе оставаться безучастными.

СТАВКА НА РОССИЙСКУЮ ДЕМОКРАТИЮ

Соединенные Штаты заинтересованы в укреплении российской демократии со стратегической, экономической и моральной точек зрения. Даже после распада Советского Союза Россия остается важной мировой державой, что непосредственно затрагивает наши стратегические интересы. Россия по-прежнему единственная страна в мире, способная нанести ощутимый ядерный удар по Соединенным Штатам. Это — одно из тех немногих государств, которые теоретически могут поставлять оружие массового уничтожения (ОМУ) врагам Америки, а значит, от нее зависит и его нераспространение. Обладая правом вето в качестве постоянного члена Совета Безопасности ООН, Россия может существенно облегчить или осложнить наши попытки действовать через ООН и другие международные организации для продвижения жизненно важных американских интересов. Будучи самым крупным мировым производителем и экспортером углеводородов, Россия предоставляет США и их союзникам возможность диверсифицировать и наращивать поставки энергоносителей из государств, расположенных за пределами Ближнего Востока или не входящих в ОПЕК. С Ираном и Северной Кореей, от которых в значительной степени зависит безопасность США, Россия также поддерживает отношения, и, следовательно, не исключено, что она осведомлена об их намерениях. Наконец, действия России, как регионального гегемона в Евразии, способны наносить ущерб или быть полезными американским союзникам в этом регионе.

Вот почему и внутреннее развитие России, и ее поведение на международной арене имеют стратегическое значение для Соединенных Штатов. Россия в военном и экономическом отношении значительно слабее, чем Советский Союз в период распада. Даже если бы Москва захотела поддержать антиамериканские движения в странах Третьего мира или сколотить антинаатовские блоки, у нее вряд ли хватило бы на это сил. Но у России остаются тысячи ядерных боеголовок, способных долететь до Америки, и отход правящего в России режима от демократии снова превратит этот арсенал в серьезную угрозу.

Сегодня в России нет диктатуры. Вместе с тем отсутствие демократической консолидации в этой стране уже неблагоприятным образом сказалось на американских интересах. Антидемократические тенденции в российской политике замедляют вступление России в западные многосторонние институты. А натянутость в отношениях с Европейским союзом (ЕС) и НАТО отчасти объясняется сомнениями последних в приверженности России демократическим ценностям.

Сегодня Путин все еще имеет высокий рейтинг поддержки со стороны российского населения, и потому стоит ему захотеть — и он сможет действовать без оглядки на все эти антидемократические, неререформированные элементы. Однако временами создается впечатление, будто Путин чувствует себя обязанным перед этими силами. Бывшие офицеры ФСБ, занимающие различные посты в правительстве Путина, обладают огромным влиянием. Если возобладает худший сценарий и демократия будет полностью отвергнута, Путин или его преемник окажется в абсолютной зависимости от этих сил. Для защиты авторитарного правления понадобятся вооруженные люди, рекрутируемые из тех, кто тоже наиболее враждебен Западу и, в частности, Соединенным Штатам.

ОБУЗА ДЛЯ ЭКОНОМИКИ

Углубление автократических тенденций в долгосрочной перспективе замедлит экономический рост России, что не отвечает ни российским, ни американским интересам. В прошедшие четыре года некоторые были склонны утверждать, будто антидемократическая политика Путина — это необходимое для достижения удовлетворительного экономического роста зло.

Однако диктатуры не всегда создают благоприятные условия для экономического роста. Диктатуры наиболее эффективны, когда страна нуждается в переходе от аграрного общества к индустриальному. Что же касается современной России, то перед ней стоит задача перехода от индустриальной к постиндустриальной экономике. Советскому государству удалось построить гигантский машиностроительный завод «Уралмаш», но современное Российское государство не в силах породить нового Билла Гейтса. Опыт посткоммунистических стран ясно указывает на то, что, чем быстрее устанавливается демократия, тем быстрее реформируется экономика и тем выше темпы экономического роста.

Вообще говоря, трудно как-то увязать антидемократические действия Путина с его стремлением ускорить экономический рост. Разве экономика хоть как-нибудь выиграла от того, что независимые голоса в государственных средствах массовой информации (СМИ) были вынуждены замолчать? Неужели притеснения антивоенных активистов способствуют увеличению золотовалютных ресурсов страны? Можно ли представить доказательства позитивного влияния войны в Чечне на экономику? На самом деле налицо признаки того, что авторитарные тенденции в России замедляют экономический рост. Война в Чечне — это очевидное и совершенно ненужное бремя для бюджета. Наступление на «ЮКОС», крупнейшую нефтяную компанию России, уже послужило причиной обвала российского фондового рынка на 50 % в период с апреля по июль 2004 года. Эта кампания травли отпугнула потенциальных инвесторов и отбила желание у других российских предприятий делать свою финансовую отчетность прозрачной. Показатели бегства капитала из России в первые шесть месяцев 2004-го достигли 5,5 млрд долларов по сравнению с 2,9 млрд за весь 2003 год.

Факты говорят о том, что Российское государство, не сдерживаемое никакими демократическими противовесами, скорее мешает, чем помогает бизнесу, требуя все более крупных взяток от ведущих предприятий и компаний. Между тем недавно проведенные исследования переходных экономик показывают, что независимые СМИ и конкурентоспособная партийная система куда важнее в борьбе с коррупцией, чем раздутый полицейский штат. Но в современной России подобный независимый мониторинг коррупции отсутствует. Тот факт, что Россия так сильно зависит от нефтяного и газового экспорта, как источника твердой валюты, может привести к развитию в ней капитализма для избранных.

ВАЖНОСТЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Америка должна способствовать укреплению демократии в России хотя бы потому, что сами россияне хотят жить в условиях демократии. Согласно всем недавним опросам общественного мнения, россияне дорожат демократическими идеалами и процедурами, хотя в настоящее время они, возможно, и не готовы сражаться за демократию.

Некоторые считают, что заинтересованность США в укреплении российской демократии расходится со стремлением Америки добиваться содействия России в борьбе с терроризмом и распространением

нием ОМУ. Но одно не должно исключать другое. Правительство США способно одновременно преследовать множество разных целей во взаимоотношениях с такими трудными, но стратегически важными странами, как Россия.

В общем и целом для оздоровления американско-российских отношений нужна новая повестка дня. Соединенные Штаты могли бы намного энергичнее сотрудничать с Россией в области противодействия распространению ядерного оружия (ЯО) на уровне различных международных институтов, а также в деле укрепления региональной безопасности в Евразии. Президент Буш уделяет мало времени и сил развитию конструктивного диалога с Россией по этим вопросам. Американско-российские отношения слишком важны, чтобы их и дальше отодвигать на задний план.

СНИЖЕНИЕ ЯДЕРНОЙ УГРОЗЫ

Движимые общими интересами, Соединенные Штаты и Россия уже сотрудничают на многих направлениях, связанных с нераспространением ОМУ. Совсем недавно, в июне 2004-го, Россия согласилась войти в ядро группы из 60 стран, сотрудничающих в рамках «Инициативы по безопасности в борьбе с распространением (ядерного оружия)», выдвинутой президентом Бушем. Это обнадеживающий жест, но предстоит сделать гораздо больше. Американско-российские отношения крайне нуждаются в новом грандиозном проекте сотрудничества. Ускорение демонтажа ядерных вооружений — возможно, даже с помощью нового договора — могло бы способствовать установлению иной атмосферы сотрудничества между Россией и США и созданию препятствий на пути распространения ЯО во всем мире, что является целью американской политики.

Формирование международной коалиции против распространения ядерного оружия требует, чтобы Соединенные Штаты возложили на себя более четкие и заслуживающие доверия обязательства по сокращению собственного ядерного арсенала. Необходимо заключить договор, определяющий правила подсчета и сроки демонтажа боеголовок, четкие и строгие процедуры контроля, а также предусматривающий непрерывный характер процесса сокращения и запрет на складирование демонтированного оружия (в противоположность нынешнему Договору о сокращении стратегических наступательных потенциалов). Такой договор продемонстрировал бы всему миру, что Соединенные Штаты серьезно относятся к своим обяза-

тельствам, оговоренным в статье 6 Договора о нераспространении ядерного оружия.

Необходимо, чтобы Соединенные Штаты и Россия подписали новое двустороннее соглашение о прекращении научно-исследовательских работ в области новых видов ЯО. Между тем оба президента — и Буш, и Путин — поддерживают разработку новых программ ядерного вооружения. В «Обзоре состояния ядерной отрасли за 2002 год» администрация Буша заявила о намерении создать ядерное оружие малой мощности в качестве более действенного средства для поражения подземных бункеров. Российская военная доктрина по-прежнему делает ставку на применение боевого ядерного оружия. Кроме того, в феврале 2004-го Путин объявил о намерении развернуть новое поколение стратегических баллистических ракет, оснащенных ядерными боеголовками.

Во всей этой модернизации нет никакой необходимости. В частности, ни США, ни России не нужно разрабатывать «миниатюрные ядерные заряды» или ЯО для уничтожения бункеров, поскольку размещение этих систем пусть и незначительно, но увеличит вероятность применения ядерного оружия. Нынешняя же российская военная доктрина движется в противоположном направлении: обеспечение ее национальной безопасности все в большей степени зависит от ядерного оружия. Точно так же упор на упреждающем ударе, который делает администрация Буша, в сочетании с разработкой новых миниатюрных ядерных зарядов является тревожным сигналом остальному миру о том, что американцы могут первыми применить смертоносное оружие. Лишь после того как Соединенные Штаты и Россия возьмут на себя обязательства по снижению роли ЯО в обеспечении национальной безопасности, другие страны пойдут тем же путем.

Чтобы продемонстрировать приверженность сокращению разработок ядерного оружия, президент и Сенат США должны совместно выработать предложения о внесении изменений в Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, позволяющие США ратифицировать его.

Россия по-прежнему располагает арсеналом от 3 до 4 тысяч ядерных боеголовок, тогда как Соединенные Штаты держат в боевой готовности от тысячи до 2 тысяч боеголовок. В качестве первого доказательства решимости уменьшить зависимость от нестратегических ядерных боеголовок США должны полностью вывезти их с территории Европы.

Более амбициозная задача для Соединенных Штатов и их западных союзников — это предложить России выкупить у нее контракт с Ираном по строительству АЭС в Бушере стоимостью один миллиард долларов. Любая передача ядерной технологии Ирану в настоящее время не служит ни российским, ни американским национальным интересам. В то же время Россия рискует потерять миллионы долларов от закрытия проекта в Бушере и может лишиться гораздо большего, если Иран предпримет в качестве возмездия ответные меры в других областях экономического сотрудничества.

В обмен на полную остановку проекта в Бушере США и ЕС могли бы компенсировать России убытки, заключив с ней соглашение наподобие того, что было заключено в начале 1990-х годов с целью не допустить передачу российской ракетной технологии Индии. России можно предложить либо компенсацию ее потерь наличными, либо новый, более крупный контракт, связанный с атомной энергетикой (например, с хранением отработанного топлива). И то и другое — весьма незначительная цена за то, чтобы не позволить Ирану обзавестись собственным ядерным оружием.

Кроме того, США и России следует более энергично сотрудничать, чтобы не допускать распространения технологий баллистических ракет. В 1998-м президенты Билл Клинтон и Борис Ельцин договорились создать в Москве двусторонний информационный центр, дабы упростить задачу обмена данными о запусках ракет во всем мире. Прошло шесть лет, а центр все еще не открыт.

Нынешний уровень финансирования администрацией Буша программы Нанна — Лугара, направленной на оказание России помощи в уничтожении и безопасном хранении ОМУ, не отражает необходимости безотлагательного (с учетом событий 11 сентября 2001 года) снижения ядерной угрозы. Почти все дополнительные суммы, выделенные Министерству энергетики на борьбу с распространением ЯО, были израсходованы на безопасное хранение и уничтожение американских, а не российских расщепляющихся материалов.

Более глубокому развитию программы Нанна — Лугара препятствует также ограниченный доступ к складам российских Министерства обороны и Федерального агентства по атомной энергии. Американским официальным лицам следует способствовать снижению подозрительности Москвы, расширив для ее представителей возможность доступа на американские военные склады. Чем больше прозрачности, тем лучше. Темпы работ по сокращению ядерной

угрозы также должны ускориться, поскольку в условиях действия нынешней программы безопасность российских запасов ядерного оружия, согласно оценкам, не будет обеспечена еще лет десять. Особое внимание нужно уделить обезвреживанию высокообогащенного урана в российских военно-морских системах, подлежащих демонтажу. Американские официальные лица должны также гарантировать, что они не будут увязывать реализацию программ снижения ядерной угрозы с действиями России в других областях двусторонних отношений.

С помощью американских средств и российского оборудования обе страны должны совместными усилиями вывезти весь высокообогащенный уран из научно-исследовательских учреждений бывших советских республик.

США и России следует также подписать более осмысленный договор по обезвреживанию расщепляющихся материалов, предусматривающий более эффективный контроль за его выполнением. Для этого Соединенным Штатам необходимо отозвать свое нынешнее предложение ограничить процедуры контроля (пока администрация Буша не желает, чтобы проверка американских складов на местах осуществлялась какой-либо международной организацией). Кроме того, российским и американским официальным лицам необходимо возглавить работу по принятию нового протокола к Договору о нераспространении ядерного оружия. Этот протокол запрещал бы безъядерным странам приобретать технологии законченного топливного цикла (система переработки отработанного топлива) с целью развития мощностей для ядерного синтеза. Требуется прекратить экспорт этих технологий и взамен установить такой международный режим, который позволял бы странам, желающим вырабатывать электроэнергию с помощью атомных реакторов, приобретать ядерное топливо, а также гарантировал бы вывоз отработанного ядерного топлива с их территории. Такой режим может быть создан лишь при тесном сотрудничестве Соединенных Штатов и России.

Наконец, просто нелепо, что по прошествии более 10 лет после окончания холодной войны американские и российские ядерные силы находятся практически в состоянии полной боевой готовности.

И СНОВА О ЧЛЕНСТВЕ В КЛУБАХ

Большим достижением эпохи, последовавшей за окончанием холодной войны, является тот факт, что Россия стала членом или парт-

нером таких организаций, как «большая восьмерка», Всемирная торговая организация (ВТО), НАТО и Европейский союз. В предстоящие два десятилетия Соединенным Штатам нужно всерьез задаться целью полномасштабной интеграции России в эти западные клубы. Полноценное участие России в их работе превратит страну в важного торгового партнера и сильного союзника США и Европы. Если же Россия останется за бортом этих организаций, она может стать помехой или даже угрозой на пути дальнейшего расширения и укрепления этих институтов. В то же время Америка должна совместно со своими европейскими союзниками работать над принятием в эти организации других стран, образовавшихся после распада СССР. Самое важное, чтобы НАТО и ЕС продолжали пусть медленно, но расширяться, предоставляя возможность всем странам Европы и государствам Южного Кавказа (а может быть, даже и Центральной Азии) воспользоваться преимуществами членства в данных организациях и разделить бремя ответственности.

В первые годы после крушения Советского Союза и образования независимой России американские и европейские политики понимали интеграцию как инструмент усвоения Россией западных норм и ценностей. Россия не соответствовала тем стандартам, которые могли бы позволить ей стать полноправным членом «клуба восьми» или даже получать средства от Международного валютного фонда (МВФ). Однако президент Клинтон настоял на изменении правил этих организаций, с тем чтобы включить в них Россию: коль скоро Россия окажется внутри клуба, она будет вынуждена принять его нормы и постепенно влиться в западное демократическое сообщество. Эта стратегия принесла свои плоды, хотя и ограниченные, потому что, как только перед Россией распахнулись двери, кремлевские чиновники решили: их страна слишком велика и важна для мира, чтобы ей можно было угрожать исключением. Например, российские официальные лица небеспричинно считали, что условия МВФ не распространяются на Россию в той же мере, в какой они относятся к меньшим по размеру и стратегической значимости (то есть безъядерным) государствам. Исходя из стратегической важности России, Ельцин считал членство своей страны в «восьмерке» ее законным правом, несмотря на то, что Китаю было в этом праве отказано. Переговоры России с ЕС, а также переговоры о вступлении в ВТО дают основания полагать, что Россия рассчитывает на особые условия и особое к себе отношение.

В будущем Соединенным Штатам и их западным союзникам понадобится изменить эту логику на прямо противоположную. России только тогда может быть предложено вступить в международные организации, когда она будет соответствовать их стандартам. Членство, даже ограниченное, не должно рассматриваться как способ подтолкнуть Россию к соблюдению норм. И если Россия после вступления нарушит эти нормы, необходимо всерьез ставить вопрос об ее исключении. Например, если Путин продолжит откат от демократии и еще больше повысит роль государства в управлении экономикой, статус России в «восьмерке» следует пересмотреть.

Необходимо также изменить подход к принятию России в экономические и военно-экономические институты. Десять лет тому назад Ельцин и его администрация считали членство России в Европейском Союзе более желанным и достижимым, нежели членство в НАТО. Сегодня уже понятно, что Россия на протяжении еще нескольких десятилетий, а вероятно, и никогда, не сможет вступить в ЕС, поскольку в обозримом будущем просто не будет способна соответствовать всем критериям членства. А если бы даже она захотела и смогла соответствовать этим стандартам, никто в Брюсселе не встретил бы ее с распростертыми объятиями: уж слишком Россия велика. Разочарование по поводу сотрудничества между Россией и Европейским Союзом можно было бы смягчить, направив более энергичные усилия на повышение статуса России в НАТО. Конечно, Россия должна выполнить необходимые условия членства в этом клубе, включая укрепление демократии. Тем не менее последовательное продолжение процесса интеграции требует от руководителей альянса начать высказываться с большим оптимизмом о перспективах вступления России в НАТО.

ПОСТРОЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
Российское членство в НАТО — это долгосрочный проект. Пока же России и НАТО необходимо найти способы расширения сотрудничества и отказаться от идеи сохранения нулевого баланса сил в Европе и на территории бывшего Советского Союза. Решение Москвы создать Совет Россия — НАТО стало важным шагом на пути формализации взаимоотношений России с Североатлантическим альянсом. Однако с тех пор как этот Совет был создан, мало что изменилось к лучшему. Напротив, присутствие сил НАТО в Центральной Азии, на Кавказе, а в ближайшей перспективе и в странах Балтии вызывает у

российских генералов опасения, и они все чаще выдвигают версию о натовской стратегии окружения, призывая в качестве ответной меры усиливать влияние России в странах СНГ. Эти неверные представления о российско-американском соперничестве в данном регионе нуждаются в корректировке, и здесь могут помочь совместные проекты, преследующие реальные, а не символические цели.

После распада Советского Союза Россия в одностороннем порядке взяла на себя весь груз ответственности за разрешение так называемых замороженных конфликтов в Приднестровье, Абхазии, Южной Осетии и Нагорном Карабахе. Участие других действующих лиц, включая Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе и Соединенные Штаты, было ограниченным, и они не координировали предпринимаемые шаги с Россией. Поэтому-то и не удалось добиться впечатляющих результатов. Российские официальные лица рассматривают сложившееся положение как приемлемое, хотя на самом деле оно таковым не является. Размораживание конфликта в Южной Осетии летом нынешнего года привело к возникновению очень опасной ситуации, способной вылиться в прямое вооруженное противостояние между Грузией и Россией.

Сутью нового подхода должна быть интернационализация каждого из этих конфликтов, чтобы поиск решений осуществлялся всем мировым сообществом. Россияне не могут быть единственными миротворцами в этих взрывоопасных регионах. В идеале ООН (включая Россию) могла бы поддержать размещение там новых многонациональных воинских контингентов. Переговорные процессы также должны быть интернационализированы. Например, грузинские официальные лица могут сесть за стол переговоров со своими российскими партнерами только в том случае, если в них примут участие американцы и европейцы.

РАЗВИТИЕ ДЕМОКРАТИИ

Исход битвы за демократию в России в основном определяют внутророссийские силы. Америка может лишь помогать склонить чашу весов в сторону тех, кто поддерживает свободу. Пытаясь повлиять на экономические и политические события внутри России, Соединенные Штаты не располагают большим набором инструментов. Нашей главной стратегией должны стать всеобъемлющие, устойчивые и осмысленные контакты со всеми элементами российского общества. Более того, и российское общество стремится поддерживать

дружественные отношения с Западом. Как показал опрос общественного мнения в январе 2004 года, 75 % российских респондентов хотят видеть свою страну союзницей или другом Запада. Лишь 17 % высказали мнение, что Запад следует рассматривать как конкурента, и менее 3 % считают Запад врагом.

Американская поддержка России в развитии рыночных и демократических институтов не должна восприниматься как направленная против Путина или против интересов Российского государства. В своем ежегодном обращении к Федеральному собранию в мае 2004-го Владимир Путин сказал: «Наши цели абсолютно ясны: высокий уровень жизни в стране в условиях всеобщей безопасности, свободы и комфорта, зрелая демократия и развитое гражданское общество, усиление позиций России в мире». Напрямую обращаясь к российскому обществу, США могут помочь Путину в достижении этих целей.

Вместе с тем в последние два года представители администрации Буша делали противоречивые заявления о степени своей озабоченности в связи с отходом России от демократических принципов. В то время как посол США в Москве Александр Вершбоу и (теперь уже бывший) заместитель помощника государственного секретаря Стивен Пайфер выражали серьезное беспокойство по поводу внутривнутриполитических событий в России, президент Буш высказывался в совершенно ином духе. Решение США, по сути, в одиночку начать войну против Ирака вкрупне с нарушениями прав узников в Гуантанамо и Ираке ставят под сомнение авторитетность заявлений администрации Буша об отступлении других стран от принципов демократии. Тем не менее, кто бы ни стал новым американским президентом, он должен продемонстрировать свою решимость продвигать дело свободы за рубежом. Невнимательность президента Буша к ослаблению демократии в России подрывает авторитет чиновников рангом ниже, позволяющих себе более критичные высказывания. Чтобы действовать эффективно и вызывать к себе доверие, американским лидерам необходимо единодушно высказываться по таким важным вопросам.

Америке следует продолжать выделять средства, необходимые для поддержания развития демократии в России. Работа по установлению демократии в России не только не завершена, но все более связана со всякого рода затруднениями. И если Соединенные Штаты бросят демократических активистов России на произвол судьбы сейчас, задолго до того, как демократия пустит корни в России, то

как это воспримут демократические лидеры Ирака и Афганистана, покажется ли им американская политика достаточно последовательной? Обсуждаемое сокращение финансирования программ обмена — это тоже недальновидный и опасный шаг. У Соединенных Штатов нет более убедительных средств для развития демократии во всем мире, чем собственный пример.

Хотя в этом есть своя ирония, возможно, самым важным шагом в деле укрепления демократии в России в долгосрочной перспективе станет деятельное участие Америки в обеспечении демократической передачи президентской власти в Украине осенью этого года. Если вслед за обнадеживающим демократическим обновлением Грузии маятник качнется в сторону демократии и в Украине, это будет мощным сигналом для всего региона. С другой стороны, фальсификация выборов или серьезные нарушения в ходе избирательной кампании явятся еще одним подтверждением того факта, что все лидеры, находящиеся у кормила власти в государствах бывшего Советского Союза, способны пренебречь волей народа. Америке нужно мобилизовать все дипломатические резервы и использовать влияние европейских союзников для создания условий, способствующих свободным и справедливым выборам в Украине.

Соединенные Штаты не способны обратить вспять антидемократические тенденции внутри России. Россия слишком велика, а Путин слишком силен. Но американские политики должны недвусмысленно заявить о том, на чьей они стороне. Выступая в прошлом году в Государственном фонде в защиту демократии и говоря об эпохе холодной войны, президент Буш напомнил: «Мы были вдохновением для угнетенных народов. В тюремных стенах, на запрещенных профсоюзных собраниях, в подпольных храмах мужчины и женщины знали, что люди во всем мире живут другой, не такой кошмарной жизнью. Они знали, что есть по крайней мере одно место — яркая, вселяющая надежды страна, — где свобода ценится и охраняется. И они молились о том, чтобы Америка не забыла о них и о своей миссии бороться за свободу во всем мире».

Российские демократы все еще молятся о том, чтобы мы не забыли о них и не отказались от выполнения своей миссии бороться за свободу во всем мире, в том числе и в России.

ОТВЕТЫ ПО-КИЕВСКИ

Продавщица Мария Филиппова в киевском магазине украинских художественных изделий
Журнал «Советский Союз», 1947 год

“*Сегодняшняя Украина сложна. Она не заслуживает упрощенного восприятия и тем более примитивных методов воздействия, каковые, к сожалению, применялись внешними игроками в ходе выборов 2004 года. На нее можно эффективно влиять только при уважении ее реалий и понимании особенностей самовосприятия украинских элит*”

Украина: путь на Запад

Роналд Асмус

174

Украина после Кучмы

Аркадий Мошес

188

Украина: путь на Запад

Роналд Асмус

Представьте себе такой сценарий. 2010 год. Украина только что получила приглашение вступить в Организацию Североатлантического договора на саммите НАТО, который состоится в Варшаве. На Польшу, как место проведения саммита, выбор пал в знак признания ее активной роли в развитии отношений между НАТО и Украиной. После избрания осенью 2004-го нового президента Украины, политика страны кардинально изменилась. С тех пор Киев продемонстрировал значительный прогресс в преодолении политической нестабильности, борьбе с коррупцией и проведении основных экономических реформ. Во внешней политике перемены не менее серьезны: явный акцент сделан на сотрудничестве с Западом. С новым прозападным правительством, ориентированным на проведение реформ, Украина наряду с Польшей стала одной из стран региона, проводящих четкую и последовательную проатлантическую политику, превратившись в регионального лидера реформ и одного из главных участников миротворческих операций альянса в Афганистане и на всем Большом Ближнем Востоке.

Улучшение отношений Украины с НАТО ознаменовалось одновременным укреплением связей с Европейским союзом. Проблема определения стратегического места и роли Украины в Европе уже

Роналд Асмус — старший научный сотрудник Трансатлантического отдела в Германском фонде Маршалла (США). В 1997–2000 гг. — заместитель помощника госсекретаря США по европейским делам, отвечал за отношения с НАТО и европейскую безопасность. Данная статья представляет собой сокращенный вариант его выступления на конференции «Украина в Европе и мире», прошедшей в Киеве в феврале 2004-го. Полный текст статьи — на сайте <http://www.globalaffairs.ru>

решена. То, что раньше казалось недостижимым, сейчас становится все более вероятным: Еврокомиссия отметила значительные успехи Украины и признала, что та соответствует Копенгагенским критериям Евросоюза. Впрочем, в ЕС все еще идут дискуссии по поводу «европейскости» Украины, гадают о том, как ее вступление отразится на финансах Европейского союза и даже сколько мест в Европарламенте она получит по новой Европейской конституции. Тем не менее многочисленные западные эксперты уверены, что вступление Украины в Евросоюз — это лишь вопрос времени и что ЕС скоро объявит о своей готовности к переговорам по этому поводу. Давняя мечта многих украинцев стала воплощаться в жизнь.

Значительные успехи Украины во внутренней и внешней политике имели стратегические последствия как для региона в целом, так и для государств, расположенных за его пределами. Геополитическая карта Европы и Евразии стала трансформироваться подобно тому, как это случилось после разворота стран Центральной и Восточной Европы в сторону Запада десять лет назад. Украина не просто раздвинула границы интеграционного объединения и стабильности далее на восток до непосредственных рубежей России — ее достижения распространились подобно волновому эффекту на весь регион. Фактически Украина стала центром новой группы демократических, ориентированных на реформы стран, простирающихся на территории от постлукашенковской Белоруссии на севере до Грузии и других закавказских республик на юге. Эксперты также признали, что демократизация Украины послужит примером для демократической оппозиции в России, и предположили, что скатывание России к авторитаризму наконец-то будет остановлено.

Вместе с тем успешно осуществленная трансформация Украины и ее ориентация на Запад стратегически значимы и по другим причинам. Интеграция страны с населением 50 млн человек в евроатлантическое сообщество серьезно укрепила мир и безопасность в этой критически важной его части. Кроме того, интеграция Украины способствовала стратегическому переходу альянса от обороны Старой Европы к созданию новой платформы для более тесного сотрудничества США и Европы в борьбе с нестабильностью и угрозами, исходящими из Большого Ближнего Востока, — главной опасностью XXI века. Укрепление стратегической мощи Украины имело своим результатом не только ее активное участие в операциях НАТО по поддержанию стабильности на Большом Ближнем Востоке. Успешные демократиче-

ские и экономические реформы в Украине предоставили Западу дополнительную возможность проецировать свое политическое влияние и поддерживать стабильность на Кавказе, в Центральной Азии и далее на Большом Ближнем Востоке.

Неужели такой сценарий надуман и совершенно неосуществим? Или же он вполне возможен, если украинское руководство и западные лидеры приложат совместные усилия для того, чтобы эта картина стала реальностью? Если сегодня трезво оценивать вероятность такого развития событий, то мы приходим к выводу, что она невелика.

Празднование торжественного дня
в одном из городков Галиции.
«Газета А. Гатцука», 1878

Многие западные наблюдатели высказывают серьезные сомнения по поводу желания и возможности Украины следовать западному курсу реформ. Скандалы, разочарования и промахи украинского руководства в последнее десятилетие привели к тому, что Запад устает от Украины и время от времени будущее страны выпадает из его повестки дня. Снижение интереса Запада не остается незамеченным и в Киеве, где многие ставят под вопрос готовность США и Европы помочь Украине стать полноправным членом евроатлантического сообщества.

В то же время каждый, кто знает, какие ожесточенные дебаты по поводу расширения НАТО и Европейского союза шли в 1990-е, помнит, насколько радикальные и неопределенные суждения об этих процессах высказывались в самом начале. Если бы мы тогда рассматривали вероятность включения в НАТО и Евросоюз более десятка центрально- и восточноевропейских стран в течение следующих десяти лет, она была бы так же мала. Цель полной интеграции Украины с Западом достаточно амбициозна, хотя не более «нереальна», чем цели, уже поставленные и достигнутые Западом за последнее десятилетие. Во многих отношениях это очередной логический шаг и проект, который евроатлантическое сообщество должно осуществить.

Более того, если принять во внимание стратегические вызовы, с которыми Запад столкнется в будущем, то, очевидно, мы с ними луч-

ше справимся, имея на своей стороне прозападную демократическую Украину. Но такая метаморфоза не произойдет сама собой. Она возможна, только если у руля в Украине будет стоять новое руководство с новым видением, а Запад вновь осознает необходимость включить вопрос интеграции Украины в число своих приоритетов. А также если будет разработана ясная и реалистичная долгосрочная стратегия по воплощению такого видения в жизнь или если по обе стороны Атлантики найдутся союзники, готовые приложить соответствующие усилия.

КЛЮЧ К УСПЕХАМ ПРОШЛОГО

Прежде чем ответить на вопрос, каковы должны быть основные составляющие стратегии интеграции Украины в ЕС, стоит обратиться к истории и выяснить, чем объясняются достижения Запада в деле интеграции центрально- и восточноевропейских государств в 1990-х годах. В конце концов, не будь такого успеха, сегодня на повестке дня не стоял бы вопрос о месте Украины в евроатлантическом сообществе.

Первой и, вне всяких сомнений, самой главной составляющей этого успеха было само стремление указанных стран — как их руководства, так и населения — стать частью Европы и трансатлантического сообщества. Двери НАТО и ЕС никогда бы не открылись, если бы лидеры стран-кандидатов в них не стучались, а иногда и ломались изо всей силы. Однако тогда, как и сейчас, было недостаточно просто заявить о своем желании присоединиться к Западу. Стремления центрально- и восточноевропейских государств не рассматривались серьезно до тех пор, пока их лидеры и население не только на словах, но и на деле продемонстрировали свою приверженность ценностям и интересам евроатлантического сообщества.

Разумеется, никто не ожидал, что эти страны в один день станут современными западноевропейскими демократиями. Но существовало четкое понимание: эти государства выбрали правильный курс, на который Запад может рассчитывать и с которого их руководство и население не намерено сворачивать. Другими словами, чтобы стать союзниками, страны-кандидаты должны были начать действовать и вести себя, как союзники. Кроме того, им нужно было обрести доверие Запада, развеять его сомнения и попытаться изменить отрицательное к себе отношение.

Сегодня идея о членстве этих стран в западных институтах превратилась из радикальной и даже безрассудной в прописную истину, не вызывающую ни сомнений, ни протеста.

Вторая составляющая успеха в том, что Запад четко обрисовал перед этими странами перспективы, связанные с их членством в западных институтах, что стимулировало их продвижение именно в том направлении. Но эти шаги, в свою очередь, потребовали политического и стратегического обоснования данного проекта. А для этого понадобились значительные интеллектуальные и политические усилия.

Одним из ключевых моментов стало то, что понятие «расширенная Европа» получило новое определение. Теперь речь пошла о едином и свободном континенте, в котором центрально- и восточноевропейские государства – такие же демократические, свободные и безопасные, как страны Западной Европы. После почти пятидесяти лет вынужденного разделения Европы эта концепция многими была поначалу воспринята неоднозначно. И когда в конце 1980-х или начале 1990-х упоминали о Европе, на Западе считалось, что имеется в виду Западная Европа. Центральная и Восточная Европа часто рассматривались как отдаленная и второстепенная часть континента. О вновь образовавшихся странах, таких, как Украина, мало кто знал, и их будущее, не говоря об их роли на Западе, находилось под вопросом.

Другим ключевым моментом явилось стратегическое обоснование расширения НАТО и Евросоюза. Утверждалось, что Западу гораздо выгоднее обеспечить мир и безопасность превентивными мерами, взяв под крыло новые страны, нежели постоянно находиться под угрозой дестабилизации этого стратегически важного региона между Германией и Россией, в одночасье оказавшегося неподконтрольным ни одному государству. Вначале ни у НАТО, ни у ЕС не существовало критериев приема новых членов, и западные страны беспокоились, что интеграция Центральной и Восточной Европы может привести к переваливанию ее проблем на плечи Запада. В результате возникла необходимость разработать такую стратегию расширения, которая создала бы уверенность в том, что оно не подорвет и не разрушит основы эффективной деятельности этих институтов. Критическая политическая масса, необходимая для движения вперед, была получена благодаря осознанию политического и нравственного императива единой, свободной и безопасной Европы, в которой не было бы места войнам. Прогрессу в значительной мере способствовал и тот стратегический аргумент, что нам крайне выгодно использовать появившуюся после окончания холодной войны возможность для того, чтобы раз и навсегда установить мир на континенте. Это двойное со-

ображение явилось основанием для включения стран Центральной и Восточной Европы в качестве главного пункта в повестку дня на дипломатических переговорах в 1990-х годах.

Обо всем этом не могло быть и речи без постоянного покровительства США. Именно Вашингтон стал главным инициатором расширения НАТО, предложив концептуальные и стратегически важные шаги и дипломатическую поддержку для воплощения данной идеи в жизнь.

Что касается отношений с Россией по этом вопросу, то мы полагали, что присоединение к Западу стран Центральной и Восточной Европы путем предоставления им членства в НАТО и Европейском союзе невозможно рассматривать в качестве враждебного шага, а создание зоны стабильности и интеграции на западной границе России отвечает интересам Москвы. В России же, однако, мало кто разделял эту точку зрения. Поэтому Запад шел на расширение границ НАТО и Евросоюза, сталкиваясь с сильным (по крайней мере, на первых порах) сопротивлением со стороны России, считавшей, что такая политика может привести к новому витку конфронтации или холодной войне. Ситуация осложнялась и тем, что для многих союзников в Европе, равно как и значительного числа американцев, расширение НАТО и ЕС было приемлемым только при наличии гарантий того, что это не приведет к новому обострению отношений с Москвой.

Соединенные Штаты и Европа пытались решить эту дилемму, предлагая Москве установить отношения со все возрастающим числом евроатлантических организаций. В то же время Россия понимала, что многие на Западе пойдут на расширение только с ее согласия. Поэтому Москва старалась использовать имевшийся у нее на руках козырь, чтобы как можно сильнее затормозить этот процесс. И только тогда, когда стало очевидно, что расширение состоится при любых обстоятельствах, Кремль занял конструктивную позицию на переговорах о новых взаимоотношениях с Западом.

В процессе того, как Киев и Запад будут пытаться выработать и реализовать общую стратегию интеграции Украины, нам, скорее всего, придется столкнуться с теми же проблемами.

Во-первых, если сегодня Украина хочет, чтобы к ней относились как к действительному кандидату на членство в Европейском союзе, она должна доказать, что серьезно намерена осуществить внутреннюю трансформацию, а также показать столь же успешные результаты, каких добились страны Центральной и Восточной Европы в 1990-х годах.

Во-вторых, и США, и Европа нуждаются в новой концепции расширенной Европы, предполагающей включение в нее Украины и объясняющей с политической и стратегической точек зрения, почему в данный момент интеграция Киева с Западом должна стать главным приоритетом евроатлантического сообщества.

В-третьих, вопрос о том, как сотрудничать с Москвой по мере интеграции Украины с Западом, снова станет камнем преткновения для евроатлантического сообщества (впрочем, как и для Киева). Не менее важно и то, что Вашингтону необходимо сосредоточиться на этой повестке дня как раз в тот момент, когда его внимание все больше отвлекают от Европы новые вызовы, исходящие из других регионов, особенно из Большого Ближнего Востока.

ЧТО НЕОБХОДИМО ПРЕДПРИНЯТЬ?

Отправной точкой для разработки надежной стратегии интеграции Киева с Западом должно стать осознание сходства и различий между Украиной и странами Центральной и Восточной Европы, особенно в том, что касается трех основных факторов интеграции.

Первый фактор — это мотивация со стороны государства, нацеленного на присоединение. И элиты, и общество должны обладать вполне мотивированным стремлением неотступно следовать такой линии во внутренней и внешней политике, которая де-факто делала бы их частью Запада. Они должны подтверждать, что являются союзниками как своими заявлениями, так и своими действиями. Второй фактор — это так называемый «пряник», т. е. гарантия вступления страны в НАТО или Евросоюз в случае соответствия всем необходимым критериям. Третий момент — это стратегия взаимодействия с Россией. Такая стратегия необходима для того, чтобы занять и отстаивать единую позицию Запада в отношении России, взять под защиту страну, претендующую на членство в НАТО или ЕС, и поддерживать позитивные и партнерские отношения с Россией.

Значительное различие между странами Центральной и Восточной Европы, с одной стороны, и Украиной — с другой, состоит в том, что в случае Украины внутренняя мотивация и стремление интегрироваться с Западом слабее, «пряник», предлагаемый Западом, меньше, а российский фактор представляет собою куда большую проблему. Это значит, что любая стратегия интеграции Украины с Западом должна учитывать эти обстоятельства.

Если Запад и Украина хотят выработать реалистичную стратегию на ближайшее десятилетие, то для них первостепенное значение имеют пять следующих шагов.

Во-первых, если Украина желает, чтобы ее воспринимали как вторую Польшу, ей необходимо начать проводить реформы и перестраиваться, действуя, как Польша, во внутренней и внешней политике. Украине следует пойти по такому пути прежде всего потому, что перемены, в сущности, в интересах самого Киева и отвечают надеждам украинского народа. Ничто не изменит позицию Запада по отношению к Украине так быстро и основательно, как успехи последней во внутренней политике.

То, что требуется от Украины, едва ли является секретом или тайной. Украина должна стать демократическим государством и упорядочить свою политическую систему. В стране необходимо реформировать экономику, взяться за решение проблемы экспорта оружия, побороть коррупцию. Список задач можно продолжить. В целях успешной перестройки Украине следует повторить путь, пройденный странами Центральной и Восточной Европы. Запад потребует от Украины не больше, но и не меньше того, что было предложено сделать странам Центральной и Восточной Европы.

Как и многие украинцы, Запад разочаровался и устал от политики действующего руководства в Киеве. Почти никто в западных странах больше не верит в то, что Украина в краткосрочной перспективе собирается и способна измениться таким же образом, как, например, Польша в 1990-х годах.

Единственный путь к смене такого имиджа – закрыть сегодняшнюю главу истории Украины и начать новую, с новым руководством, ориентированным на реальные преобразования. Трудно представить себе, что Запад действительно захочет расширить свои обязательства по отношению к Киеву и оказывать ему более существенную поддержку без явных признаков наличия в самой Украине политической воли к внутренним преобразованиям.

Во внешней политике Украине следует выработать четкую и последовательную программу действий в качестве союзника Запада. В данной области положение Украины лучше, чем в сфере внутренней политики, учитывая ее роль в иракском кризисе и других международных делах. Однако со стороны Киева было бы большой ошибкой считать, что Украина «откупилась» от Запада, в частности от США, послав свои войска в Ирак. Украина может сделать гораз-

до больше, чтобы стать союзником Запада, особеннов ситуации? когда евроатлантическое сообщество стремится выработать новую стратегию в отношении Белоруссии, Черноморского региона и Большого Ближнего Востока. Если бы Украина серьезно взялась за внутреннее переустройство, то она изменила бы в лучшую сторону и внешнюю политику, что, возможно, позволило бы Киеву стать примером для подражания и движущей силой позитивных перемен в странах, расположенных к северу и к югу от Украины.

Во-вторых, чтобы Украина пошла на смену курса, от Запада потребуется, помимо моральной, политической и экономической поддержки, предоставление гарантий того, что со временем Киев станет полноправным членом всех соответствующих евроатлантических организаций. Вновь понадобится коалиция государств-единомышленников по обе стороны Атлантики, для которых интеграция Украины станет стратегическим приоритетом будущего десятилетия, — точно так же, как это было в 1990-е годы со странами Центральной и Восточной Европы. Присоединение Украины к Западу должно стать следующим шагом в завершении строительства европейского и евроатлантического сообщества.

Если быть откровенным, то спрости меня кто-нибудь пять лет назад о том, считал бы я Европу «объединенной», если бы удалось включить в НАТО и Европейский союз все страны от Балтийского до Черного морей, думаю, что, как и многие мои коллеги, я ответил бы «да». Ведь в то время (тогда, в 1997 году, я работал в Государственном департаменте, возглавляемом госсекретарем Мадлен Олбрайт, и отвечал за расширение НАТО) Европа в нашем представлении заканчивалась где-то на польско-украинской границе. Однако сегодня, исходя из достижений прошлого десятилетия, может быть, настало время вновь пересмотреть определение Европы, однозначно включив в него Украину, — так же, как десятилетие назад мы включили в понятие «Европа» Центральную и Восточную Европу.

Новое видение Европы с расширенными границами, над формированием которого предстоит работать, включает, конечно же, не только Украину. Похожие проблемы связаны с вопросом членства Турции в Евросоюзе, а также с перспективой вхождения в него других стран Черноморского региона, таких, как Грузия или даже Азербайджан и Армения. И однажды — надеюсь, в скором, а не далеком будущем — нам придется решать, может ли претендовать на членство в Европейском союзе находящаяся в процессе демократизации

постлукашенковская Белоруссия. Работая в Госдепе в 1990-х, я часто говорил своим подчиненным, что мы должны думать о политике на 10, 25 и 50 лет вперед. Это отражало мою идею о том, что Запад можно будет считать проигравшим, если ему не удастся присоединить к себе страны Центральной и Восточной Европы за десять лет, прошедших после их освобождения от коммунизма. На интеграцию Украины было отведено 25 лет, а России — 50.

Другими словами, нам предстоит продолжить и выиграть интеллектуальную и политическую битву за новое определение Большой Европы, которая будет включать в себя и Украину. Украина же своими действиями должна будет помочь нам победить в этом сражении. С моей точки зрения, Большая Европа должна включать в себя также Турцию и даже Южный Кавказ. Такое новое видение Европы потребует обоснованной стратегии и убедительной мотивации, если мы хотим достижения консенсуса и проявления политической воли. Факторы, сработавшие десять лет назад, неприменимы сегодня, потому что стратегическая ситуация изменилась коренным образом, особенно после терактов 11 сентября 2001 года.

Первая причина, обуславливающая стратегическую важность Украины, связана с тем, что, как утверждал Збигнев Бжезинский, Россия вместе с Украиной — империя, а без Украины — просто страна. Иными словами, успешно демократизированная и ориентированная на Запад Украина — это хороший стимул и гарантия от попыток России вновь поддаться искушению играть роль империи в отношениях с Европой и Западом. Эта мысль особенно важна сегодня, когда на Западе все чаще задаются вопросами, является ли демократический эксперимент в России не совсем удавшимся или вовсе провалившимся и не скатывается ли постепенно Москва к новому виду авторитаризма и неоимпериализма.

Вторая столь же значимая причина связана с Большим Ближним Востоком. Именно из этого региона, вероятнее всего, будут исходить самые большие угрозы для будущей трансатлантической безопасности. Лишь одного взгляда на карту достаточно, чтобы понять, почему для Запада стратегически выгодно сделать Турцию, Украину и Черноморский регион частью евроатлантического сообщества и превратить их в платформу, с которой можно проецировать влияние дальше на восток и на юг, обеспечивая стабильность за пределами региона.

В-третьих, необходимо снизить озабоченность, которую многие европейцы испытывают сегодня в связи с идеей Большой Европы, —

точно так же, как в начале 1990-х они неоднозначно и с опаской относились к расширению Европы до Балтийского и Черного морей.

В основе этой озабоченности — мощь интегрируемого государства, деньги, экономическая эффективность и, наконец, национальные особенности. Мощь государства — важнейшая причина: ведь Украина — крупная страна, которая, претендуя в будущем на значительное количество голосов в Европарламенте, может стать одним из ведущих игроков и оказаться предположительно на одном уровне с другими ключевыми странами — членами Евросоюза. Деньги имеют значение из-за масштабности сельскохозяйственного сектора Украины и объема помощи, на который она теоретически может рассчитывать. Проблема экономической эффективности возникает в связи с тем, что многих европейцев беспокоит то, как ЕС сможет функционировать после присоединения к нему Украины. Наконец, многие европейцы пока еще не знают, что представляет собой Украина как страна и насколько она способна воспринять те ценности, которые Европейский союз поддерживает и намеревается продвигать.

В-четвертых, трудно представить себе успешную интеграцию Украины с Западом без активной поддержки и просвещенного руководства со стороны Соединенных Штатов. США должны возглавить процесс и помочь в формировании такого общего взгляда на проблему и создании такой стратегической ситуации, при которых интеграция Украины станет более реальной. Если Соединенные Штаты правильно разыграют свои карты, им удастся преодолеть скрытое недовольство, существующее в некоторых частях Европы по отношению к Украине. Америке следует также взять в свои руки решение российского вопроса. Как показал опыт 1990-х годов, в Центральной и Восточной Европе, независимо от масштабов использования политической мощи, Вашингтон в любом случае играет роль катализатора и движущей силы в проведении демократических реформ внутри других стран. Американские неправительственные организации и различные частные сообщества тоже могут сыграть важную роль в оказании помощи Украине.

В-пятых, нигде больше последовательная и единая политика Запада так не востребована, как в отношениях с Москвой по украинскому вопросу. Запад опять столкнется с тем, что планы по дальнейшему укреплению стабильности и присоединению демократической Украины, по всей вероятности, будут восприняты многими в России как проявление враждебности. В очередной раз Западу придется от-

казаться от геополитической игры с нулевой суммой и вместо этого быть готовым к защите собственной интеграционной логики.

В действительности же, несмотря на прогнозы многих российских политиков и наблюдателей, присоединение к НАТО и Европейскому союзу стран Центральной и Восточной Европы не явилось новой угрозой западным границам России. Тем не менее политическая реальность такова, что при всей своей красноречивости никакие факты и доводы не повлияют сегодня на политику России. Болезненное отношение Москвы к украинскому вопросу, ее соседство с Украиной, наличие у России рычагов давления на Киев и ее вовлеченность в украинские дела — все это вместе многократно усиливает значение российского фактора в процессе выработки Западом любой «украинской» стратегии.

В этой связи Запад может выбрать одну из трех стратегических линий. Следование первой линии основывается на предположении, что российскую позицию изменить не удастся. Потому озабоченность Москвы стоит просто игнорировать, создавая быстро и без лишнего шума новые реалии, с которыми России придется свыкнуться, а затем уже приступить к строительству новых отношений. Приняв новую реальность, Кремль станет более сговорчивым. Такой подход может быть назван «стратегия *Nike*», так как основан на девизе этой компании — «*Just do it*» («Просто сделай это»).

Второй вариант — попытка Запада использовать ту же двойную стратегию, что была применена в 1990-х. То есть и НАТО, и Евросоюз будут добиваться присоединения Украины, одновременно предоставляя России помощь с целью формирования партнерских отношений. Сотрудничество с Москвой не должно рассматриваться как грубая попытка подкупить или успокоить ее. В конце концов цель Запада останется прежней: продемонстрировать Москве готовность принимать в расчет ее законные опасения, показать, что партнерство способно принести пользу, а также воздействовать на нее, с тем чтобы она отказалась от приверженности к играм с нулевой суммой и начала размышлять категориями взаимовыгодного сотрудничества.

В соответствии с третьим вариантом Запад приступает к интеграции Украины только после достижения согласия по этому вопросу с Россией. Подобный подход исключает риск какой бы то ни было конфронтации или ответных шагов против Запада.

Выбор первой стратегической линии, вероятнее всего, отпугнет союзников и вызовет излишне резкую реакцию Москвы. Пробле-

матичность третьего варианта связана с тем, что Россия получает возможность тормозить процесс. Как подсказывает опыт взаимоотношений с Москвой по этим вопросам в течение последнего десятилетия, она будет противостоять интеграции Украины до тех пор, пока не убедится, что Запад продолжит свою политику в любом случае и несмотря ни на какие возражения. Но тот же опыт свидетельствует, что активное вовлечение России в русло западной политики при одновременном отстаивании Западом своих целей может оказаться наилучшим способом выполнения поставленных задач при одновременной подготовке почвы для «мягкой посадки»: дверь должна оставаться открытой для сотрудничества с Москвой в будущем.

Многие на Западе, несомненно, выберут второй вариант, потому что он оказался действенным в прошлом и позволил добиться успеха на первом этапе расширения НАТО. Но не следует недооценивать тот факт, что сегодня мы наблюдаем перемены в отношении Запада к России.

В последнее десятилетие Запад исходил из того, что во внутренней политике (правда, постепенно и рывками) Россия избрала верный курс и что она заинтересована в сотрудничестве с Западом. Сегодня, однако, все больше людей полагают, что Россия движется в ошибочном направлении, хотя и демонстрирует некоторые успехи. Такой поворот в представлении Запада о России объясняется ее скатыванием к антидемократическому и авторитарному режиму правления, проведением Москвой неоимпериалистической политики в отношении ближайших соседей, включая Украину. Так что вполне возможно, что в «российской» политике Запада произойдут некоторые сдвиги.

* * *

По всей вероятности, 2004 год может стать поворотной вехой как для Украины, так и для всего евроатлантического сообщества. США и Европа пытаются определить для себя новые стратегические повестки дня по двум ключевым направлениям. Первое направление, (его можно назвать новой восточной повесткой дня) касается отношений с государствами к востоку от стран, вступивших в ряды НАТО и Европейского союза весной этого года. Возможно, впервые на Западе возникают серьезные дискуссии по поводу того, как можно и как следует проводить более последовательную политику в отно-

шении большого Черноморского региона. Сейчас внимание сконцентрировано в основном на Грузии, но со временем оно распространится на весь Южный Кавказ. Есть также признаки деятельности по разработке более эффективной стратегии в отношении Белоруссии и последнего оставшегося на континенте диктатора – президента Лукашенко. А на фоне усиления авторитарного режима президента Путина происходят пересмотр или корректировка политического курса Запада в отношении России.

Не менее, а может, даже более важным представляется второе направление. В последнее время Запад сместил акцент своей деятельности за пределы континента, главным образом на Большой Ближний Восток: ведь большинство угроз Западу исходят сегодня именно из этого региона. НАТО присутствует в Афганистане и, по всей видимости, останется там еще на несколько лет, а также вполне может оказаться в Ираке до конца этого года. В последнее время всё чаще говорят о создании новой региональной системы безопасности, опирающейся на опыт ОБСЕ. А Соединенные Штаты и Европа ищут новые способы применения своих сил и ресурсов для разрешения проблем этого беспокойного региона.

Так где же место Украины в условиях значительных сдвигов и глубоких трансформаций? Неужели все эти перемены приведут к потере значимости этой страны в глазах Запада? Во многом ответ на данный вопрос зависит от того, какие действия предпримет Украина. В этом году для Киева открывается хорошая возможность оказаться в центре первой повестки дня и стать важным игроком в реализации второй. И хотя путь будет долгим, а порой и тернистым, Украина способна положить начало новой тенденции, которая сблизит его с Западом и, возможно, окончательно интегрирует ее в евроатлантическое сообщество.

Украина после Кучмы

Аркадий Мошес

Судя по многим публикациям в отечественной прессе, особенности сегодняшней украинской политической системы в России либо неизвестны, либо недопоняты, либо намеренно представляются в ложном свете. В российском сознании — не только массовом, но частично и экспертном — распространены мифы о непримиримых противоречиях между западом и востоком страны, о всевластии олигархов, о расколе политической элиты на «нашу» и «не нашу», причем принято считать, что в случае прихода последней к власти якобы возможна резкая дестабилизация двусторонних отношений.

Но такие представления об Украине во многом ошибочны. За годы пребывания у государственного руля Леонида Кучмы в стране возникла уникальная для постсоветского пространства культура политического компромисса, проецирующаяся как на внутреннюю, так и на внешнюю политику. Полицентризм принятия решений обеспечил стабильность и управляемость государства, вовлеченность в политический процесс широких слоев элиты, а также создал условия для взаимодействия Украины со всеми ее внешними партнерами.

Новый президент, безусловно, попытается как-то перестроить сложившийся политический механизм, адаптировать его к меняющимся реалиям. Изнутри к этому будут подталкивать перемены в расстановке политических сил, а извне — сокращение возможностей проведения так называемой многовекторной политики. После расширения Европейского союза Украине волей-неволей придется выбирать между Европой и Россией: одну она выберет для *сотрудничества*, а другую — для *интеграции*. Этот выбор определит многое.

А.Л. Мошес — руководитель программы «Россия — ЕС» Финского института международных отношений, сотрудник Института Европы РАН.

Тем не менее основные составляющие нынешней внешнеполитической конструкции не исчезнут в течение еще долгого времени. И если Москва нацелена на налаживание взаимовыгодных отношений с Киевом, а не на возврат к конфликтному состоянию 1990-х, их необходимо знать и учитывать.

ОГРАНИЧИТЕЛИ, СДЕРЖКИ И ПРОТИВОВЕСЫ

Стабильность Украины основана на неспособности какой-либо одной политической или экономической силы занять доминирующие позиции. Разноплановые центры силы взаимно ограничивают друг друга, делая систему, с одной стороны, достаточно инертной, но с другой – предохраняя ее от резких сдвигов, которые могли бы, особенно в первые годы независимости, привести к краху украинской государственности и распаду страны. Можно определить несколько плоскостей, в каждой из которых компромисс проявляется по-своему.

Восток Украины – запад Украины. Расхождения во внутри- и внешнеполитических ориентирах между западными и восточными регионами по-прежнему значимы. Однако региональные элиты достигли взаимопонимания, в рамках которого восток страны берет под

Окна РОСТА. Текст В.В. Маяковского, 1920

контроль экономику, а запад получает значительную роль в определении концептуальных основ государственности и проведении внешнеполитического курса, а также политики в сфере образования и культуры. При этом Киев является скорее инструментом распространения на всю страну этого *modus operandi*, чем осуществляет самостоятельную политику в отношении обеих «половин» Украины. Положительную роль в достижении компромисса между регионами сыграло то обстоятельство, что внутри каждого из них также можно обнаружить лишь относительное, но не абсолютное доминирование тех или иных предпочтений во внешней (см. таблицу) и тем более во внутренней политике.

Украина избежала серьезных межэтнических противоречий. С определенной осторожностью можно говорить, как минимум, о начале процесса складывания украинской нации как сообщества граждан независимой Украины. Это явление связано прежде всего с изменением самоидентификации части русского населения страны. Перепись 2001 года показала, что доля русских в составе населения Украины сократилась по сравнению с 1989-м с 22,1 до 17,3 %, или с 11,3 до 8,3 миллиона человек, что на самом деле не совпадает с общими демографическими тенденциями. В последние годы была приостановлена политика ускоренной украинизации общественной жизни; в то же время к активной деятельности приступило поколение, получившее образование в украиноязычной школе. Сочетание этих факторов снизило на востоке страны опасения, связанные с языковой дискриминацией. Ратификация Верховной радой в мае 2003 года Европейской хартии региональных языков, закрепившая за русским статус языка национальных меньшинств, прошла в стране практически незамеченной.

**Внешнеполитические приоритеты граждан Украины
по регионам и в целом (по состоянию на февраль 2003 г., %)**

	Запад	Центр	Юг	Восток	Страна в целом
Россия	12,0	29,7	46,5	45,7	34,2
Страны СНГ, кроме России	7,5	26,0	23,6	27,2	22,6
Страны ЕС	52,4	26,6	12,3	16,8	26,0
США	5,9	3,1	0,3	1,8	2,8

Источник: Украинский центр экономических и политических исследований имени Разумкова

Идеологии и партии. С самого начала независимости Украины ни одна из идеологий — левая, национал-демократическая или либеральная — не пользовалась поддержкой большинства избирателей. Ни одна из некогда крупных партий не могла рассчитывать на то, чтобы править страной в одиночку. Постепенно и левые, и национал-демократы утратили поддержку. Рейтинг лидеров Коммунистической и Социалистической партий составлял осенью 2004 года примерно по 6 %, что очень мало для общества с такими социальными проблемами, как в Украине. В свою очередь, влиятельнейший в начале 1990-х «Рух» после череды расколов потерял все шансы самостоятельно попасть в парламент и вынужден был войти в коали-

цию «Наша Украина», возглавляемую бывшим премьером страны Виктором Ющенко. Место идеологических партий заняли разного рода «объединения под лидера», иногда имеющие политические платформы, но зачастую отстаивающие конкретные экономические интересы той или иной финансово-промышленной группировки. Роль «официальной» партии власти попеременно играли разные организации, но свести номенклатуру воедино не удалось. Коалиция «За единую Украину!», представлявшая власть на парламентских выборах 2002-го, спустя несколько месяцев распалась на 8 фракций, поскольку различные правящие группировки осознавали всю очевидность несовпадения их интересов. При этом фракции используются как инструмент согласования этих интересов, что парадоксальным образом укрепляет многопартийность в стране. В ближайшее время роль партий и квазипартийных образований вырастет в связи с переходом Украины с 2006 года на пропорциональный принцип избрания Верховной рады и местных представительных органов. Наоборот, у политико-экономических группировок больше не будет возможности обеспечивать свое представительство через депутатов-одномандатников. Низкий, трехпроцентный, проходной барьер гарантирует сохранение в парламенте страны большого числа фракций.

Олигархи — общество. Современная политическая Украина ассоциируется в первую очередь с всевластием олигархов. В значительной степени это представление соответствует действительности. В России наиболее известны донецкий, днепропетровский и киевский кланы. Наряду с ними на политику Украины оказывают мощное влияние харьковская, запорожская и ряд других группировок. После парламентских выборов-2002 политическая роль олигархов получила формальное воплощение. «Донецк» в лице Виктора Януковича обрел пост премьера, «Днепропетровск» (Сергей Тигипко) — руководство Центробанком, «Киев» (Виктор Медведчук) возглавил президентскую администрацию. Кабинет Януковича сформирован по квотному принципу, и в нем, пусть и не идеальным образом, представлено большинство группировок. Свою долю олигархические структуры получают на всех этажах власти — центральном, губернаторском и муниципальном, что поддерживает их заинтересованность в сохранении нынешней системы управления.

Механизм согласования интересов украинских олигархов отличается двумя важными чертами. Во-первых, до сих пор роль арбит-

ра в разрешении их противоречий играл президент Кучма. Вполне возможно, что с его уходом противоречия обострятся и система будет дестабилизирована. Во-вторых, в Украине крупные группировки не стремятся уничтожить более мелкие, а сосуществуют с ними. С одной стороны, такой подход позволяет оппозиции сохранять свою финансовую базу. С другой — он дает возможность правящим олигархам периодически вступать с оппозицией в ситуативные коалиции, причем не только в бизнесе, и иметь определенные гарантии на случай собственного перехода в оппозицию.

Однако при всей своей индивидуальной и совокупной мощи украинские олигархи далеко не всевластны, причем не только в отношении государства, но и в отношении общества. Последнее обстоятельство наиболее важно. Олигархи в состоянии манипулировать общественными настроениями (через подконтрольные им СМИ, финансовый и административный ресурсы), но они не смогли добиться легитимации перехода к ним ключевых политических функций. Главным в этом ряду стоит провал попытки отменить прямые выборы президента и передать это право парламенту (зима 2003—2004 годов), обусловленный однозначно выраженным нежеланием общества пойти на такой шаг.

Власть — оппозиция. В Украине существует мощная и временами достаточно эффективная оппозиция, хотя, естественно, о ее внутреннем единстве говорить не приходится. Оппозиция, в разном составе на разных этапах, удавалось, с ее точки зрения, добиваться главного — предотвращать концентрацию власти в руках президента и правительства. Антагонизма между большинством провластных и оппозиционных политиков не существует, поскольку в оппозиции всегда весьма широко представлены вчерашние (и, возможно, завтрашние) функционеры. Соответственно нет и войны на уничтожение, за исключением преследования бывшего премьера Павла Лазаренко и небезызвестной Юлии Тимошенко. Возможно, переломным в психологическом отношении моментом стал тот факт, что бывший президент Леонид Кравчук, с которым, казалось, Кучма уже никогда не сможет договориться, возвратился в конце 1990-х к активной политической жизни, а позднее занял важные позиции уже собственно в лагере власти. В парламенте 2002 года оппозиции были выделены ключевые комитеты — по бюджету и финансам, по вопросам европейской интеграции и ряд других, и практических попыток лишения оппозиции комитетов не

предпринималось даже в тот период, когда пропрезидентское большинство могло легко это осуществить. В общем и целом страх оказаться в оппозиции характерен для абсолютного меньшинства украинских группировок и напрямую зависит от того, в какой степени экономическое могущество группировки связано с системным бизнесом, а в какой — с контролем над бюджетными потоками и коррупционными схемами.

Исполнительная власть — парламент. Верховная рада является важным фактором сохранения равновесия в политической системе страны и соблюдения конституционных норм. Необходимость действовать преимущественно через парламент, формировать большинство (в данном случае не так важно, что это делается часто подкупом или, наоборот, оказанием давления на депутатов) предохраняет украинский политический процесс от радикальных шагов исполнительной власти. Не только спикер, но и вице-спикеры парламента являются влиятельнейшими политическими фигурами страны. Верховная рада парадоксальным образом, если учесть все противоречия между представленными в ней силами, отличается заметным корпоративным единством. При наличии пропрезидентского большинства органы прокуратуры не смогли добиться снятия депутатской неприкосновенности с Юлии Тимошенко, хотя личная заинтересованность президента Кучмы в ее уголовном преследовании ни для кого не являлась секретом. В сентябре 2004-го 425 депутатов при списочном составе в 450 проголосовали за создание комиссии по расследованию обстоятельств отравления Виктора Ющенко. Корпоративное поведение парламентариев отчасти вызвано открыто неприязненным отношением к Раде Леонида Кучмы, но в целом этот феномен вряд ли можно объяснить желанием свести личные счеты, организовать нечто вроде фронды по отношению к президенту.

УСИЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ВЛИЯНИЯ И ЕГО ПРЕДЕЛЫ

Во время второго президентского срока Кучмы были сняты наиболее острые вопросы из тех, что накопились с 1990-х годов в сфере двусторонних отношений с Россией. Разрешилась проблема газовых долгов и оплаты текущих поставок. Заметно снизилась острота восприятия гуманитарной повестки дня. Решена часть проблем, связанных с введением действенного пограничного режима. С ратификацией договора о Едином экономическом пространстве Украина

объективно ослабила сопротивление осуществляемым Россией интеграционным проектам в СНГ. Резко повысилась интенсивность контактов на высшем политическом уровне. В целом из российско-украинских отношений ушла политическая конфронтация, и даже национально-ориентированные и/или прозападные политические силы Украины больше не видят практического смысла в разыгрывании карты противостояния России внутри страны.

Возросло влияние России на политику и экономику Украины. Согласно опросу экспертов, проведенному осенью 2003-го киевским Центром мира, конверсии и внешней политики, среди зарубежных игроков наибольшее влияние на Украину оказывала Россия (89,4 % опрошенных). США получили 73,6 %, ЕС – 36,8 %, МВФ – 31,5 %, НАТО – 28,9 %, ООН и ОБСЕ – по 2,6 %. Российский капитал, хотя российские компании можно лишь с большими оговорками считать проводниками российского влияния, получил контроль, по украинским данным, над 83 % активов украинской нефтепереработки, 66,7 % – цветной металлургии (в производстве алюминия – 90 %), 36 % – энергораспределения, 33 % – машиностроения и банковского сектора, 20 % – черной металлургии и до 20 % – газовой промышленности.

Усиление российского присутствия и влияния в Украине обусловлено несколькими причинами. Во-первых, уже в 1999 году было ясно, что, поскольку расширение Европейского союза остановится на украинской границе, приход западных инвестиций в страну будет минимальным из-за наличия более благоприятных условий в Центральной Европе и нежелания иметь дело с украинской коррупцией. Россияне же, наоборот, были готовы играть по знакомым им постсоветским правилам, а для Киева их приход был единственным шансом спасти целый ряд отраслей. В 2003–2004 годах заявление об отсутствии перспектив членства Украины в Евросоюзе подвело под данный фактор общую контекстуальную основу. Во-вторых, Украина не смогла ни реализовать альтернативные проекты на территории СНГ (ГУУАМ), ни создать работающие оси с центральноевропейскими соседями, ни закрепить за собой транзит энергоносителей из Каспийского региона. В-третьих, украинские экономические элиты и отражавшие их интересы правительства Виктора Ющенко, Анатолия Кинаха и Виктора Януковича готовы были вести себя прагматично. Россиян пустили в те сферы, избыточный контроль над которыми со стороны украинцев был труд-

ноосуществим. Наконец, свою роль сыграли и политические факторы, а именно ухудшение отношений между Киевом и Западом после так называемого «кассетного скандала» (имеется в виду скандал, разразившийся в ноябре 2000-го и связанный с обнародованием записей разговоров из кабинета президента Украины. — Ред.) и роста подозрений в незаконной продаже Украиной оружия.

Первые три фактора продолжают свое воздействие в обозримой перспективе. А поскольку взамен усиления присутствия России украинские промышленники получили более облегченный доступ на российские рынки, а с 2005 года — еще и перспективу снижения издержек производства после отмены взимания Россией НДС с экспортируемых в Украину энергоносителей (что было бы менее вероятно вне рамок общего компромисса), нынешняя прагматичная модель взаимодействия, скорее всего, сохранится. Однако попытки пересмотра ее Россией с целью получения большей для себя выгоды будут наталкиваться на противодействие. Россию уже сейчас последовательно лишают возможности приобретения новой собственности в ключевых отраслях (отказ «Северстали» в праве участвовать в тендере на «Криворожсталь», создание Национальной энергокомпании Украины, в том числе для блокирования проникновения в страну РАО «ЕЭС России», полная смена концепции газотранспортного консорциума, что предусматривает строительство новых, а не управление существующими ветками, и т. д.). Еще большее сопротивление будет вызывать игра на получение политических уступок. Попытка Москвы проводить политику свершившегося факта вокруг косы Тузла осенью 2003-го закончилась появлением в Керченском проливе украинской пограничной заставы и возвращением вопросу о российских территориальных притязаниях статуса системообразующего в украинской политике безопасности.

В настоящий момент ситуация вновь развивается в сторону более независимого от российского фактора самовосприятия украинских элит. Украинские олигархи сегодня довольно богаты (состояние лидера ведущей «донецкой» группы Рината Ахметова оценивается польским журналом *Wprost* в 3,5 млрд долларов, зятя Кучмы, Виктора Пинчука, — в 2,5 млрд, но они не единственные миллиардеры), и их капитал не нажит на торговле российским газом. Что касается политического руководства, то его решение послать войска в Ирак, а также неучастие Кучмы в президентских выборах-2004 позволили Киеву восстановить нормальные рабочие отношения с Западом.

Особое место в комплексе двусторонних отношений занимает вопрос о роли России в украинской внутренней политике. Популярность российского президента среди населения (во многом благодаря имиджу борца с олигархами) позволила России вернуть себе статус ведущего игрока, утраченный в 1999 году, когда для своего переизбрания Кучма использовал сценарий выведения во второй тур коммуниста и отказа сделать ставку на голоса с востока страны. Сегодня и эксперты, и политики признают, что без поддержки Москвы и лично российского президента выигрывать выборы в Украине крайне трудно и что хорошие отношения с Кремлем являются важным ресурсом в руках кандидата. Однако реальный политический процесс дает и примеры обратного. Парламентские выборы-2002 выиграла по партийным спискам «Наша Украина», хотя Россия однозначно высказалась в пользу пропрезидентского блока «За единую Украину!», коммунистов и объединенных социал-демократов, чьи платформы считались на тот период более приемлемыми для Москвы. Кроме того, возможно, поддержка России не столь уж и существенна. Например, численность аудитории российских электронных СМИ и доверие к ним в Украине находятся на невысоком уровне. У ОРТ эти показатели составляют 15 и 9 % соответственно, у НТВ — 11 и 7 %, у других каналов — 5 и менее 3 %.

ПРИТЯЖЕНИЕ ЕВРОПЫ И ПЕРСПЕКТИВА ЧЛЕНСТВА В НАТО

Интересно то, что одновременно усиливается и влияние на Украину Европейского союза. Идея членства в Евросоюзе чрезвычайно популярна среди населения страны. Согласно многолетним опросам, за вступление в ЕС высказываются до 60 % опрошенных, против — максимум 20 %. Естественно, такое восприятие основывается скорее на иррациональном стремлении быть частью богатой Европы, чем на реальном понимании того, насколько болезненным может оказаться интеграционный процесс. Но не стоит сбрасывать со счетов и жизненный опыт миллионов украинцев, поработавших за последнее десятилетие на Западе или увидевших результаты экономической трансформации Польши: они делают осознанный выбор. Экономические элиты Украины исходят из того, что европейский рынок гораздо перспективнее российского. Европейский союз еще до расширения стал основным партнером Украины по экспорту, причем товарооборот в 2000–2003 годах увеличивался на 16–18 %

ежегодно при положительном для Украины сальдо. После расширения Евросоюза, видимо, постепенно вытеснит Россию и с общей первой позиции среди торговых партнеров. Задача вступления в ЕС неоднократно декларировалась Киевом на самом высоком уровне.

Однако стойкое нежелание Европы признать за Украиной перспективу членства вынуждает Киев задумываться об альтернативных вариантах своей интеграции с Западом. Членство в НАТО популярно среди меньшинства украинцев (30–32 % «за», 45–47 % «против»). Кроме того, отношение к альянсу ухудшалось под воздействием косовских, а потом иракских событий. В то же время руководство страны действует, не особо прислушиваясь к общественному мнению по этому вопросу, поскольку негативное восприятие НАТО не трансформируется в политическую поддержку оппозиционных сил.

В элитах сильно позитивное восприятие НАТО. Во-первых, Украина изначально ориентирована на получение внешних гарантий своей территориальной целостности. Во-вторых, НАТО, в отличие от Европейского союза, декларирует политику открытых дверей. В-третьих, считается, что, поскольку сотрудничество с НАТО в большей степени определяется геополитическими соображениями, вступление в этот альянс не потребует полной внутривнутриполитической трансформации. В-четвертых, масштабное практическое сотрудничество с НАТО превратило значительную часть военного истеблишмента и большинство офицерского корпуса Украины в сторонников членства. В кругах ВПК могут оставаться определенные сомнения, однако эти сомнения не перерастают в резко отрицательное отношение, поскольку украинская военная промышленность выживает за счет экспорта, а не внутренних закупок и так как на аналогичных предприятиях Центральной Европы вступление в альянс не сказалось негативно.

В Киеве отдают себе отчет в ограниченной пользе «натовской» интеграции по сравнению с «езовской», а также в легко прогнозируемой негативной реакции России. Отсюда следует определенная непоследовательность политических заявлений, заметная и до выборов. Однако практическая политика в последние годы была однозначно нацелена на наращивание взаимодействия с НАТО. Среди самых важных событий последних лет стоит отметить решение Совета национальной безопасности и обороны (май 2002) о вступлении в альянс в будущем, Меморандум о взаимопонимании (март 2004), предоставивший НАТО право быстрого доступа на террито-

рию страны, и заседание Комиссии Украина – НАТО на высшем уровне (июнь 2004). Украина требует принятия по отношению к ней так называемого Плана подготовки к членству.

Отдельные «громкие» шаги, как, например, изъятие Украиной в августе 2004 года из военной доктрины положений о ее будущем вступлении в ЕС и НАТО, даже если их можно было бы вычленить из предвыборного контекста, не выходят за рамки дипломатической игры. Киев направляет Брюсселю сигнал о возможности дрейфа в сторону России точно так же, как 5–7 лет назад он угрожал России дрейфом на Запад в периоды обострения отношений. Станет ли возможным отказ от ставки на евроатлантическую интеграцию, будет известно только после выборов, но пока это представляется маловероятным.

* * *

Сегодняшняя Украина сложна. Она не заслуживает упрощенного восприятия и тем более примитивных методов воздействия, какие, к сожалению, применялись внешними игроками в ходе выборов 2004 года. На нее можно эффективно влиять только при уважении ее реалий.

Вне зависимости от результатов выборов России следует проводить по отношению к Украине сбалансированную политику, не допуская ни эйфории, ни навешивания ярлыков. Нужно всегда помнить, что это не просто стратегически важная, но и дружественная страна и что сейчас, в отличие от начала 1990-х, только мы сами можем спровоцировать ее народ и руководство на отход от этой позиции.

И все же обойти главный и потому наиболее болезненный вопрос не удастся. В ближайшие пять, максимум десять лет решится, будет ли общая граница условной линией, соединяющей народы России и Украины, или она станет новым рубежом раздела Европы. Украине предстоит здесь сделать свой выбор, а России – свой и жить с его последствиями.

Рецензии и обзоры

Черчилль, Трумэн и Сталин на Потсдамской конференции,
1945 год

“ Если прежде международная система складывалась по большей части стихийно, случайно, то в XX столетии проявляется очевидное стремление к построению разумной и реалистической структуры мира, в которой можно было бы минимизировать риски и обеспечить стабильность ”

Система в мировой политике	<i>Виктор Кременюк</i>
200	
Мемуары жизнелюба	<i>Дмитрий Тренин</i>
206	
Оптимизм и реальность	<i>Марк Шкундин</i>
211	
«Россия и Европа: вместе или рядом»	<i>Обзор семинара</i>
215	

Система в мировой политике

Виктор Кременюк

Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918–2003 / Под редакцией А.Д. Богатурова. Т. 1, 2. М.: Московский рабочий, 2002; Т. 3. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2003; Т. 4. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2004.

Четырехтомный труд под редакцией профессора А.Д. Богатурова представляет собой первое в нашей стране за 15 лет комплексное исследование истории международных отношений. Авторы приводят многочисленные документы и объективно описывают события, связанные с международной политикой 1918–2003 годов, старательно избегая идеологизированного подхода, характерного для многих советских и западных ученых времен биполярного мира.

Сделав заявку на изучение «системности» международных отношений XX века, создатели четырехтомника

определили процесс развития этой системы как во многом сознательный и целенаправленный. Если прежде международная система складывалась по большей части стихийно, случайно, то в XX столетии проявляется очевидное стремление к построению разумной и реалистической структуры мира, в которой можно было бы минимизировать риски и обеспечить стабильность. Это обусловлено тем, что в прошлом веке целенаправленные процессы (военно-технический прогресс, формирование мирового рынка, поиски оптимальной модели международной организации и т. д.) доминировали, в связи с чем накопился определенный опыт.

Первый том рецензируемого труда содержит авторский анализ процесса формирования системы международных отношений в период от Версаля до окончания Второй мировой войны. Здесь критически осмысливаются достоинства и перспективы Версальской системы, рассматриваются проблемы, связанные с исключени-

В.А. Кременюк — д. и. н., профессор, лауреат Государственной премии СССР.

ем из этой системы таких важных игроков, как Россия и Германия, а также вызванные выходом США из Лиги Наций. Незавершенность системы, ее жесткая ориентация исключительно на консервацию итогов Первой мировой войны, неспособность разглядеть и проконтролировать будущее — все эти черты Версаля привели к кризису 1939-го. Во втором томе собраны все ключевые документы того периода.

Третий том исследует дальнейшую эволюцию системы до нынешнего этапа (в четвертом томе представлены документы). Самое интересное здесь не в том, что система была расколота на противостоящие группировки (это как раз типично для человеческого сообщества), а в том, что стороны сумели преодолеть разногласия без войны. Взамен прежней структуры они попытались выстроить нечто совершенно новое и способное закрепить стабильность.

Заслуживает внимания то, как авторы освещают Карибский кризис 1962 года (т. 3, с. 270—273). В подавляющем большинстве западных публикаций и в работах, появившихся в нашей стране в конце прошлого века, описание этих событий начинается, по существу, с момента доставки советских ракет на Кубу и обнаружения их американской разведкой. В рецензируемом же четырехтомнике детально рассматриваются вопросы, связанные с размещением в конце 1950-х американских ракет

«Юпитер» на территории Турции и болезненной реакцией советских руководителей на данную угрозу (ракеты могли поражать цели практически на всей европейской части нашей страны).

Из возможных различных уровней международных отношений авторы выбрали уровень государства, на котором и сконцентрировали основное внимание. Такой подход дал возможность избежать ненужной полемической заостренности.

Весьма позитивным оказалось применение нетрадиционного для подобных работ приема — выбора горизонтального временного среза, тогда как другие ученые, как правило, предпочитают делить материал на большие блоки, исходя из макропроблем. Читатель легко перемещается по тексту — от правозащитного движения в Советском Союзе ко второму этапу западноевропейской интеграции, затем совершает путешествие в Азию (к «черному сентябрю» в Иордании), возвращается в СССР (XXIV съезд КПСС) и вновь устремляется в Азию (индийско-пакистанская война 1971 года и американо-китайское сближение).

Выбранный уровень анализа условно можно назвать мезоуровнем, если считать макроуровнем функционирование всей мировой системы. Авторы редко выходят за пределы мезоуровня, но вряд ли это является недостатком. Бесконечное дробление элементов и построение все новых

иерархий системы несравнимо усложнили и расширили бы объект исследования.

Вместе с тем введение микроуровня (дипломатические подробности и детали тех или иных событий и ситуаций), как, например, в «Истории дипломатии» под редакцией Владимира Потемкина две трети века назад, необыкновенно расцвело бы работу. В какой-то степени эту задачу выполняют два тома документов (составители — А.В. Мальгин и А.А. Соколов). Прделана огромная работа, тщательно отобраны интереснейшие источники, в том числе и малоизвестные.

Включение в четырехтомник документов не только решает задачу выхода на микроуровень, но и позволяет отметить существующие мифы и показывать объективную картину истории. В развитых странах, по сути, отказались от исторического метода. «Золотой век» Севера насчитывает не более трех столетий, и там не желают ни погружаться в глубь веков, ни объективно рассматривать произошедшее в более позднее время. Мифы здесь часто просто насаждаются, причем, к сожалению, они нередко имеют идеологическую направленность. Кроме того, многие западные теории стремятся свести всю историю к прогрессирующей унификации экономических и политических изменений, ориентированной на заданную европоцентристскую «идеальную модель».

По-видимому, именно российское

обществоведение способно сейчас к проведению наиболее фундаментальных исследований, а наши историки призваны выйти на новый, самый высокий в мире качественный уровень. Переписывать историю приходится соотечественникам не в первый раз, но только сейчас появилась возможность сделать это не под давлением новых политических и идеологических установок, а на основе объективности и научности.

В прошлом веке мировая система прошла через три этапа. В первой половине существовала мировая иерархическая система, состоявшая из дюжины подсистем: во главе находилась та или иная европейская метрополия, которая контролировала группу стран с различной степенью подчиненности (колонии, доминионы, протектораты, косвенно управляемые территории, страны, входившие в зоны влияния, и пр.). Возник специфический тип многополюсности, когда подсистемы были крайне слабо связаны друг с другом, а каждая метрополия полностью управляла политическими, экономическими и культурными процессами в собственной подсистеме. Страны, не входившие в эти подсистемы, во многом были изолированы. Это касается не только некоторых независимых государств типа Сиам или латиноамериканских стран, но и Советского Союза и даже Соединенных Штатов. Доля последних в мировой экономике сто лет назад была практи-

чески такой же, как сейчас (разница составляет 1–2 %), но Америка во многом была маргиналом и не играла особой роли в мировой системе почти до начала Второй мировой войны. Ее доступ в подсистемы, возглавляемые той или иной европейской державой, был резко ограничен. Слишком высокие оценки роли США в межвоенный период связаны либо с обратной экстраполяцией влияния Соединенных Штатов после Второй мировой войны, либо с работами американских исследователей, которые стремятся к возвышению своей страны. В подобную ловушку регулярно попадают виднейшие обществоведы, такие, как, например, Иммануил Валлерстайн, считающий, что вся первая половина XX века прошла под знаком борьбы США и Германии за мировую гегемонию. Надо отметить, что в рецензируемом труде в целом достаточно взвешенно рассматриваются данные вопросы.

Результаты Второй мировой войны привели к краху иерархической системы и возникновению биполярного устройства мира. Два главных победителя в войне, США и СССР, превратившиеся в сверхдержавы, не играли существенной роли в предыдущей глобальной системе и приложили все усилия для трансформации мира. По всей видимости, именно с этих позиций можно рассматривать распад колониальной системы, получение независимости доминионами

и освобождение от иностранного влияния стран, сохранявших формальную независимость. Произошел и реальный «закат Европы», которая была центром мировой системы в течение последних трех веков. На смену ей пришли, став основными полюсами, неевропейская Америка и псевдоевропейский Советский Союз.

Распад многополюсной системы происходил в обстановке начала холодной войны и возникновения двух конфронтационных военно-идеологических блоков, а суверенитет стран, входивших в те блоки, ограничивался формально или фактически. Именно поэтому мир приобрел такую четкую двухполюсную конфигурацию.

Крушение социалистического лагеря и распад Советского Союза резко изменили конфигурацию мировой системы, которую авторы определили как «плюралистическую однополярность». Анализируя процесс становления формально монополярной системы, они принимают во внимание факт сокращения относительной мощи единственной сверхдержавы, США, по всем показателям — экономическим (доля в мировом ВВП), военным (расположение атомного оружия и ракетной техники), политическим (процессы регионализации). В работе подробно раскрывается направленность внешнеполитической стратегии Соединенных Штатов.

Надо отметить, что последние разделы четырехтомника особенно бо-

гаты теоретическими материалами. Их автор, Алексей Богатуров, ставит перед собой труднейшую задачу переосмыслить процессы трансформации мировой системы. Не со всеми его постулатами можно согласиться, но предложенный новый взгляд на происходящее в современной действительности вызывает значительный интерес.

Авторы в целом не поддались искушению рассматривать историю международных конфликтов исключительно через призму взаимоотношений европейских государств, США и Японии, и им отнюдь не свойствен европоцентристский (американоцентристский) подход к мировой системе. Темы, связанные с развивающимися странами, заняли достойное место в работе. Вместе с тем следует сказать, что в последних главах развивающиеся государства практически выпадают из поля зрения авторов.

Возможно, впрочем, что это отражает реальность сегодняшнего дня. США не в состоянии управлять всей системой, в которую входят порядка 200 стран, и, по существу, выталкивают из нее государства, имеющие для них второстепенное значение. На Юге появилась зона, за которую основные мировые центры (в первую очередь США) не желают (либо не могут) брать никакой ответственности. С начала эпохи географических открытий подобная ситуация наблюдается впервые; особенно она конт-

растирует с тем, что происходило во времена биполярной системы, когда, к примеру, за любую лагуну Индийского океана развертывалась борьба между сверхдержавами. Мировое общество сейчас уклоняется от воздействия на внутривнутриполитические события в зоне неприоритетных стран (прежде всего это Африка, а также ряд азиатских государств). Так, мировые средства массовой информации вообще не заметили международной войны в Конго (Заире), где в 1998–2001 годах в ходе сражений пяти иностранных армий погибло более 2,5 млн человек. К сожалению, авторы рецензируемой работы также не сочли нужным обратить на это внимание. Зона вооруженных конфликтов, видимо, надолго переместилась на Юг, где происходит 30–35 крупных конфликтов в год (при этом численность потерь превышает 1 000 человек), но, как правило, без какого-либо вмешательства со стороны мировых держав.

После 11 сентября ситуация несколько изменилась. США пришлось ввести войска в Афганистан, но это пока принесло очень мало дивидендов, и ситуация в стране остается неопределенной.

По мнению большинства исследователей, через десять лет Китай опередит США по объему экономики, а Индия – Японию (в том случае, если подсчеты будут вестись по паритету покупательной способности). Только эти страны, в первую очередь Китай,

смогут в обозримом будущем бросить вызов США. Западная Европа минимум четверть века (а скорее всего, много дольше) будет занята поглощением Восточной Европы. Япония не трансформировала свою экономическую мощь в политическую, когда для этого существовали все условия, а теперь, вероятно, это уже и не удастся сделать. В каком-то смысле история повторяется: соперники появляются на периферии (полупериферии). Реализуется ли сценарий превращения азиатских гигантов в сверхдержавы, сказать трудно, но они — главные кандидаты на статус второй (третьей) сверхдержавы.

Системность видения истории, в том числе международных отношений, важна не столько потому, что позволяет сформировать целостное представление о планетарной организации и осознать ее достоинства и недостатки. Это еще и возможность по-иному взглянуть на грядущий этап развития, на котором глобализация и построение общечеловеческой (а не общегосударственной) системы отношений займут центральное место. И в этом заключается главное достоинство рецензируемого труда.

Россия находится в трудном положении: она должна принимать сложные судьбоносные решения, касающиеся в том числе ее исторической ориентации и связей с окружающим миром. В такой обстановке, как правило, больше ценится не добросове-

стное и углубленное изучение международной системы и роли России в ней (это могут по достоинству оценить только специалисты), а бойкие мифы, «возвышающий обман», который поможет политикам увлечь простодушную публику. Так что четырехтомник не у всех вызовет одинаково положительную реакцию.

Системный подход заставляет считаться с действительностью (для России это слабость ресурсной базы внешней политики), понимать, «кто есть кто» (США остаются пока единственной сверхдержавой), помнить о шлейфе не всегда приятных обязательств, которые наша страна приняла на себя и как постоянный член Совета Безопасности ООН, и в качестве партнера других стран. Системность понимания, как следует из материалов четырехтомного труда, — это именно то средство формирования политики, которое помогает оставаться на твердой почве реальных фактов и одновременно оценивать возможные перспективы.

Четыре тома, посвященные истории международных отношений, под редакцией профессора А.Д. Богатурова — это новаторский труд, ценный не только с академической точки зрения. Со временем он может помочь направить практическую деятельность дипломатии в более рациональное русло. Есть все основания сказать, что в отечественную науку о международных отношениях внесен выдающийся вклад.

Мемуары жизнелюба

Дмитрий Тренин

Bill Clinton. My Life / Alfred A. Knopf (publisher). New York, 2004. (Билл Клинтон. Моя жизнь)

Публикация мемуаров 42-го президента США Билла Клинтона стала одним из самых шумных политических событий американского предвыборного лета-2004. Выходу 900-страничной книги предшествовала колоссальная по размаху рекламная кампания. Эффект, произведенный автобиографией самого успешного из всех демократов, занимавших Белый дом после Франклина Делано Рузвельта, должен был уравновесить или даже превзойти по силе общественную канонизацию Рональда Рейгана, наиболее удачливого из современных республиканских президентов.

Общее впечатление от книги, названной Клинтонем просто — «Моя жизнь», можно обозначить одним словом: калейдоскоп. Читатель идет по жизненному пути Билла Клинтона — фантастически способного и целеустремленного подростка с трудным детством, студента, губернато-

ра, наконец (примерно с середины книги), президента США, получает массу разнообразной информации, временами тонет в водоворотах подробностей, поражается резкой смене позиций и декораций, но нигде, ни на одном сюжете особенно подолгу не задерживается. «Президентская» часть мемуаров местами читается как аннотированное расписание работы хозяина Белого дома, где каждому сюжету уделяется примерно столько же времени, сколько очередному посетителю. На рефлексии, размышления просто нет времени.

Иностранному читателю, кроме того, проникается первостепенной важностью внутренних проблем — от политических до сугубо личных — для того, кого принято считать самым могущественным человеком на Земле. Часто внутренняя и внешняя политика, публичное и личное сталкиваются, «наезжают» друг на друга. Штурм московского Белого дома и гибель 18 американских морских пехотинцев в Сомали, дело «Уайтуотер» и программа «Партнерство во имя мира», раз-

Д.В. Тренин — заместитель директора Московского центра Карнеги.

ные этапы скандала с Моникой Левински и удары США по Судану, Афганистану и Ираку, а также финансовый крах в России — эти события происходили практически одновременно. «Все рядом», — как любил говаривать бывший российский премьер Виктор Черномырдин.

Это абсолютно необходимо иметь в виду для правильной оценки характера американского глобального лидерства. В течение своего восьмилетнего президентства Клинтон был вынужден постоянно уделять огромное внимание двум темам — финансовому скандалу «Уайтуотер» и сексуальному скандалу с Моникой Левински. И тот, и другой скандалы привлекали внимание американской публики — пишущей, читающей и избирающей — гораздо больше, чем подавляющее большинство внешнеполитических проблем.

Между тем по иронии истории президент, который вошел в начавший остывать от холодной войны Белый дом под лозунгом *It's the economy, stupid* (Это экономика, глупец!), оказался еще более вовлеченным в международные процессы, чем многие его предшественники. Уже с первых недель Билл Клинтон был вынужден плотно заняться конфликтами на Балканах и ситуацией в России. Вплоть до последних дней своего второго президентства он пытался добиться мирного компромисса между Израилем и палестинцами. Без особого преувеличения можно ска-

зать, что главное содержание внешней политики США при Клинтоне составляли три проекта: умиротворение Балкан в рамках «единой и свободной» Европы при ведущей роли НАТО; развязывание ближневосточного узла по формуле «мир и безопасность — Израилю, государственность и международная помощь — палестинцам»; содействие превращению России в демократическую рыночную страну — партнера США.

На российском направлении главная особенность политики Клинтона заключалась в ее активном характере. Не хуже своего предшественника и собственных советников понимая опасности и превратности посткоммунистического развития России, он отказался от осторожной отстраненности старшего Буша и решительно сделал ставку на Бориса Ельцина, несмотря на все недостатки и слабости российского визави. В этом 42-й президент внял завету 37-го, Ричарда Никсона. Билл Клинтон подробно излагает внешнеполитическое завещание Никсона — письмо, написанное им весной 1994 года, за полтора месяца до кончины. В своем письме Никсон назвал «выживание политических и экономических свобод в России» основным приоритетом внешней политики США (р. 593). Фактически выбор в пользу тесного взаимодействия с российским руководством был сделан еще весной 1993-го.

Главным для Клинтона было предпринять все возможное, чтобы жест-

кая («коммуно-националистическая», как он определял ее) линия не возобладала (pp. 504–505), чтобы Россия, как он говорил московским студентам, стремилась стать не столько великой державой, сколько великой страной. В октябре 1993 года Клинтон однозначно поддержал действия Ельцина в силовом противостоянии с Верховным Советом РФ. Прав Струуб Тэлботт, утверждавший, что Россия была личным проектом Клинтона. Стоит добавить, однако, что сам Тэлботт на протяжении всех восьми лет играл ведущую роль в разработке и реализации этого проекта.

За те восемь лет Клинтон и Ельцин встречались восемнадцать раз. Такой интенсивности российско-американских встреч не было ни до, ни после. Клинтона много критиковали за «излишнюю персонификацию» связей с Россией. Президент США не считает нужным оправдываться. Со страниц мемуаров Клинтона Ельцин предстает сложной, но в целом симпатичной фигурой. Он — смелый политик, завершивший разрушение советской коммунистической системы, но в то же время и человек, смотрящий далеко вперед. Демократия в России, интеграция страны в международное сообщество — для Ельцина не пустой звук. То, что первый российский президент предпочел не цепляться за власть, а передал ее преемнику, который затем был избран всенародным голосованием, Клинтон называет муд-

рым шагом (p. 882). Что бы ни говорилось о Ельцине, резюмирует автор, тот «вел страну в правильном направлении» (p. 676).

Билл Клинтон мало размышляет над неудачами своей российской политики. Он подробно рассказывает, как формировал «пакеты» финансовой помощи России, как параллельно добивался расширения НАТО и принятия России в клуб ведущих мировых держав. Клинтон отмечает, что включение России в «семерку» и поддержка вступлению РФ в ВТО являлись частью его плана «помочь российскому руководству принять расширение НАТО». Таким образом, прием России в состав «Группы восьми» стал не только символом важности для будущих международных отношений, но и инструментом внутривнутриполитической поддержки Ельцина (p. 750). Многие нынешние критики российского членства в «восьмерке» игнорируют прагматический характер направленного ей приглашения. Клинтон, безусловно, был настроен по отношению к России позитивно-оптимистически. Тем не менее для возглавлявшейся им администрации ельцинская Россия оставалась не столько субъектом, сколько объектом политики.

Кризис 1998 года положил конец активной вовлеченности администрации США в российские дела. Клинтон обвиняет в финансовом крахе безответственную политику российского Центробанка, неумение прави-

тельства РФ собирать налоги и т. п. Анализ «вашингтонского консенсуса» и сопутствующая ему самокритика не входят в намерения мемуариста. После кризиса отношения США с Россией отходят на второй план. С внутриполитической точки зрения ситуация в России рассматривается уже не как успех администрации, а как балласт, который нужно отодвинуть как можно дальше в сторону. Единственным всплеском, но теперь уже напряженности, а не партнерства в отношениях с Москвой становится косовский кризис 1999-го.

Билл Клинтон пишет, что пытался избежать двух вещей — «второй Боснии», т. е. масштабного этнического конфликта, и наземной операции против югославской армии. Политическим давлением на президента Слободана Милошевича, а затем ударами с воздуха по Югославии Вашингтон стремился добиться своих целей, главными из которых были укрепление единства НАТО и устранение Милошевича с сербской политической сцены. Клинтон-мемуарист воздаст должное «жизненно важному каналу» Гор — Черномырдин, который помог избежать крайне нежелательного для Вашингтона наземного вторжения в Югославию. Говоря о реакции командования альянса на «приштинский рейд» российских десантников, Клинтон журит тогдашнего верховного главнокомандующего Объединенными вооруженными силами НАТО в Европе генерала Уэсли

Кларка и хвалит спокойствие и рассудительность британского генерала Майкла Джексона. Если бы не хладнокровие последнего, «недостроенное» стратегическое партнерство Запада и России могло бы завершиться локальной перестрелкой.

Контакты Билла Клинтона с Владимиром Путиным были непродолжительны и неглубоки. Клинтон подмечает «разительный контраст» между первым и вторым президентами России. Путина он характеризует как человека, находящегося в прекрасной физической форме и жесткого в отстаивании российских интересов (р. 869). Однако к тому моменту, когда Путин пришел в Кремль, Клинтон переключился с российского проекта на поиски ключа к ближневосточному урегулированию.

Драматическим переговорам Клинтона с премьер-министром Израиля Эхудом Бараком и палестинским лидером Ясиром Арафатом, в отличие от других внешнеполитических тем (включая российскую), посвящены многие страницы непрерывного рассказа. Клинтон описывает, как сумел подвести стороны к порогу исторической договоренности, которая завершила бы один из самых кровавых конфликтов современности. Он воздаст должное гибкости израильского премьера, согласившегося с тем, что 97 % Западного берега реки Иордан должны были войти в состав будущего палестинского государства. В провале перегово-

воров Клинтон винит Арафата, который «не смог совершить прыжок от революционера к государственному деятелю» (р. 944). Речь, таким образом, идет не об «ошибке» палестинца в стремлении максимизировать уступки другой стороны, а о его психологически обусловленной боязни новых созидательных задач. В результате не только разочарованный израильский избиратель, но и «вечный революционер» Арафат выбрали Ариэля Шарона. Фрустрация Клинтона тем более понятна, что заключение мира на Святой земле сделало бы его ведущим кандидатом на присуждение Нобелевской премии мира 2001 года.

Клинтон хочет видеть свое политическое наследие в создании «более совершенного союза» внутри страны; в обеспечении международного лидерства США в вопросах мира и экономического процветания; в «гуманизации глобализации» и формировании на этой основе более интегрированного мира, в котором ответственность, материальные блага и духовные ценности разделялись бы максимальным числом «игроков» (р. 952). Примечательно, что Клинтон оценивает результаты реализации российского проекта очень скромно: за полтора десятилетия, пишет он, Запад «в основном примирился» с двумя бывшими противниками — Россией и Китаем (р. 956). Как далеко это от первоначальной цели интеграции России в западное сообщество! Упоминание России и

Китая в одной связке красноречивее любых подробных объяснений.

Биллу Клинтону выпало быть президентом Соединенных Штатов в короткую переходную эпоху между окончанием холодной войны и началом войны с международным терроризмом. В 1990-е годы на Западе преобладали оптимизм и надежды, чему в огромной степени способствовал устойчивый экономический рост в Америке. В начале XXI века ситуация внутри США и в мире резко изменилась. В дискуссии на тему, чем быть Америке — ошестинившейся крепостью или открытой страной, Клинтон уверенно выступает за открытость, против изоляции. В конце книги (р. 956) он формулирует пять внешнеполитических целей Соединенных Штатов: (1) борьба с терроризмом и с распространением оружия массового уничтожения; (2) увеличение числа друзей США за рубежом; (3) усиление глобального сотрудничества в укреплении безопасности, в борьбе со СПИДом и в вопросе глобального потепления; (4) повышение притягательности американской модели для мира; (5) утверждение в мировой политике приоритета объединяющих факторов над разъединяющими. Это — внешнеполитическая философия американских либералов, противостоящих неоконсерваторам из лагеря Джорджа Буша. Самое ближайшее будущее покажет, появятся ли политические условия для ее реализации.

Оптимизм и реальность

Марк Шкундин

Аскар Акаев. Думая о будущем с оптимизмом. Размышления о внешней политике и мироустройстве. Москва: Международные отношения, 2004.

Рецензируемая книга является заключительной, по определению самого автора, частью своеобразной тетралогии, в которую входят также монографии «Переходная экономика глазами физика», «Трудная дорога к демократии», «Кыргызская государственность и народный эпос "Манас"». Как и предыдущие работы Аскара Акаева, эта книга соединяет в себе плоды глубокого изучения фактического материала, а также освоения теоретического багажа как единомышленников, так и оппонентов, собственную, оригинальную концепцию, не обязательно убеждающую, но, безусловно, интересную и заставляющую переосмысливать, казалось бы, очевидные постулаты.

Опираясь на собственные, поистине академические знания, используя тематический аппарат и «физиче-

ский» подход к текущим событиям, автор совмещает анализ международной обстановки с богатым опытом руководителя суверенного государства. В поле зрения президента Акаева попадают ключевые проблемы мироустройства и национальной безопасности: способность мирового сообщества искоренить терроризм, концепция многополярности и ее практическое воплощение, глобализация с ее плюсами и минусами, вопросы государственного суверенитета, будущее Организации Объединенных Наций и возможность возникновения мирового правительства, место и роль ислама в современном обществе. Учитывая масштаб рецензируемой работы, следует определить место автора в многоплановом и разновекторном потоке исследований в области современных международных отношений. Представляется, что Аскар Акаев, несмотря на многочисленные ссылки на таких мэтров реалистической школы, как Самьюэл Хантингтон и Генри Киссинджер, скорее относится к не-

М.З. Шкундин — ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН, член научно-консультативного совета журнала «Россия в глобальной политике».

олиберально-идеалистическому направлению, за которым стоят, например, Гуго Гроций, Иммануил Кант, Вудро Вильсон... Отсюда, очевидно, и чрезмерно оптимистическое восприятие ООН и ее институтов, и неоправданно высокие ожидания, связанные с возрождением «Шелкового пути», и надежды на центральноазиатское сотрудничество и сохранение достигнутого уровня отношений с «большими соседями» после решения злободневной задачи — нормализации обстановки в Афганистане.

Говоря о внешней политике стран Центральной Азии, автор исходит из того, что, несмотря на разновекторную направленность внутренних и внешних сил, главное влияние оказывают такие глубинные факторы, как история региона, менталитет народов, особенности их культуры, национальные традиции и обычаи, сложившиеся вековые межнациональные связи. При этом Аскар Акаев без колебаний ставит на первое место российский фактор (с. 76), подчеркивая, что при всех условиях роль России в Центральной Азии будет в перспективе повышаться и любые планы по выдавливанию России из региона заранее обречены на провал (с. 80).

Оценивая значение Соединенных Штатов, автор подчеркивает, что эта страна в том или ином региональном уравнении автоматически присутствует, как минимум, в качестве равнозначного фактора. Однако стремление США к военно-полити-

ческому закреплению в регионе, к созданию плацдарма, находящегося между «российским молотом» и «китайской наковальней», несет в себе, по мнению автора, немалый риск.

Остановившись на жизненно важной для всего региона проблеме терроризма, Акаев считает образцом практических мер шаги, предпринимаемые Организацией Договора о коллективной безопасности СНГ и Шанхайской организацией сотрудничества. Президент Кыргызской Республики полагает, что с учетом взаимопроникновения и сращивания международного терроризма, религиозного экстремизма, территориального сепаратизма, наркобизнеса, контрабанды оружия и транснациональной организованной преступности необходимо при содействии ООН обеспечить легитимную основу для соответствующих акций антитеррористической коалиции.

При этом, как кажется, автор допускает определенное упрощение, говоря о том, что социальная безысходность, отсутствие привлекательных жизненных перспектив в сочетании с идеологией мученичества способствуют пополнению рядов террористов. Достаточно вспомнить, что пилоты-самоубийцы, совершившие теракты 11 сентября 2001 года, были выходцами из саудовской элиты, а главари чеченского сепаратизма Дудаев, Яндарбиев, Масхадов, Закаев и даже Басаев отнюдь не относятся к числу обездоленных и «социально безысходных».

Явно повисает в воздухе и утверждение автора о том, что идейные установки и практика терроризма первоначально возникли на Западе (с. 101). Цивилизация и свойственные ей пороки, включая политический терроризм, исторически возникли в Междуречье, Древнем Египте, Китае, а Центральная Азия в раннем Средневековье пережила террор исмаилитов.

Особый интерес представляют рассуждения автора о многополярности. По его мнению, описание современного миропорядка с точки зрения многополярного устройства или «столкновения цивилизаций» содержит рациональное зерно, но политически было бы контрпродуктивно и конфликтно искать каждому полюсу свой антипод. Обе эти концепции позволяют увидеть и проанализировать единый мир в двух ракурсах (с. 113).

Многополярный мир якобы служит средством противостояния гегемонии США, их стремлению к мировому господству. Однако в данном случае место СССР занимает совокупность государств-полюсов и межгосударственных объединений, преследующих цели чуть ли не противоположные американским. Это вряд ли отражает реальную ситуацию. Вместо этого автор предлагает многополярность, основанную на единстве целей и партнерстве при решении глобальных задач.

Далее внимание Аскара Акаева привлекает введенный в американ-

ский политический лексикон тезис о «несостоявшихся государствах», участь которых тем самым предрешается, вместо того чтобы совместными усилиями помочь им выйти из критического состояния. В связи с этим автор переходит к вопросу о «гуманитарных интервенциях», при которых принципиальное значение приобретает соотношение государственного суверенитета и суверенитета индивидуума, его прав и свобод, что определяется как «права человека». Существуют две формы применения концепции «гуманитарной интервенции»: решение о ее проведении на уровне Совета Безопасности ООН или, по сути, волюнтаристское решение о силовой акции одного или нескольких государств. При любом варианте «гуманитарная интервенция», требующая применения силовых санкций за преступления против человечности, считает автор, не должна рассматриваться как новая редакция доктрины «ограниченного суверенитета».

Демократическая система ценностей базируется на том, что суверенитет человеческой личности стоит выше и значит больше, чем суверенитет государства. В этом русле и выстраивается идеология «гуманитарных интервенций». Однако для президента Акаева и государственный суверенитет, и права человека представляют собой два равноправных приоритета, каждый из которых является первостепенным. Он настаивает на том, что нормы междуна-

родного права, определяющие возможность применения «гуманитарной интервенции», должны предусматривать неотвратимость наказания, соразмерного характеру преступления, на чем зиждется внутреннее уголовное право в большинстве государств.

Естественно, что Акаев как президент возродившегося государства вновь и вновь возвращается к проблеме государственного суверенитета, который, по его мнению, не подлежит и не будет подлежать ревизии. Создание глобальных, региональных и локальных межгосударственных образований, в функциях и деятельности которых порой видят элементы ограничения государственного суверенитета, свидетельствует как раз об обратном. По мнению автора, существует система «вечных ценностей» (мир, добро, справедливость), к числу которых относится и государственный суверенитет.

Однако образование СССР, пусть исторически неудачное, говорит о возможности сознательного отказа суверенных республик — РСФСР, УССР, БССР, ЗСФСР — от части своих полномочий в пользу нового государства. Кстати, в тот же момент обсуждался и иной вариант — «автономизация», в случае реализации которого исторические судьбы современных суверенных государств могли бы сложиться по-иному. Опыт европейской интеграции также не подтверждает вывод автора.

Читателю из Москвы трудно возражать президенту центральноазиатской республики по такому чувствительному вопросу, как исламский фактор. Однако представляется, что достаточно уникальную ситуацию в Киргизии (не случайно многократно встречаемое определение республики как островка демократии в Центральной Азии), автор экстраполирует на весь регион. Высокий уровень религиозной толерантности в стране, отмечаемый Акаевым, подтверждает опрос, проведенный по заказу Торонтского университета (*Europe-Asia Studies. March. 2002*). Однако недавние события в соседних Таджикистане и Узбекистане вынуждают воспринимать слова автора о симбиозе ислама и православия скорее как желаемую перспективу, нежели как реальность.

Крайне интересен подход к идее создания всемирного федеративного правительства, так как, по существу, это первый опыт серьезного осмысления столь немаловажной проблемы в русскоязычной литературе. Так, по мнению президента Акаева, мировое правительство видится в форме всемирного парламента, который мог бы принимать надлежащие решения, опираясь как на национальные структуры (территориальная система управления), так и на интеллектуальную мощь, например, в специализированных организациях ООН. Закономерны выводы автора, опирающиеся на огромный

фактический материал и глубоко осмысленный исторический опыт:

- только внутренняя стабильность позволяет тем или иным странам выполнять свои неотъемлемые обязательства перед мировым сообществом;
- у малых стран должны быть большие друзья;
- необходимо участие в организациях, служащих коллективными инструментами глобального и регионального характера, прежде всего в ООН.

Вместе с тем заслуживает уважения и самокритичность автора, признающего, что абсолютизация внешнеполитических установок в условиях динамично меняющейся международной ситуации является неоправданной. В частности, в кон-

цепции внешней политики 2000 года нет отражения новых глобальных вызовов и угроз; устарела трактовка Кыргызской Республики как посткоммунистического общества; провозглашенный принцип опоры на двустороннюю дипломатию не отвечает национальным интересам, необходима многосторонняя дипломатия, создающая стабильность (с. 304–305).

И хотя сам Аскар Акаев констатирует, что в ряде случаев откровенность его размышлений ограничивается стремлением к так называемой политкорректностью, очевидно: эта книга написана президентом-интеллигентом. Плюс это или минус — решать читателю.

«Россия и Европа: вместе или рядом»

Так назывался семинар, организованный журналом «Россия в глобальной политике» в рамках **Восточно-европейского экономического форума**, который ежегодно проходит в польском городе Кринице. В 2004 году форум привлек повышенное внимание, поскольку стал первым мероприятием такого рода после расширения Европейского союза и вступления в него восьми стран Центральной и Восточной Европы.

Как сказал ведущий семинара главный редактор журнала **Федор Лукьянов**, за 10 лет Россия и Евросоюз накопили значительный опыт взаимодействия, однако не добились изначально поставленных целей, а именно сблизить на основе европейских стандартов политико-экономические системы. Сегодня следует констатировать: векторы развития России и ЕС не совпадают. Председатель Комитета по между-

народным делам Государственной думы РФ **Константин Косачев**, подчеркнул, что Россия стремится к сближению, поскольку всегда ощущала и будет ощущать себя частью Европы. Он упрекнул Запад за применение по отношению к нашей стране двойных стандартов и нежелание под различными предложениями идти на углубление сотрудничества по многим конкретным вопросам. Ему возразил один из идеологов внешней политики Республики Польша, статс-секретарь министерства иностранных дел **Адам Даниэль Ротфельд**. Россия, заметил польский дипломат, взяла на себя определенные обязательства, вступив в Совет Европы и подписав Соглашение о партнерстве и сотрудничестве с ЕС. Никто не намерен требовать от Москвы того, на что она сама не дала согласия. Но Европа ждет выполнения принятых обязательств, что свидетельствовало бы о приверженности России европейским ценностям. Особое внимание Ротфельд уделил российской политике в отношении постсоветских республик — в ней, по мнению оратора, наблюдается возрождение имперского курса. Эту мысль горячо поддержал бывший министр иностранных дел Украины **Борис Тарасюк**, занимающий ныне пост главы Комитета по европейской интеграции Верховной рады. По его словам, Украина, будучи непосредственным соседом России, в высшей

степени заинтересована в европейской ориентации Москвы, однако пока наблюдается обратный процесс. Американский взгляд изложил профессор Гарвардского университета **Маршалл Голдман**, который также выразил беспокойство по поводу действий России в отношении таких стран, как Грузия, Молдавия, Украина и Белоруссия.

Сосредоточиться на общих интересах, а не искать поводов для ссоры призвал ветеран российской дипломатии **Анатолий Адамишин**. Он обратил внимание присутствующих на то, что угроза международного терроризма должна заставить весь цивилизованный мир отложить в сторону второстепенные разногласия и сплотиться против фанатизма и варварства.

Достаточно конструктивный опыт сотрудничества с Россией в рамках переговоров о расширении ЕС явился темой выступления высокопоставленного представителя МИД Литвы **Шарунаса Адомавичуса**.

Подводя итог дискуссии, Федор Лукьянов подчеркнул, что отношения России и ЕС переживают непростые времена. Тем более важны форумы, подобные тому, что проходит в Кринице. Открытые дискуссии помогают, с одной стороны, избавиться от иллюзий, а с другой, активизировать усилия по сближению. Ведь объективная взаимозависимость России и ЕС неизбежно возрастает.

Ист Вью Пабליкейшнс - 15 лет на рынке информационных услуг

Впервые на российском рынке! База данных Службы международных новостей

Настоящая база данных основана на материалах Уорлд Ньюс Коннекшн, службы международных новостей при правительстве США. В переводе на английский язык здесь представлены новости из многочисленных зарубежных СМИ. Особое внимание уделяется социально-экономическим, политическим, научно-техническим вопросам и вопросам состояния окружающей среды. Приводятся целиком и в виде дайджеста избранные газетные и журнальные публикации, а также стенограммы пресс-конференций и телерадиопередач. Глубина архива - лето 2003 года.

База данных снабжена удобной поисковой системой, которая представляет все возможности для просмотра, поиска и анализа информации. Интерфейс на русском языке. Все материалы поступают в базу данных в течение 24-72 часов со дня опубликования в прессе или передачи по радио и телевидению.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- World News: Western Europa
- World News: Central and Eastern Europe
- World News: Central Asia and the Caucasus
- World News: East Asia
- World News: South Asia
- World News: Southeast Asia and Oceania
- World News: Near and Middle East
- World News: North Africa
- World News: Sub-Saharan Africa
- World News: Western Africa
- World News: Latin America and the Caribbea

<http://www.ebiblioteka.ru/>

Стоимость годовой подписки одного раздела \$195.00
По вопросам подписки обращайтесь в наш офис в Москве

ИСТ ВЬЮ ПАБЛИКЕЙШНС
В России: (7095) 318-0937, 777-6557,
факс:318-0881, e-mail: sales@mosinfo.ru
В США: (763) 550-0961, fax 559-2931,
e-mail: eastview@eastview.com
ИНТЕРНЕТ: WWW.EASTVIEW.COM

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- КАРАГАНОВ**
Сергей Александрович
(председатель) д. и. н., председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, заместитель директора Института Европы РАН
- АРБАТОВ**
Алексей Георгиевич член-корреспондент РАН, заведующий Центром международной безопасности ИМЭМО РАН
- АХТИСААРИ Мартти** президент Финляндии в 1994–2000 гг.
- БЕЛОУСОВ Лев Сергеевич**
(заместитель председателя) д. и. н., профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
- БЕРГСТЕН Фред** доктор экономики, директор Института международной экономики (Вашингтон, США)
- БИЛЬДТ Карл** член Наблюдательного совета корпорации *RAND*, премьер-министр Швеции в 1991–1994 гг.
- ГРИГОРЬЕВ**
Владимир Викторович
(в личном качестве) советник руководителя Федерального агентства РФ по печати и массовым коммуникациям
- ЖУКОВ**
Александр Дмитриевич
(в личном качестве) заместитель председателя Правительства РФ
- ЗВЕРЕВ**
Сергей Александрович президент ЗАО «Компания развития общественных связей»
- ИВАНОВ**
Игорь Сергеевич
(в личном качестве) к. и. н., секретарь Совета безопасности РФ
- ИНОЗЕМЦЕВ**
Владислав Леонидович д. э. н., научный руководитель Центра исследований постиндустриального общества, председатель научно-консультативного совета журнала «Россия в глобальной политике», главный редактор журнала «Свободная мысль–XXI»
- КАЙЗЕР Карл** профессор, приглашенный исследователь, Гарвардский университет
- КОЖОКИН**
Михаил Михайлович к. и. н., первый вице-президент ЗАО «КРОС»
- КОКОШИН**
Андрей Афанасьевич член-корреспондент РАН, председатель Комитета Государственной думы РФ по делам СНГ и связям с соотечественниками, директор Института проблем международной безопасности РАН
- КОЛЬ Гельмут** канцлер ФРГ в 1982–1998 гг.
- КОМИССАР**
Михаил Витальевич генеральный директор ЗАО «Интерфакс»
- КОПЬЕВ**
Вячеслав Всеволодович к. ю. н., заместитель председателя Совета директоров АФК «Система»
- КУЗЬМИНОВ**
Ярослав Иванович к. э. н., доцент, ректор Государственного университета – Высшей школы экономики

ЛАВРОВ Сергей Викторович (в личном качестве)	министр иностранных дел РФ
ЛИВШИЦ Александр Яковлевич	д. э. н., профессор, заместитель генерального директора ОАО «Русский алюминий»
ЛУКИН Владимир Петрович	д. и. н., профессор, Уполномоченный по правам человека в РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
ЛУКЬЯНОВ Федор Александрович	главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»
МАУ Владимир Александрович	д. э. н., профессор, ректор Академии народного хозяйства при Правительстве РФ
МОНБРИАЛЬ Тьерри де	президент Института (Академии наук) Франции, директор Французского института международных отношений
НИКОНОВ Вячеслав Алексеевич (заместитель председателя)	д. и. н., президент фонда «Политика»
ОВЧИНСКИЙ Владимир Семенович	д. ю. н., советник председателя Конституционного Суда РФ, генерал-майор милиции в отставке
ПОЗНЕР Владимир Владимирович	президент Российской телевизионной академии, автор и ведущий телепрограммы «Времена»
ПРИМАКОВ Евгений Максимович	академик РАН, президент Торгово-промышленной палаты, премьер-министр РФ в 1998–1999 гг.
ПРИХОДЬКО Сергей Эдуардович (в личном качестве)	помощник Президента РФ
РЫЖКОВ Владимир Александрович	к. и. н., депутат Государственной думы РФ
ТЕЛЬЧИК Хорст	председатель <i>Teltschik Associates</i> , руководитель управления внешней политики ведомства канцлера ФРГ в 1982–1998 гг.
ТОРКУНОВ Анатолий Васильевич	д. п. н., профессор, ректор Московского государственного института международных отношений (У) МИД РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
УОЛЛЕС Уильям, лорд	профессор Лондонской школы экономики
ХАКАМАДА Ирина Муцуовна	к. э. н., доцент, сопредседатель «Комитета-2008»
ХОУГ Джеймс	главный редактор журнала <i>Foreign Affairs</i>
ШМЕЛЁВ Николай Петрович	академик РАН, директор Института Европы РАН
ЭЛЛИСОН Грэм	профессор Гарвардского университета, директор Белферского центра, бывший заместитель министра обороны США
ЮРГЕНС Игорь Юрьевич	к. э. н., вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей (работодателей)
ЯСТРЖЕМБСКИЙ Сергей Владимирович (в личном качестве)	к. и. н., помощник Президента РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, специальный представитель Президента РФ по вопросам развития отношений с Европейским Союзом

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

АДАМИШИН Анатолий Леонидович	к. и. н., Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
БУТОРИНА Ольга Витальевна	д. э. н., завкафедрой европейской интеграции МГИМО(У) МИД РФ
ГРИГОРЬЕВ Леонид Маркович	к. э. н., ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН, президент Ассоциации независимых центров экономического анализа
ЛОМАНОВ Александр Владимирович	д. и. н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН
МИРСКИЙ Георгий Ильич	д. и. н., профессор, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН
ШКУНДИН Марк Зусьевич	к. и. н., ведущий исследователь ИМЭМО РАН
ЭНТИН Владимир Львович	к. ю. н., доцент МГУ, старший научный сотрудник Института государства и права РАН, адвокат, директор Центра правовой защиты интеллектуальной собственности
ЮРЬЕВ Александр Иванович	д. п. н., профессор, завкафедрой политической психологии СПбГУ

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

ПОТАНИН Владимир Олегович (председатель)	президент холдинговой компании «Интеррос»
ВАЙНШТОК Семен Михайлович	президент компании ОАО «АК «Транснефть», академик Академии горных наук
ВАРДАНЯН Рубен Карленович	президент группы компаний «Тройка-Диалог»
ВЕКСЕЛЬБЕРГ Виктор Феликсович	президент ОАО «СУАЛ-Холдинг»
ГЕНЕРАЛОВ Сергей Владимирович	председатель совета директоров Ассоциации по защите прав инвесторов
ЕВТУШЕНКОВ Владимир Петрович	к. э. н., академик Российской инженерной академии, академик Международной академии связи, заслуженный деятель науки РФ, председатель совета директоров АФК «Система»
КУЗЫК Борис Николаевич	член-корреспондент РАН, профессор, заслуженный деятель науки РФ, генеральный директор холдинговой промышленной компании «Новые программы и концепции», президент Института экономических стратегий
КУЗЯЕВ Андрей Равелевич	президент «ЛУКОЙЛ Оверсиз Холдинг Лтд.»
ОКУЛОВ Валерий Михайлович	генеральный директор ОАО «Аэрофлот», член совета ГСГА, член совета управляющих ИАТА, член совета директоров ОАО «Аэрофлот»
ЦВЕТКОВ Николай Александрович	к. э. н., президент ФК «Уралсиб»

**Подписка по Москве на первое полугодие 2005 г.
в любом отделении связи**

Индекс	Наименование издания, объем	Период. в полугод.	Вид доставки	Цена подписки (руб.)					
				1 мес.	2 мес.	3 мес.	4 мес.	5 мес.	6 мес.
15577	Россия в глобальной политике (220 стр.) доставка бандеролями	3	на дом	-	231-37	-	433-07	-	634-77
			до востреб.	-	231-37	-	433-07	-	634-77
			организация	-	231-37	-	433-07	-	634-77
11119	Россия в глобальной политике (220 стр.) для студентов и аспирантов	3	на дом	-	126-23	-	232-99	-	339-75
			до востреб.	-	124-78	-	230-09	-	335-40
			организация	-	127-80	-	236-13	-	344-46
16497	Russia in Global Affairs На английском языке (220 стр.) доставка бандеролями	2	на дом	-	-	396-37	-	-	763-07
			до востреб.	-	-	396-37	-	-	763-07
			организация	-	-	411-21	-	-	777-91

В регионах подписные индексы те же, но цена подписки может отличаться.

	<p align="center">АБОНЕМЕНТ на газету журнал</p> <div style="text-align: right; margin-bottom: 10px;"> <input style="width: 100px; height: 20px;" type="text"/> <small>индекс издания</small> </div> <p align="center">Россия в глобальной политике</p> <p align="center"><small>(наименование издания)</small></p> <div style="text-align: right; margin-bottom: 10px;"> <input style="width: 100px; height: 20px;" type="text"/> <small>Количество комплектов</small> </div> <p align="center"><small>на 2004 год по месяцам</small></p> <table border="1" style="width: 100%; text-align: center; border-collapse: collapse;"> <tr> <td>1</td><td>2</td><td>3</td><td>4</td><td>5</td><td>6</td><td>7</td><td>8</td><td>9</td><td>10</td><td>11</td><td>12</td> </tr> <tr> <td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td> </tr> </table> <p>Куда <input style="width: 100%; height: 20px;" type="text"/></p> <p align="center"><small>Почтовый индекс (адрес)</small></p> <hr/> <p>Кому _____</p> <p align="center"><small>(фамилия, инициалы)</small></p>	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12															
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12																	
	<table border="1" style="width: 100%; text-align: center; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 20px;">ПВ</td> <td style="width: 20px;">место</td> <td style="width: 20px;">литер</td> </tr> </table> <p align="center">ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА</p> <p align="center">на газету журнал</p> <div style="text-align: right; margin-bottom: 10px;"> <input style="width: 100px; height: 20px;" type="text"/> <small>индекс издания</small> </div> <p align="center">Россия в глобальной политике</p> <p align="center"><small>(наименование издания)</small></p> <p>Стоимость подписки _____ руб. _____ коп. Количество комплектов _____</p> <p> _____ руб. _____ коп.</p> <p align="center"><small>на 2004 год по месяцам</small></p> <table border="1" style="width: 100%; text-align: center; border-collapse: collapse;"> <tr> <td>1</td><td>2</td><td>3</td><td>4</td><td>5</td><td>6</td><td>7</td><td>8</td><td>9</td><td>10</td><td>11</td><td>12</td> </tr> <tr> <td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td> </tr> </table> <p>Куда <input style="width: 100%; height: 20px;" type="text"/></p> <p align="center"><small>Почтовый индекс (адрес)</small></p> <hr/> <p>Кому _____</p> <p align="center"><small>(фамилия, инициалы)</small></p>	ПВ	место	литер	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12												
ПВ	место	литер																										
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12																	

РЕДАКЦИОННАЯ ПОДПИСКА НА АНГЛО- И/ИЛИ РУССКОЯЗЫЧНОЕ ИЗДАНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

- заполните квитанцию и оплатите в любом отделении Сбербанка РФ
- заполните подписной купон и пришлите его вместе с квитанцией об оплате (или ее копией) по факсу: (095) 937-7611, по E-mail: subscribe@globalaffairs.ru или письмом по адресу:
АНО РИД «Глобус» 103873, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3 «В»

Цена одного номера (русскоязычное издание): получение в редакции – **180 руб.**
с доставкой (заказным письмом) – **230 руб.**

Цена одного номера (англоязычное издание): получение в редакции – **250 руб.**
с доставкой (заказным письмом) – **300 руб.**

Цены даны с учетом НДС.

В Москве журнал можно приобрести в магазинах:

«БУКБЕРИ»

- **ТРК «МЕГА»** (пав. 9092) Калужское ш., 21-й км (тел.: 789-6502)
- **ТЦ «Глобал Сити»** ул. Кировоградская, 14 (тел.: 956-4239)
- **Никитский б-р, 17** (тел.: 291-8303, 789-9187)
- **ТК «Галерея Аэропорт»** Ленинградский пр-т, 62а (тел.: 771-7261)

«РОССПЭН»

- «**Книжная лавка историка**» ул. Б. Дмитровка, 15 (тел.: 200-5007)
- «**Книжная лавка обществоведа**» Нахимовский пр-т, 51/21 (тел.: 332-4725)
- «**Книжный киоск РОССПЭН**» ул. Дм. Ульянова, 19 (тел.: 126-9418)
- «**Ad Marginem**» 1-й Новокузнецкий пер., 5/7 (тел.: 951-9360)
- «**Политическая книга**» ул. М. Дмитровка, 3/10 (тел.: 200-3694)
- «**Фаланстер**» Б. Козихинский пер., 10 (тел.: 504-4795)
- «**ТД Нина**» ул. Бахрушина, 28 (тел.: 959-2094)

ПОДПИСКА НА АНГЛО- И/ИЛИ РУССКОЯЗЫЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЗА РУБЕЖОМ

■ Через **ЗАО «МК-Периодика»**
или фирмы-партнеры **ЗАО «МК-Периодика»**
Подписной индекс в каталоге «МК-Периодика»: **10877**

ЗАО «МК-Периодика»
129110, Москва, ул. Гиляровского, 39
Тел.: (095) 681-9137, 681-9763
Факс: (095) 681-3798
E-mail: info@periodicals.ru **<http://www.periodicals.ru>**

■ Через фирму **East View Publications**

Подписной индекс в каталоге — для русскоязычного издания: **14216**
для англоязычного издания: **14464**

East View Publications
3020 Harbor Lane N. 117638, Москва
Minneapolis, MN 55447, USA ул. Азовская, 6/3
Tel: 1-763-550-0961 Тел.: (095) 777-6557, (095) 318-0927
Fax: 1-763-559-2931 Факс: (095) 318-0881
E-mail: eastview@eastview.com **E-mail: mosunova@mosinfo.com**
<http://www.eastview.com> **<http://www.eastview.com>**

ПОДПИСНОЙ КУПОН для физических лиц

ПОДПИСНОЙ КУПОН

Ф.И.О. получателя (полностью) _____

Период подписки: I полугодие январь - февраль март - апрель май - июнь

II полугодие июль - август сентябрь - октябрь ноябрь - декабрь

Форма доставки _____
нужное подчеркнуть получение в редакции
заказным письмом

Почтовый адрес (с индексом) _____

Телефоны (код) _____

E-mail _____

Идентификационный номер (ИНН) _____

Количество экземпляров _____

Внимание!

Не забудьте указать в подписном купоне точный почтовый индекс, адрес, по которому вы хотите получать журнал, и ваш номер телефона (для оперативной связи).

Извещение

Форма № **пд-4**

АНО РИД "Глобус"

(наименование получателя платежа)

ИНН 7703345932

(ИНН получателя платежа)

№ _____ р/сч. 40703810200000000114

(номер счета получателя платежа)

АКБ "ПРОМТОРГБАНК", г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810800000000139

БИК 044583139

Подписка на журнал "Россия в глобальной политике"

(наименование платежа)

Сумма платежа _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир

Квитанция

Форма № **пд-4**

АНО РИД "Глобус"

(наименование получателя платежа)

ИНН 7703345932

(ИНН получателя платежа)

№ _____ р/сч. 40703810200000000114

(номер счета получателя платежа)

АКБ "ПРОМТОРГБАНК", г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810800000000139

БИК 044583139

Подписка на журнал "Россия в глобальной политике"

(наименование платежа)

Сумма платежа _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир

ПОДПИСНОЙ КУПОН для юридических лиц

ПОДПИСНОЙ КУПОН

Наименование организации _____

Период подписки: I полугодие январь - февраль март - апрель май - июнь

II полугодие июль - август сентябрь - октябрь ноябрь - декабрь

Форма доставки получение в редакции
 заказным письмом

Юридический адрес _____

Почтовый адрес (с индексом) _____

Телефоны (код) _____ Факс (код) _____

E-mail _____

Р/с _____

Идентификационный номер (ИНН) _____

Количество экземпляров _____

Ответственное лицо (Ф.И.О.) _____

Внимание!

Не забудьте указать в подписном купоне точный почтовый индекс, адрес, по которому вы хотите получать журнал, и ваш номер телефона (для оперативной связи).

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен

" _____ " _____ 20 _____ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен

" _____ " _____ 20 _____ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)